
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 45 НОЯБРЬ 1989

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (3250)

4—11 НОЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: *Фотомонтаж из журнала «Октябрь». 1921 год. (См. в номере материал «Творцы революции».)*

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 16.10.89. Подписано к печати 31.10.89. А 10614. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1301. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В КАДРЕ — ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС принял решение о переиздании альбома-каталога «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров».

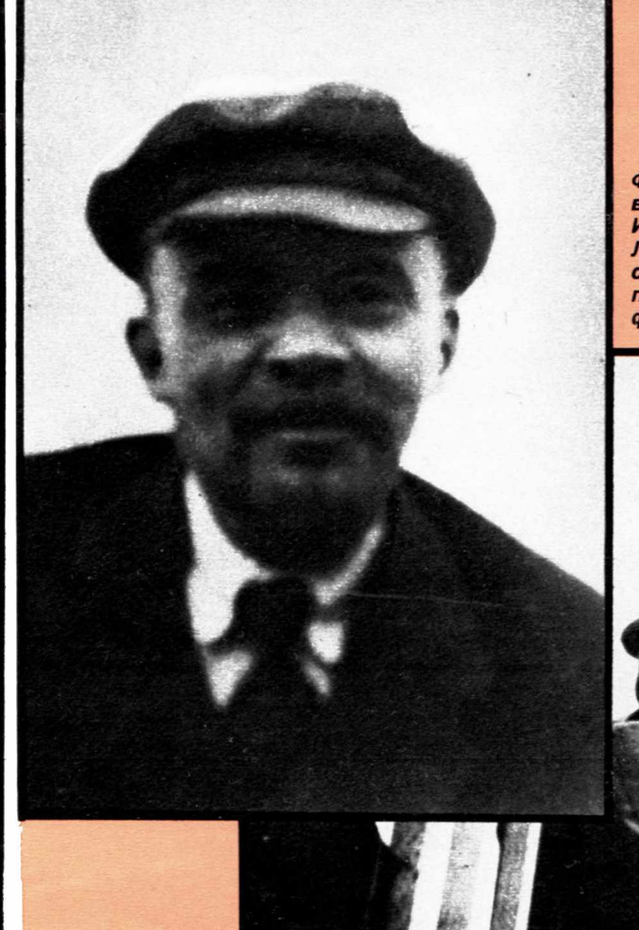
В предыдущих изданиях 1970 и 1980 годов многие групповые фотографии, на которых запечатлены так называемые «враги народа», публиковались в усеченном виде, давались фрагментарно. Многие соратники и сподвижники В. И. Ленина, те, кто создавал с ним первое в мире социалистическое государство, на фотографиях заретуширoваны, оставались за «кадром». Большинство этих людей стали жертвами сталинского беззакония, их имена предавались забвению.

Третье издание подготовлено к 120-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, и все фотографии и кинокадры даются в полном соответствии с оригиналами. В альбом включено 364 фотографии и около 700 кинокадров.

При подготовке издания была проведена дополнительно большая работа по установлению лиц на групповых фотографиях, розыску не дошедших до нас снимков.

Многие фотографии, публиковавшиеся ранее как фрагменты, неузнаваемо изменились и воспринимаются теперь совсем по-другому. Они дают возможность почувствовать историческую атмосферу тех дней, когда были сделаны.

З. ГРАМШИ,
зав. секцией кинофотодокументов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

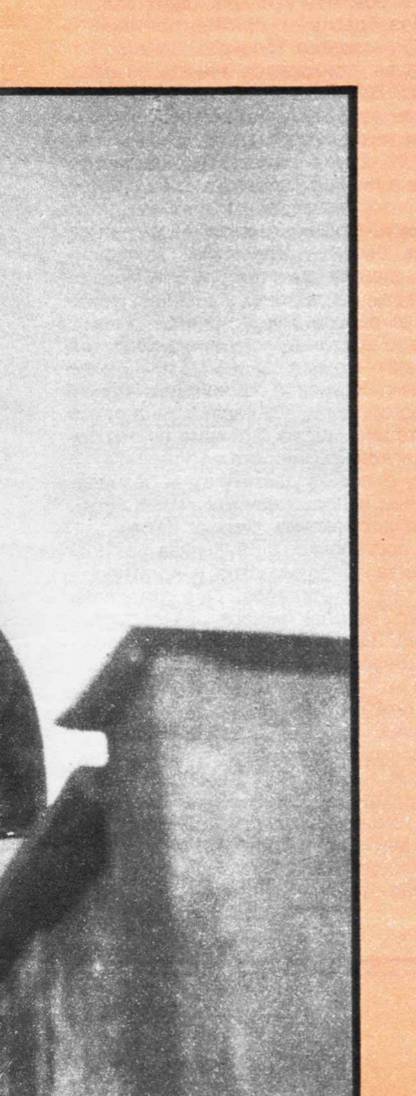


Фрагмент и полный фотокадр. Купюры восстановлены, ретушь смыта... Оказывается, Владимир Ильич вовсе не позирует, как думали раньше,— Ленина сфотографировали беседующим с Л. Троцким и Л. Каменевым после выступления перед красноармейцами, отправлявшимися на фронт (5 мая 1920 г.).

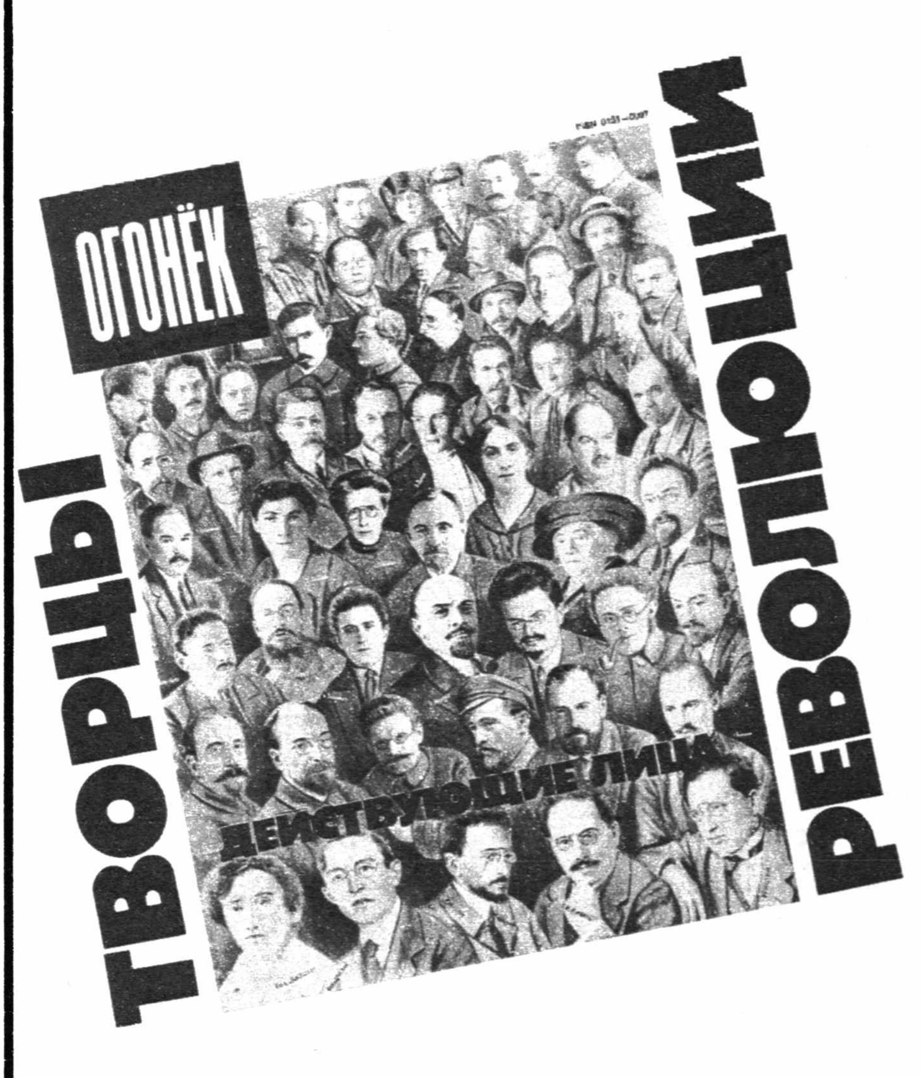
Кремль, 17 октября 1918 г. В. И. Ленин председательствует на заседании Совнаркома. И раньше мы знали эту фотографию, но председатель на ней был без членов правительства. Здесь В. И. Ленин не одинок: слева — А. Свидерский, Н. Крестинский, Д. Курский, М. Козловский, С. Диманштейн, Л. Карахан, П. Стучка, А. Рыков; справа — В. Шмидт, К. Радек, Г. Чичерин, Л. Троцкий, А. Шейнман, С. Пестковский и другие.

Москва, 5 мая 1920 г. В. И. Ленин выступает на параде частей Красной Армии. Справа у трибуны — Л. Троцкий и Л. Каменев; да и переполненная площадь на восстановленной фотографии как бы раздвинута.

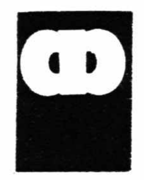




Творцы революции



Альберт ЮСЬКИН



Фотомонтаж «Творцы революции» находился в забвении более 60 лет. Его идеологическая концепция противоречит догматическим взглядам, которые так долго культивировались на основе искажения исторической правды. Поэтому «открыть» данный документ для широкой общественности позволила только политика гласности. Разберемся в происхождении документа.

В фондах ЦГАКФД СССР хранится уникальный фотоальбом «Октябрь», выпущенный в честь третьей годовщины социалистической революции 1 июня 1921 года. Издатель альбома — «Всемирное бюро художественной пропаганды III Интернационала».

Издание представляет «Фотоочерк по истории Великой Октябрьской революции (1917—1920 гг.)» под редакцией Н. Н. Глебова-Путиловского. В нем 34 фотомонтажа, 400 фотографий.

Небольшой вступительный текст на четырех языках отражает дух своего времени:

«Великий Октябрьский переворот, вручивший власть рабочим и крестьянам, мог прийти только после решительного выступления против буржуазии и мещанской умеренности. Он воплощает классовую и глубоко действенную теорию марксизма.

Робкие шаги первых дней быстро переходят в настоящий революционный бег, и, несмотря на индустриальную и культурную нищету, истощение и разор от войны, начинают складываться новая культура, новые человеческие взаимоотношения, быт, коллективное окрепление — великая советская сила.

И отразить это грандиозное строение — строй революционной поступи, хотя бы частично и скромно,— ставит целью фотоочерк, рассказав новым интернациональным языком рисунка о доподлинно виденном и механически точно зафиксированном».

Среди тематических фотомонтажей альбома, раскрывающих развитие революции в России, находится и монтаж «Творцы революции». Сегодня «новый» документ рождает больше вопросов, чем утверждает «известные» истины.

Современнику трудно рядом с В. И. Лениным воспринимать портреты Троцкого и Зиновьева, слишком долго негативные оценки их деятельности пропаганда внедряла в наше сознание. Какова же историческая правда? В первые годы революции Троцкий и Зиновьев находились в лидирующей группе политических деятелей Советского государства.

Л. Д. Троцкий с 6 сентября 1918 года занимал высший военный пост — председателя Революционного Военного Совета Республики и одновременно пост наркомвоена. Он выполнял многие ответственные поручения ЦК, Совнаркома, Совета Труда и Обороны. Яркие публичные речи, которые так любил произносить Троцкий, создавали ему большую известность в массах. Три портрета — Маркса, Ленина, Троцкого — были постоянной атрибутикой тех лет.

Г. Е. Зиновьев в декабре 1917 года был избран председателем Петроградского Совета, а с 1919 года стал Председателем исполкома III Коммунистического Интернационала, т. е. лидером международного коммунистического движения. С 1919 года он кандидат в члены, а с 1921 года — член Политбюро ЦК партии.

Таким образом, центральная часть фотодокумента объективно отражает соотношение авторитетов ведущих партийных деятелей на 1920—1921 гг. В издании «Октябрь» идеологически это закреплено отдельными монтажами персоналий: Ленин, Троцкий, Зиновьев.

Наиболее интригующий вопрос связан с отсутствием в монтаже «Творцы революции» портрета Сталина. Несомненно, что в тот период для широкой общественности Сталин был фигурой малоизвестной. Слабые ораторские способности, сильный акцент и другие недостатки заставляли его в людской массе держаться в тени. Однако уже в первые годы Советской власти Сталин, безусловно, входил в число руководящих деятелей партии.

Сталин — член Политбюро ЦК партии, нарком по делам национальностей и одновременно нарком государственного контроля, представитель ВЦИК в Совете крестьянской и рабочей обороны. Для игнорирования такой личности в документе, отражающем революционные заслуги выдающихся деятелей, нужны были весомые причины.

Внимательное изучение фотоальбома «Октябрь» приводит к мысли, что редактор издания выполнял тенденциозную установку на возвеличивание лидера Коминтерна. В издании дано изображений Ленина — 21, Троцкого — 14, Зиновьева — 33, Сталина — 2, т. е. Зиновьев «звучит» так же, как Ленин и Троцкий, вместе взятые. Даже в монтаже «Памятники пролетарским вождям» среди скульптурных изображений вставлена фотография с Зиновьевым.

Столь неприкрытое стремление к прославлению, а также третирование личности Сталина, по всей видимости, исходило от самого Зиновьева. Здесь просматривается явное желание отодвинуть в тень опасного соперника в борьбе за лидерство в партии.

Уже на переходе 1920—1921 гг. в высшем партийном руководстве шла скрытая борьба авторитетов. Громадные амбиции и стремление к «вождизму» в этой борьбе проявлял не только Троцкий, но и Зиновьев. Ухудшение здоровья В. И. Ленина, о котором знали лишь ближайшие соратники, обостряло личное соперничество.

Недавно из архивов партии было опубликовано письмо Ленина к Л. Б. Каменеву от 3 марта 1921 года, в котором Владимир Ильич пишет: «т. Каменев! Вижу, что на съезде, вероятно, не смогу читать доклада. Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное...» Предчувствуя неотвратимое приближение болезни, Ленин просил Каменева быть готовым заменить его как основного докладчика на XI съезде РКП(б).

С этого момента в 1921 году у Ленина впервые появились заместители по руководству правительством — А. И. Рыков и А. Д. Цюрупа. Весной 1922 года, когда болезнь начала прогрессировать, по просьбе Ленина к ним присоединился и Л. Б. Каменев.

Резкое усиление влияния Сталина после выдвижения его на пост Генерального секретаря ЦК (апрель 1922 года) существенно изменило расстановку сил в высшем звене партии. В конце 1923 года это вылилось в открытое выступление Сталина, Зиновьева, Каменева против Троцкого.

С глубокой проницательностью уже в декабре 1922 года В. И. Ленин увидел пропасть, в которую постепенно ввергалось ЦК партии из-за личного противоборства Сталина и Троцкого. В одной из записок «Письма к съезду» он предупреждал об опасности сползания к расколу: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий... самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу...»

Для укрепления коллегиальности в руководстве партии Владимир Ильич предложил Сталина переместить с поста Генерального секретаря и ввести в ЦК дополнительно 50—100 членов от рабочего класса. В это время активно повлиять на обстановку в ЦК Ленин уже не мог, тяжелая болезнь приковала его к постели.

Как известно, воля вождя осталась невыполненной. Сталин остался на посту Генерального секретаря, и в дальнейшем это имело трагические последствия для партии и советского народа.

В сокрытии завещания Ленина приняли деятельное участие Каменев, Зиновьев, Сталин, которые руководствовались только сохранением своего политического лидерства. Более того, во время болезни Ленина и вопреки его принципам они вынесли свои личные разногласия с Троцким на внутрипартийную дискуссию в октябре 1923 года.

Дискуссия показала, что раскол в верхних эшелонах власти стал реальностью. После Пленума ЦК и ЦКК партии Н. К. Крупская с возмущением писала Г. Е. Зиновьеву (31 октября 1923 года):

«...Во всем этом безобразии — Вы согласитесь, что весь инцидент сплошное безобразие — приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева... Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов... Вы знаете, что В. И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни... Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считаются с его мнением, так искажают его?»

Письмо Крупской проникнуто болью и тревогой за судьбу партии. Она стала свидетелем, как на Пленуме нормы товарищеской критики стали подменяться грубым силовым давлением и безнравственным использованием имени Ильича для достижения личных целей.

Так постепенно, с 1921 года по 1923 год, из-за соперничества и политиканства группы лидеров был подорван принцип коллективного руководства партией. Зарождение этих амбициозных устремлений, как нам представляется, нашло отражение в идеологическом подтексте фотодокумента «Творцы революции».

Рассмотрим состав группы соратников В. И. Ленина. Фотомонтаж состоит из 62 портретов. Здесь видные представители международного коммунистического движения: Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Бела Кун, Клара Цеткин. Большая группа членов Советского

правительства: Г. В. Чичерин — нарком иностранных дел, Ф. Э. Дзержинский — нарком внутренних дел, Н. Н. Крестинский — нарком финансов, В. В. Шмидт — нарком труда, Д. И. Курский — нарком юстиции, Л. Б. Красин — нарком торговли и промышленности, Н. А. Семашко — нарком здравоохранения, А. В. Луначарский — нарком просвещения, А. И. Рыков — председатель ВСНХ.

Выдающиеся деятели, занимающие ключевые посты: М. И. Калинин — Председатель ВЦИК, Х. Г. Раковский — Председатель Совнаркома Украины, Н. И. Бухарин — главный редактор газеты «Правда», М. П. Томский — Председатель ВЦСПС. Также пролетарские писатели Максим Горький и Демьян Бедный.

Сегодня состав группы «Творцов революции» кажется противоречивым. Наряду с популярными партийными и государственными деятелями в него вошли малоизвестные или совсем незнакомые широкой общественности лица. В этом нет ничего странного, мы пожинаем естественные плоды искажения исторической правды. Отраженные в кривом зеркале тенденциозной пропаганды, многие события и имена замалчивались или подавались в ложном виде.

Выдающиеся представители ленинской гвардии (Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев, Раковский, Шляпников, Радек, Крестинский, Карахан, Шмидт, Томский, Евдокимов и другие) «навсегда» были вычеркнуты из истории нашего государства. Их имена не значатся в энциклопедиях, они составили списки «врагов народа», по которым безжалостно прошелся каток сталинских репрессий 30-х годов. Из группы «Творцов революции» жертвами репрессий стали более 20 человек.

Всегда за расправой над людьми шла кампания уничтожения «политически неблагонадежных» документов. Несомненно, издание «Октябрь» подлежало полной ликвидации. В 1921 году оно было выпущено большим тиражом в 100 тысяч экземпляров, из которых сегодня сохранились, по всей видимости, единичные образцы. Иллюстрированного издания «Октября» нет и в спецхране Центральной государственной библиотеки имени Ленина.

Еще неожиданное обстоятельство. В феврале 1989 года посетители Центрального музея В. И. Ленина увидели картину И. Бродского «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна». Несколько десятилетий это уникальное художественное полотно было спрятано в запасниках музея. Наброски и зарисовки к картине художник делал во время работы Конгресса в июле 1920 года, а через несколько лет, в 1924 году, состоялся вернисаж картины. На громадном полотне И. Бродский изобразил более 500 активных участников важного форума коммунистов.

В настоящее время сотрудниками музея ведется исключительно сложная работа по расшифровке персонажей картины. Ими уже названы 225 человек, которые, будучи делегатами Конгресса, изображены на картине. При сравнении списка деятелей из монтажа «Творцы революции» с известными лицами на картине совпало 46 фамилий. Остальные десять соратников Ильича (из документа архива): Авров, Бадаев, Бонч-Бруевич, Владимирский, Кузьмин, Литвинов, Митрофанов (Ф. М. Гусаров), Подвойский, Склянский, Судаков — вероятно, участвовали в работе Конгресса, и в дальнейшем их изображения, мы надеемся, будут найдены на полотне.

Так уникальные материалы, дополняя друг друга, помогают глубже раскрыть исторические события, восстанавливают забытые имена.



«ЗА и ПРОТИВ»

Журнал «Огонек» и Всесоюзный центр изучения общественного мнения сообщают

Тема сегодняшней подборки — международные проблемы. Совсем недавно, в начале 80-х годов, противостояние между Востоком и Западом достигло угрожающего накала и опасность ядерной войны вызывала чувства страха и неуверенности в завтрашнем дне у людей многих стран, в том числе и у нашего народа. Улучшение международной обстановки в последние годы, нормализация советско-американских отношений отразились и в настроениях масс. Люди по-разному оценивают положительные сдвиги в международных делах. У одних вздох облегчения вызвал в первую очередь договор с Америкой о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, для других переломным моментом нашей внешней политики стал вывод войск из Афганистана. Некоторые взгляды на международные проблемы мы приводим ниже. Оценки людей различны, но явно прослеживаются оптимизм, надежды на развитие цивилизованных отношений с остальным миром.

ВОПРОС: ***Что вы считаете наиболее положительным во внешней политике СССР за последние 2—3 года?***

Заключение договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности	25,8%
Решение о выводе советских войск из Афганистана	29,0%
Решение об одностороннем сокращении армии и вооружений	8,5%
Решение о выводе части советских войск из Венгрии, ГДР, Чехословакии и Монголии	6,4%
Улучшение политических, экономических и культурных отношений СССР со странами Запада	15,9%
Повышение авторитета М. С. Горбачева на международной арене	12,5%
Не знаю, не слежу за этим	1,1%
Не считаю наши действия на международной арене за последние годы положительными	0,8%

ВОПРОС: ***Как вы оцениваете отношения между Востоком и Западом?***

Хорошие	12,9%
Средние	72,7%
Плохие	3,0%
Затрудняюсь ответить	11,4%

ВОПРОС: ***Как вы лично оцениваете политику США?***

Скорее положительно	30,0%
Скорее отрицательно	19,5%
Затрудняюсь ответить	50,5%

ВОПРОС: ***Каковы перспективы сохранения мира в Европе?***

Благоприятные	70,0%
Неблагоприятные	5,5%
Затрудняюсь ответить	24,5%

ВОПРОС: ***Какая страна, на ваш взгляд, вмешивается во внутренние дела других государств?***

Только США	43,6%
Только СССР	1,3%
И США, и СССР	37,6%
Ни США, ни СССР	1,8%
Затрудняюсь ответить	15,7%

ВОПРОС: ***Какая страна, на ваш взгляд, усиливает гонку вооружений?***

Только США	54,8%
Только СССР	0,9%
Обе страны	8,5%
Ни США, ни СССР	9,7%
Затрудняюсь ответить	26,1%

ВОПРОС: ***Какая сторона — СССР и страны Варшавского Договора или США со странами НАТО — сильнее в военном отношении?***

Сильнее СССР и страны Варшавского Договора	11,1%
Сильнее США и страны НАТО	7,3%
Обе стороны примерно одинаково сильны, между ними существует военный паритет	58,4%
Затрудняюсь ответить	23,2%

ВОПРОС: ***Можно ли в достаточной степени обеспечить оборону страны без ядерного оружия?***

Да	52,9%
Нет	21,3%
Затрудняюсь ответить	25,8%

ВОПРОС: ***Как бы вы отнеслись к выводу США и СССР своих войск с территорий стран-союзников в Европе?***

Поддержал бы	90,3%
Не поддержал бы	2,0%
Затрудняюсь ответить	7,7%

* * *

ВЦИОМ проводит изучение общественного мнения по заказам государственных, общественных и кооперативных организаций по любым интересующим их проблемам. Адрес: Москва, Ленинский проспект, 146, тел. 438-51-77.





МНОГО ЛИ У НАС ДЕНЕГ? ●
В ПАРТИИ — БЕЗ ТАЙН ●
КУПЛЮ ТЕЛЕГРАФНЫЙ СТОЛБ! ●
СПРЯТАННЫЙ КЛАССИК ●

■

В номере газеты «Комсомольская правда» от 12 августа 1989 года обычным шрифтом, хотя и на первой странице, напечатана настоящая сенсация: оказывается, по мнению руководства и партийной организации Московского городского суда, те судьи, которые в застойные годы отправляли в тюрьму и психбольницы людей, говоривших тогда то, что мы говорим сейчас, делали это в соответствии с общей практикой рассмотрения указанных дел в те годы и потому нет оснований для постановки вопроса об освобождении их от судебной работы.

Отсюда кое-что следует. Например, если нет оснований освобождать таких судей от судебной работы, то уж тем более не может быть и речи о привлечении их к уголовной или административной ответственности. Есть и вопросы: разве члены «троек», так трудолюбиво перемалывавшие миллионы людей в лагерную пыль, действовали не «в соответствии с общей практикой рассмотрения указанных дел в те годы»? А следователь Хват допрашивал Николая Ивановича Вавилова не «в соответствии»? Список вопросов легко продолжить, но суть и так ясна: был террор, был застой, была «общая практика», были «практиканты». Все было, но виноватых нет. Это пусть настырные режиссеры, журналисты про какое-то покаяние толкуют. Вот пусть и каются, если хотят, а граждане судьи от угрызений совести освобождаются без освобождения от работы. Согласно индульгенции, выданной руководством Мосгорсуда. Кто следующий?

А. АБЕЛЬСКИЙ
Москва

■

В последнее время в печати часто встречаются публикации, авторы которых пытаются нас убедить, что денег у народа много, одна беда — тратить их некуда.

Можно приводить какие угодно цифры роста заработной платы и вкладов в сбербанки, но жизнь показывает совсем другое. Где вы видели людей, имеющих свободные деньги, которые некуда тратить? Мы таких не знаем. Среди нас их нет.

Нас нельзя назвать малообеспеченными: и мы, и наши мужья работаем на АЭС, получаем больше, чем учителя, воспитатели и многие другие категории трудящихся. Однако мало у кого в сбербанке имеется счет больше, чем на несколько сот рублей. Да и это накапливается за многие годы, когда постоянно приходится в чем-то себе отказывать, экономить, чтобы приобрести зимнее пальто, телевизор, мебель... Что же тогда говорить о тех, кто получает еще меньше? А таких в нашей стране большинство.

Нам приводят данные о возрастании доходов, опережающем рост производительности труда. А почему бы не проследить рост цен, которые официально никто не повышает, но которые на глазах ползут вверх? Почему бы не подсчитать тот же индекс стоимости жизни, который покажет реальное положение вещей?

Теперь ни для кого не секрет, что есть в нашем социалистическом обществе и легальные миллионеры — родственники и наследники знаменитых деятелей науки, искусства,— и подпольные. Может, это их миллионы составляют большую часть вкладов в сбербанк? Поэтому не надо обманывать себя и нас: наряду с дефицитом товаров имеет место и дефицит денег в кошельках большинства трудящихся!

Постоянная стесненность в средствах, отсутствие возможности приобрести не то что желаемое, а зачастую и необходимое накладывают на людей отпечаток, угнетают их, делают либо озлобленными, либо апатичными. Не надо закрывать на это глаза, не надо делать основной упор на дефицит товаров. Пусть наши экономисты побольше внимания уделяют подсчету расходов людей на жизнь, чем их «средних доходов». Неплохо бы и социологам к этому подключиться. Например, провести анкетирование населения страны (желательно по каждой республике в отдельности), чтобы выяснить реальные доходы и расходы каждой семьи. А на основании этого уже можно будет судить, хорошо ли мы живем и много ли у нас денег.

Ж. НИКОЛАЕВА, Н. КОНОВАЛОВА, Т. ТИХОМИРОВА — всего 15 подписей — сотрудники отдела метрологии Калининской АЭС

■

Недавно на партийном собрании мы вновь рассматривали закрытое письмо ЦК, и я подумал: а может быть, пора покончить в нашей партии на пятом году перестройки, гласности, демократизации нашего общества с так называемой закрытостью?

От кого и что партия может скрывать в наше время? Каждое закрытое письмо ЦК сразу же становится известным всем беспартийным, комсомольцам. Понятно было бы, если бы такая таинственность вызывалась чрезвычайными обстоятельствами, экстремальной ситуацией, но в условиях перестройки создание завесы таинственности порождает у простых людей недовольство, истолковывается как недоверие к ним.

Наоборот, партии нужна еще большая открытость, чтобы консолидировать все здоровые силы партии и народа, пусть каждый наш советский гражданин знает обо всем, что ранее составляло так называемую «партийную тайну».

Как историк по образованию, считаю, что сталинизм и смог укрепиться в партии и государстве жестоким культом только потому, что существовала атмосфера закрытости, таинственности, кулуарности. Именно поэтому можно было утаить от народа, партийных масс завещание В. И. Ленина. Его прочитали «закрыто», по делегациям на партийном съезде, и за эту «закрытость» наш народ заплатил такой дорогой ценой.

Я ярый противник сталинизма, поэтому выступаю за полную открытость в нашей партии. Пусть весь наш советский народ знает, что мы, коммунисты, обсуждаем в своей, то есть нашей, всенародной партии.

Мы сейчас открываем все окна и двери настежь в нашем затхлом социалистическом доме, так давайте начнем с открытости в партии, раз она главная организующая, направляющая, мобилизующая сила нашего общества. Иначе получается полный абсурд: как эти функции можно выполнять закрыто, отгородившись от народа?

В. ВЛАСОВ
Воронеж

■

В октябрьском номере «АиФ» (№ 39) опубликовано интервью с заместителем директора ЦЭМИ АН СССР Н. Петраковым. На вопрос корреспондента Н. Желноровой — возможен ли сейчас на наших военных предприятиях «выпуск военной техники, но уже не для себя, а для продажи за рубеж?» — интервьюируемый не моргнув глазом ответил: «Почему же? Это конверсия (?!) через продажу военной техники... Почему не продавать то, что пользуется спросом? Мы продаем эту технику, а на вырученные деньги покупаем товары народного потребления». Вот так-то! Знай наших!

В недавнем прошлом нам популярно объясняли, что мы, мол, поставляем оружие нашим союзникам, и только для нужд их обороны от коварных соседей. Однако многим, думаю, памятна ссора между руководителями дружественного нам Южного Йемена в середине 80-х гг., которая закончилась потасовкой с применением артиллерии и танков made in USSR. Сейчас право на торговлю оружием отстаивают тезисом: торгуют все. Увы, эти «все» — пока реальность нашего тесного мира, реальность жестокая, реальность из прошлого. И с ней надо кончать всем, но остановиться первым должен кто-то один. Кто им будет? Мы? США? Израиль?..

Быть может, на высказывании тов. Петракова и не стоило бы заострять столь пристальное внимание, но одно обстоятельство обязывает это сделать. Н. Петраков ко всему прочему является еще и народным депутатом СССР. А устами государственного мужа вряд ли пристойно поощрять и возводить в ранг достижений перестройки обмен советских пулеметов на стиральный порошок.

А. УТКИН
Иваново

■

Сейчас в печати начали публиковать статьи о социальной незащищенности советских моряков, рыбаков и речников.

Широкой общественности мало известно о том, в каком положении находятся у нас кадровые моряки после того, как были созданы так называемые комиссии по загранплаванию при обкомах партии. По своей сути это были те же особые совещания с той лишь разницей, что в настоящее время эти комиссии не уничтожают моряков физически. Но дело в том, что если моряка лишают допуска к загранплаванию, он фактически лишается своей профессии. Ни один орган, включая народный суд, не принимает заявлений на решения этих комиссий. Характерно и то, что не существует государственного акта, обосновывающего правомочность существования этих комиссий. По сути своей являясь антиконституционными, эти комиссии своими решениями лишают тысячи моряков работы по специальности, вынуждают их скитаться по стране в поисках какой-либо работы, так как после лишения визы моряк автоматически подлежит увольнению из плавсостава.

Я обращаюсь к народным депутатам Верховного Совета СССР с просьбой поднять вопрос на Съезде о создании парламентской комиссии по рассмотрению вопроса о визировании моряков и их бесправии в связи с этим. Номенклатурно-командная система породила на флоте протекционизм, взяточничество и другие пороки. Вершиной этой системы и явилось создание комиссий по загранплаванию, которые могут любого моряка лишить работы и вышвырнуть на свалку.

Я. КАРПИК,
капитан дальнего плавания
Москва

■

В Алуште строятся новые дома, телефонизируются квартиры вновь прибывших в город на жительство людей. А наш район строился в 50-х годах, там не предусмотрены были подземные телефонные кабели, и мы остались без связи. Я прожила в городе 32 года, всю жизнь трудилась, состарилась здесь. И как обидно мне было получить от работника телефонный сети такой ответ на вопрос, когда же будет телефонизирована наша улица: купите телеграфно-телефонный столб, установите, купите телефонный кабель, подведите, купите аппарат — и тогда мы вас подключим.

Простите, но где можно купить телеграфный столб?

Т. ЗАХАРОВА,
пенсионерка
Алушта

■

В передаче по Всесоюзному радио, посвященной дню туризма, представитель Грузии, приглашая совершить путешествие по этой республике, подчеркнул гостеприимство своего народа и не без гордости сказал, что, несмотря на трудности, которые испытывает вся страна, в Грузии в отличие от некоторых других республик ведется свободная торговля без паспортов. Гостеприимство и доброжелательность грузинского народа не позволяют отказать гостю пообедать в ресторане или купить понравившуюся вещь.

Я с большим удовлетворением отметила про себя, что руководству моей республики хватило мудрости не поддаться всеобщему ажиотажу.

На Украине те же трудности, что и в других республиках. Но можно ли дружбу народов променять на дефицит? Можно ли говорить о гуманности, милосердии и тут же отказать командировочному пообедать в ресторане или купить кусок колбасы?

Мне думается, народ, позволивший ввести торговлю по паспортам, потерял больше, чем дефицит...

Т. КРУТЕНКО
Киев

■

У железнодорожного транспорта нерешенных проблем немало. «Огонек» уже поднимал их. В самом деле, мы свыклись с тем, что он далеко не удовлетворяет наши потребности. Нескончаемые очереди у касс стали как бы составной частью нашего образа жизни. Нас не удивляют и участившиеся опоздания поездов на несколько часов. Все это, так сказать, лежит на поверхности. Но то, с чем пришлось столкнуться недавно, находится вне нашего поля зрения, позволяет взглянуть на проблему как бы изнутри.

Перед нами два билета для СВ, выписанные автору письма на поезд Москва — Махачкала. Первый билет до Таганрога, второй — от Таганрога до Прохладного. Пассажиру они обошлись, как это видно, в 65 рублей. Зная, что до г. Прохладный место в СВ стоит 48 рублей, естественно, поинтересовался у контролера, продавшего мне билет, о причине столь существенного расхождения. Должностному лицу ничего не стоило защитить интересы своего ведомства, имея под рукой ведомственную инструкцию. Оказывается, в том случае, когда расстояние от пункта А до пункта Б оплачивается по частям, а не сразу в целом, это влечет за собой повышение общей стоимости проезда. В нашем случае оно составило порядка 35 процентов (65 вместо 48 рублей).

Не кажется ли вам, что это противоречит элементарной логике и здравому смыслу тоже?

Б. ХУБИЕВ
г. Нальчик

■

Я давно, лет 15, не был в Ясной Поляне. И вот проездом с Полтавщины, где довелось побывать в гоголевских местах, решил вновь посетить знаменитую усадьбу. Увы! Вместо посещения дома-музея великого писателя мне пришлось беседовать с молодым человеком в военной форме, охранявшим вход в музей. Было воскресенье, два часа дня, и, хотя дом-музей открыт до пяти, билетов в него уже не продавали. Заплатив 70 копеек, чтобы войти в усадьбу, и миновав двух милиционеров, я подошел к заветному дому. За 30 минут, которые я провел возле входа в музей с толпой желающих туда попасть, в него никого не пускали — ждали какую-то междугородную экскурсию. Охранявший вход в музей человек в военной форме, назвавшийся пожарником, мило беседовал с девушкой-экскурсоводом, лениво отмахиваясь от назойливых посетителей. Попытки уговорить его открыть заветную дверь натыкались на давно знакомые выражения: «нельзя!», «у нас инструкция!», «нам приказано — мы выполняем!» и т. д. Оказывается, музейные власти, чтобы сохранить паркет в доме, издали постановление: поднять цену за посещение музея до 1 руб. 80 коп. (в несколько раз, если еще добавить стоимость входного билета в усадьбу). А ведь в знаменитый Лувр, где паркет не хуже, в воскресенье всех пускают бесплатно и в нью-йоркский Метрополитен можно пройти за символическую плату, не говоря уже о мемориальных музеях. А добровольный страж толстовского музея уже разобрался, кого сюда пускать, а кого нет и как с кем себя вести, когда за спиной стоит милиционер.

Может быть, это частный случай? Но от кого загораживают целые природные массивы, например, Карадаг в Крыму, вместо того, чтобы сделать их национальными парками? Кто ввел экскурсионную систему посещения Новодевичьего кладбища в Москве? Почему билеты в Большой театр можно купить только за валюту? Почему усадьба «Архангельское» под Москвой много лет огорожена забором Министерства обороны и поставлена на вечный капремонт? Хватит или продолжать? А усадьбы под Звенигородом с высоченными заборами? Да нет конца! Все эти деяния объединяют общее пренебрежение к человеку, психология рабов и господ. И она будет жить до тех пор, пока ретивые исполнители на местах не задумаются над тем, в чем состоит смысл их жизни, о чем так мучительно думал Лев Николаевич Толстой.

В. НЕДОРЕЗОВ
Москва

■

В 1966 году было принято решение о переводе Ленинградского университета в район между Старым Петергофом и Мартышкином в 35 км от города. Перевод университета резко ухудшил условия учебной и научной работы и вызвал многочисленные возражения сотрудников, но их отклонили без рассмотрения. За эти годы перевели 4 факультета из 16, при этом часть сотрудников уволилась. Опыт крупнейшего в университете математико-механического факультета показал, сколь пагубно отразился на его работе переезд. На факультет резко снизился конкурс, упал средний уровень подготовки студентов, понизилась производительность научного труда и экспертно-консультационная деятельность ученых факультета.

В настоящее время идет подготовка к переселению факультета географии и геоэкологии и института географии. Особенность этих наук состоит в том, что для них совершенно необходимы данные натурных наблюдений. Университет не имеет ни технических средств для проведения крупных сухопутных экспедиций, ни судов для наблюдений в Мировом океане. Сотрудники факультета широко используют данные, имеющиеся в фундаментальных библиотеках города, и материалы других организаций, в том числе Главной геофизической обсерватории имени А. И. Воейкова, Государственного гидрологического института, Института озероведения АН СССР, Ботанического института АН СССР, Арктического и антарктического научно-исследовательского института. В этих организациях студенты проходят значительную часть обучения и производственную практику. Сотрудники и студенты факультета принимают активное участие в деятельности Географического общества СССР. Перевод факультета и института за пределы города сделает невозможной подготовку квалифицированных специалистов геоэкологического профиля и причинит непоправимый ущерб научным исследованиям. Он грозит погубить получившую мировое признание географическую школу, создателем которой был 150 лет тому назад Э. Х. Ленц — крупнейший русский физик, занимавшийся изучением геосферы.

На собрании сотрудников было принято решение, в котором, в частности, говорится, что факультет и институт, как и весь университет, должны находиться в Ленинграде, где существуют оптимальные условия для получения студентами полноценного высшего образования и для эффективного проведения научно-исследовательских работ, что продолжающееся выселение университета из Ленинграда выгодно только бюрократам, противникам перестройки. Аналогичное решение принял и ученый совет. Однако подготовка к выселению продолжается. Миллионы рублей тратятся на разрушение важного центра географии, созданного поколениями ученых. Пора остановить бюрократов!

В. РЖОНСНИЦКИЙ,
В. ДМИТРИЕВ
Ленинград

■

В № 23 журнала «Огонек» опубликовано письмо Ю. Любимова, Н. Губенко и других авторов, не совсем объективно изображающее события, связанные с передачей архива Театра на Таганке в ЦГАЛИ СССР.

Наверное, даже не все авторы знали, как было дело, а у читателей тем более создается представление, не соответствующее реально происходившим событиям. В ЦГАЛИ недавно поступило письмо от группы лиц из Ленинградского отделения Фонда культуры, где прямо говорится, что ЦГАЛИ «арестовал рукописи Высоцкого». Это — следствие прямой дезинформации общественности, которая исходит, мы уверены, отнюдь не от подписавших этот документ уважаемых лиц.

Обстоятельства складывались так. В марте 1984 года Театр на Таганке обратился в ЦГАЛИ СССР с настоятельной просьбой о немедленном приеме на государственное хранение документов архива театра и музейных материалов. Учитывая возможность утраты документов, ЦГАЛИ СССР дал согласие на прием этих документов, причем документы за 1977—1984 годы были приняты в порядке исключения в неописанном виде, в россыпи (по правилам, организации сдают документы на государственное хранение в упорядоченном виде).

В театре была создана комиссия, которая и передала документы на постоянное хранение в ЦГАЛИ СССР. Документы были поставлены на государственный учет и включены в Архивный фонд СССР. Надо отметить, что уже при приеме были обнаружены утраты многих документов, о чем театр был поставлен в известность.

Документы, переданные театром в 1984 году, были присоединены к фонду Театра на Таганке, хранившемуся и ранее в ЦГАЛИ СССР. Музейная часть, как было условлено и при приеме, хранится в ЦГАЛИ СССР до создания государственного музея театра или музея В. Высоцкого, и это хорошо известно авторам опубликованного письма. В нем общественность извещается, что «устранена одна из главных причин отказа ЦГАЛИ СССР — отсутствие гарантии сохранности архивных материалов в притеатральном музее». Недавно мы снова, в который раз уже, побывали в Театре на Таганке и опять убедились, что театр не располагает ни помещением, ни оборудованием для хранения документов и музейных предметов — только небольшой чуланчик, который не вместит и текущие документы театра. Мы готовы хоть завтра передать театру все музейные предметы, занимающие у нас целый стеллаж, однако ему просто некуда их принять.

Что касается использования документов, думается, авторы письма напрасно столь усиленно нагнетают напряженность в этом деле. Мы сотрудничаем с театром давно, не первый год, всегда оперативно обеспечивали театр необходимыми копиями, выдавали документы в пользование без ограничений, в том числе и из необработанных документов.

Передача документов в ЦГАЛИ СССР не только не препятствует изучению истории театра, но и обеспечивает ее подлинное научное исследование в контексте развития театрального искусства. К сожалению, слишком часто приходится констатировать, что документы, не поступившие на государственное хранение, распыляются по частным рукам, уходят за границу, а порой и просто утрачиваются.

Государственным решением вопроса была именно передача театром своего архива на постоянное государственное хранение. Театр ясно сознавал, что его документы являются ценными источниками по истории русского театра и место им в государственном хранилище.

Все, что нужно для возобновления спектаклей, мы готовы предоставить театру в ксерокопиях. Но подлинные документы, ставшие историей, надо уберечь от всех превратностей нашей бурной жизни. Это и будет не «местническим», а государственным подходом.

Н. ВОЛКОВА,
директор ЦГАЛИ СССР



Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

За последние три года за поступки, несовместимые с высоким званием коммуниста, из рядов КПСС исключены 6342 человека. Это много даже для нашей большой областной партийной организации.

Но всегда ли мы получаем ожидаемые результаты от столь суровых мер наказания? Всегда ли виновен лишь тот коммунист, которого мы наказываем? Не вызвана ли его недисциплинированность какими-либо другими факторами?

Поэтому нам сегодня, выражаясь языком медиков, надо препарировать недисциплинированность. Постараться докопаться до ее истоков, выявить причины, побуждающие коммунистов совершать поступки, противоречащие Уставу КПСС.

Определяющая роль в обеспечении высокой организованности и сплоченности партии, активности и сознательной дисциплины коммунистов принадлежит ленинскому принципу демократического централизма.

Из доклада первого секретаря Ростовского обкома КПСС Б. ВОЛОДИНА на пленуме обкома 18 февраля 1989 года.

Сергей КЛЯМКИН

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ



Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Еще совсем недавно Владимир Петрович Котельников слыл сильным руководителем, а сегодня за ним целый шлейф ярлыков: «политически незрелый», «неискренний», «организатор пьянки»... Но единственное, о чем Владимир Петрович жалеет, так это о том, что он, здоровый, крепкий мужик, прошедший школу больших строек, вынужден теперь заниматься в конторе бумажками, оторванный от живого, горячего дела. Котельников не жалеет о случившемся, о том, что жизнь теперь придется строить чуть ли не заново:

— Я не злой человек, не экстремист, не враждебный ни для партии, ни для советского строя элемент. Бурил колодцы в пустынях, артезианские скважины, тянул водоводы... Я был доволен тем, что имел. Ни на что не претендовал, ничего не требовал. По пять лет не бывал в отпуске, не шиковал на курорте, короче, обходился для общества очень дешево. Я не участвовал в политической деятельности, считал, что самая главная для меня политика — работать больше и лучше. Но образ жизни и моя философия показались аппаратчикам недостаточно партийными, и они принялись за мое воспитание. Что ж, оно пошло на пользу. Все очень круто изменилось в моей жизни, я занял совершенно другую позицию, совершенно по-другому осознал свой партийный и гражданский долг...

На собрании районных активистов первый секретарь РК В. Шевяков сообщил, что Котельников, начальник строительно-монтажного поезда, исключен из партии. Не удержался, хотя в душе не мог не сознавать, что надо остановиться. Но не мог. Чувствовал, что все больше теряет авторитет, догадывался, что о нем говорят за спиной, и стремился любыми средствами утвердить, сохранить свою власть, показать свои возможности.

Конечно, Шевяков не думал, что конфликт с Котельниковым зайдет так далеко, рассчитывал, что тот не выдержит, подчинится, а потом уже не смог пересилить себя, отступить. Дело даже не в Котельникове — для других соблазн: чуть ослабь вожжи, выйдут из-под контроля, права начнут качать.

Нет, надо в самом зародыше давить неповиновение, чтобы другим неповадно было. Иначе все, конец, распад власти. Он не хотел думать, что этот распад уже давно идет.

На очередной сессии горсовета было сказано без обиняков: системы жизнеобеспечения города находятся в критическом состоянии. Еще пять-шесть лет, и все будет парализовано. Уже сейчас число больших и малых аварий исчисляется сотнями, тысячами.

— Будут ли доверять нам ростовчане, голосовавшие за нас во время выборов? Думаю, нет,— откровенно признал



в своем выступлении председатель Ростовского горисполкома Г. Зоренко.

Да, экономический кризис вел к кризису власти. И это рождало нервозность, а то и откровенную неуверенность на всех ее этажах.

Неуверенность прикрывалась жесткостью, нервозность — нетерпимостью, нормальная организаторская работа — организацией различного рода «штабов». В течение года Котельникова вызывали в РК и райисполком на различные штабы до сотни раз. И каждый раз — разнос. По делу, без дела... «Даешь Продовольственную программу!», «Даешь ремонт канализации!», «Даешь!.. Даешь!..».

Попытка возродить «военный коммунизм», «разверстку» на территории района обернулась крахом: свиньи дохли в подсобных хозяйствах, аварии множились, «латание дыр» оборачивалось новыми «дырами». Все понимали идиотизм «разверсточной политики», но ослушаться — плюнуть против ветра, чуть что — политическая оценка. И вдруг Котельников, словно не понимая «политического момента», отказывается ремонтировать прогнивший участок водопровода на одной из улиц.

Шевяков это воспринял как прямой вызов установленному им режиму. Котельников пытался объяснить: он согласен все сделать, но у заказчика нет денег, объект и так сверхплановый, он обращался во все инстанции, но всем наплевать. Шевяков не слушал: «Не выполнишь — положишь партбилет»...

— Ну, поймите,— пытался убедить его Котельников.— Ведь объем работ там равен нашей полумесячной программе. Что я заплачу рабочим? Мы ведь только перешли на хозрасчет. Я не могу бесплатно сделать ремонт: подорву всю нашу экономику.

Его не слышали: «Свои интересы ставите выше общественных».

Котельников не хотел конфликта с райкомом. Понимал он и проблемы Шевякова: с него требовали то, что он не мог выполнить, требовали, чтобы работало «звено», хотя уже давно не работала «Система».

По инерции крутился запущенный механизм Системы, тиражируя во все большем количестве противоречивые, нелепейшие указания, подрывающие окончательно саму Систему. Так же по инерции и Шевяков делал то, что оборачивалось против него, против его власти, авторитета. Но даже сознавая нелепость многих своих приказов и указаний, он бы не смог остановиться, потому что Система его бы перемолола.

Все это Котельников хорошо понимал. Сознавал, чем рискует, вступая в конфликт с Шевяковым, не с ним — с Системой! Но сама жизнь поставила его в такие условия, когда надо было сделать выбор: или защищать хозрасчет, или подчиниться диктату абсурда.

Командировка Котельникова в Ставрополье вызвала у Шевякова ярость. Решил, что Владимир Петрович там от него прячется. Конечно же, Котельников прятаться ни от кого не собирался: не мальчик, чтобы в такие игры играть. На Ставропольщине шло строительство новой железной дороги, в котором принимал участие и строительно-монтажный поезд, возглавляемый Котельниковым.

Ехал он туда на день-два, а пробыл месяц. Министерство поставило задачу — сдать линию досрочно. Заместитель министра, курировавший стройку, запретил Котельникову отлучаться с объекта до пуска. Железная дорога государственной важности — спорить не приходилось.

А из Ростова то и дело шли звонки: гневался Шевяков. Странный человек. Как будто в воле Котельникова бросить стройку, нарушить приказ замминистра.

В конце концов Шевяков прислал телеграмму: «Срочно вернитесь в Ростов».

Телеграмма совпала с началом работы Госкомиссии, до шевяковских ли тут амбиций! В последний день работали,

устраняя замечания Госкомиссии, до рассвета, в пять утра выехали в Ростов. Через несколько дней — бюро райкома. Чего только не услышал Котельников от членов бюро! И что его поведение беспринципно, и что он специально просидел целый месяц в Ставрополе, прятался от руководства района, и что он неискренен, и что не понимает глубины задач, и что устроил на бюро торг, и что настраивает против райкома коллектив.

Его доводы вызывали еще большее раздражение. Говорили словно на разных языках. Он — о хозрасчете, а ему — о патриотизме, он — о том, что не может посылать рабочих бесплатно, а ему — об эгоизме, о недисциплинированности, он — о новой экономической политике партии, а ему от имени партии: или приступишь к работе, или положишь партбилет.

Шевяков все больше накалялся, взвинчивал репликами себя и членов бюро. И когда Котельников после длинного, бессмысленного препирательства снова отказался, с белым от ярости лицом выскочил из зала.

«Звонить в горком, согласовывать»,— догадался Котельников. Странно, но в этот момент он совсем успокоился, наблюдал за происходящим как бы со стороны. Конечно, он мог еще отступить. И Шевяков был уверен, что он отступит, как отступали здесь другие, сломается. Знал Котельников, что уже есть проект решения: «Котельников заслуживает самого строгого партийного взыскания, вплоть до исключения его из партии, но, учитывая его признание своей вины...» Но Котельников не мог отступить. Не мог еще и потому, что его позицию поддержало партбюро стройпоезда. Да и не о ремонте этого злосчастного водопровода шла речь: шевяковым, диктующим от имени партии, он не мог уступить.

Секретарь райкома вернулся не скоро. Все уже как-то поостыли. Владимир Петрович по глазам Шевякова понял, какой сейчас прозвучит приговор, санкция получена.

— Больно признать ошибку, которую совершили при выдвижении Котельникова на должность руководителя,— подчеркнуто тихо, словно даже сострадая, начал Шевяков. Но не выдержал тона, заводясь и заводя других, понес полную нелепицу: — Стиль работы Котельникова — опасный, он оказывает гонения, шантажирует людей, занимается запугиванием рядовых работников. Котельников случайно оказался у власти. Упоенный своим положением, любуется собой, противопоставляя свое «я» интересам общества. В течение года он занимается подлогом и обманом... Предлагаю Котельникова из партии исключить.

Владимир Петрович увидел, как послушно взметнулись руки. Шевяков холодно сказал:

— Завтра же сдайте партбилет.

Что говорить о том, что испытал в те дни Котельников: опустошение, бессилие, гнев... Надо было держать себя в руках, не поддаться яростному прессингу Шевякова, который, это было очевидно, ждал, что он придет на поклон, сломленный и послушный.

Воспользовавшись случаем, Котельников рассказал обо всем одному из секретарей Ростовского обкома, попросил помочь. Тот при Котельникове позвонил Шевякову: «Что вы там вытворяете?!» Но то ли Шевяков уже окончательно зарвался, то ли почувствовал он в словах секретаря обкома обратное тому, что было сказано, то ли после выступления перед районными активистами не мог отступить перед каким-то Котельниковым,— так или иначе, но все осталось по-прежнему.

«Первому секретарю Ростовского обкома КПСС тов. Володину Б. М. от инженера-строителя Котельникова В. П.

Уважаемый Борис Михайлович!

8 октября бюро Железнодорожного РК КПСС исключило меня из рядов КПСС. За что? Аморальных поступков я не совершал, уголовных тоже, высокое звание коммуниста и руководителя не опозорил ничем... В КПСС я 23 года. Не имел ни одного партийного взыскания. Участвовал в строительстве девяти новых железнодорожных линий — большинство в суровых природных условиях. Последнее время являюсь начальником строительно-монтажного поезда Водрем-23.

Отняли партийный билет, то, что было всегда моей совестью, честью, гордостью. Я вступил в партию не ради карьеры, престижа и привилегий. Вступление в ряды КПСС для меня означало вступление на путь борьбы за торжество высоких идеалов коммунизма. Этим принципам был верен всегда, никогда не отступал от них, чем бы мне это ни грозило.

За что же исключили?.. Почему добивались от руководителя-коммуниста того, чтобы ради покрытия чьей-то бездеятельности, безответственности, барственного иждивенчества он принес в жертву интересы своего коллектива, свою партийную честь, принципиальность, престиж руководителя?..

...Моего персонального дела вовсе не существует, потому как в нем нет персональных начал, пороков, мотивов. Здесь прием известный — социальные процессы, происходящие в обществе, свести к деятельности отдельных личностей, путем расправы над ними придушить нежелательные процессы. Руководителям территориальных органов перемены не по душе, они не готовы к ним и не поняли их, они люди своего времени, прошлого времени. Выросшие и воспитанные в условиях жесточайшего администрирования, они оказались полностью не способными к работе в свете новых задач и требований жизни...

...Вместо глубокого осмысливания природы наступивших перемен и перехода на иные, демократические, основанные не только на энтузиазме, но и на интересах трудовых коллективов формы и методы работы руководители территориальных органов над старыми, обветшалыми догмами, принципами, стилем работы вывесили новейшие лозунги.

Что в результате? Работа не идет, полная пробуксовка. Руководители территориальных органов оказались не только не в голове, не только не в авангарде, но вообще сошли с орбиты перемен, они не смогли найти в себе ни сил, ни способностей вылезти из старой, наезженной колеи и по-прежнему размахивают своей административной дубинкой. Руководители гор-, райисполкомов являются главными виновниками того, что миллионный город с колоссальными производительными силами, мощными индустриальными бицепсами не живет, а влачит жалкое существование, постоянно в кризисной ситуации, в реанимационном режиме. Между тем он имеет все объективные условия для коренного оздоровления и решения в кратчайший срок социальных запросов населения. Решение этих вопросов всецело в прямой зависимости от субъективных факторов. Будем говорить честно и прямо — от способности руководить. Я, как инженер, другой главной проблемы и причины не вижу.

Прикрываясь высшими партийными и государственными интересами, гнут хозяйственников и самым бессовестным образом жнут. Жнут за счет плановых объектов, тех же детсадов, школ, больниц, жилья, за счет хозрасчетного дохода предприятий, ущемления экономических интересов трудящихся.

Налицо явное извращение политэкономии социализма, потому что получается следующая нелепая формула: благополучие трудящихся за счет ущемления экономических и социальных интересов трудящихся...

...Нам как воздух нужны такая психологическая обстановка, такой социальный микроклимат, которые бы способствовали творческой и спокойной работе. Совершенно очевидно, что традиционный принцип принудительного привлечения предприятий к решению хозяйственных задач на территории не срабатывает, не обеспечивает социальных запросов населения. Путь этот недемократичен, расточителен, аполитичен, тупиковый, без перспективы выхода на прогрессивные направления. Поэтому на этом пути руководителям не видеть лавров, а народу благополучия. Драматизм ситуации в том, что понять этих простых истин никто не хочет. Сразу свирепеют, начинают угрожать, наркотизируя себя якобы заботой о благе народа, позорить, обвинять в демагогии, применять карательные меры.

Есть другой путь, объективно обоснованный всем укладом нашей социалистической действительности,— обобществление, кооперирование ресурсов предприятий с целью совместного эффективного социально-хозяйственного и культурного строительства. Его конкретные формы могут быть самыми разнообразными, так же как и методы достижения конкретных социально-хозяйственных задач. Это уж творчество, тактика, маневр. Но для того, чтобы идти этим путем, нужны совершенно иной уровень, качество управления. И партийные органы должны быть здесь организаторами и комиссарами в полном смысле этого слова. Пора избавляться от старых манер и привычек. Нечего сидеть с протянутой рукой и ждать, когда подадут помощь,— она всегда не впрок тому, кто не хочет работать. Довольно позорить социализм, довольно его извращать. Перестройка начинается тогда, когда кончается иждивенчество...»

В ответ — молчание.

Только после вмешательства центральной газеты, когда стало ясно, что дело будет предано широкой огласке, Шевяков милостиво разрешил вернуть Котельникову партбилет. В самый канун праздника 70-летия Октября.

Но надо знать Шевякова. Сразу же после праздников снова собирается бюро РК, снова прокурорский тон, снова обвинения Котельникова: «неискренен», «не признал своей вины», «заслуживает самого строгого партийного взыскания, вплоть до исключения».

Котельников был ошарашен. Неужели никто в обкоме партии его письмо Володину не читал? А если читали, почему снова этот разнос?

Но тут, словно Шевяков прочитал его мысли, началось совсем непонятное. Первый секретарь райкома представил дело так, будто Котельникова и не исключали вовсе из партии: «После вашего ухода мы решили вопрос не протоколировать, вернуться к нему позже». Но почему же тогда отняли партбилет, почему Шевяков сообщал о его исключении из партии районному активу? Что за странные игры ведет бюро райкома? Решили попугать коммуниста, вызвать у него страх, показать, кто есть кто? Или, сообразив, что Котельникова страхом не сломаешь, стали теперь готовить пути для отступления? Или после письма Котельникова все-таки вмешался обком?

Аппарат хранил тайну.

Котельников смотрел на эти равнодушные лица и не мог прийти в себя. Во что они превращают партию? Они совсем ослепли, не понимают, в какое время живут. Неужели они по-прежнему так уверены в себе, в своей власти над людьми, что им начхать не только на Устав, что им Устав, они сами Устав, но и на то, что о них думают.

Он что-то пытался говорить, протестовать, убеждать, а ему опять: «заслуживает исключения из партии...». И потом как милостыню: «ограничиться строгим выговором».

Скорее всего так бы Шевяков и проводил «линию партии», если бы в центральной прессе не появилась публикация о его методах руководства.

Видимо, эта публикация напомнила работникам обкома о письме коммуниста Котельникова на имя первого секретаря. Скандальная история серьезно затрагивала имя первого, его авторитет.

«Анализ положения дел в районе,— докладывал Володину председатель областной комиссии партконтроля,— позволяет сделать вывод о том, что возникшая с Котельниковым ситуация не случайна, она предопределена бюрократически-административным стилем, сложившимся в работе аппарата райкома партии и райисполкома. Особенно это проявляется в руководстве народным хозяйством... Все организационные усилия РК КПСС и райисполкома сводятся к командно-волевому нажиму. На фоне этой перекладки ответственности за решение всех вопросов на руководителей хозорганов принижается спрос за организационные провалы с работников аппарата, истинные виновники уводятся от ответственности. Так и в случае с Котельниковым основные виновники избежали наказания. Такому технократическому стилю, попыткам решить все проблемы наскоком способствует сложившийся годами стереотип в работе Ростовского горисполкома. Справедливо будет отметить, что местнический, административно-командный стиль руководства сохранился не только в Ростове...»

Как будто бы Котельников открыл обкому глаза! А что, сам обком живет другой жизнью, действует другими методами?

После проверки началось массовое покаяние. Пример подал Шевяков на партийном собрании аппарата райкома: «Большая вина тут лично моя. Я проявил несдержанность, сработал на эмоциях. Говорим: райисполком работает плохо. Но кто подбирал кадры? Мы...» Ему поставят «на вид», обсудят на бюро горкома, накажут еще несколько ответственных и менее ответственных работников, и... все пойдет по-прежнему. Административная машина продолжает работать.

А что же Котельников? Что же с его строгачом? А так и оставили Владимира Петровича с выговором, хотя и признали, что он ни в чем не виноват. Но Владимир Петрович особо и не протестовал: надоели ему аппаратные игры, некогда ему было воевать с райкомом. Его захватило другое. Вечерами, за полночь, после всей этой высасывающей силы, сушащей мозг производственной мутоты: поездок по стройкам, выматывающих ненужных планерок, споров с заказчиками — он писал научный трактат «Теория свободных связей».

Это исследование он решил посвятить приближающейся Всесоюзной партконференции. Эпиграфом он взял строчки из революционной песни пролетариата: «В царство свободы дорогу грудью проложим себе».

Почему не идет социализм? — мучительно пытался понять Котельников.— Почему то, о чем мечтали люди веками, к чему так долго и трудно шли, оказалось совсем не тем, о чем мечтали. Кто виноват? Где совершена ошибка? Есть ли у нас социализм вообще? В ту ли сторону перестраиваемся? Обретет ли общество большие свободы или погаснут существующие? Неужели то, что с нами произошло, создание рабской административной системы,— фатальная неизбежность, как пишут некоторые ученые. Неужели и шевяковы, шевяковщина — неизбежность, задан-

Окончание на стр. 28.

Максимилиан Волошин — крупный поэт, выдающийся искусствовед, незаурядный художник, талантливый переводчик. Полная его фамилия — Кириенко-Волошин. По отцу он из старого казачьего рода. Получил разностороннее образование. Долго жил во Франции, преимущественно в Париже.

Октябрьская революция застигла Максимилиана Волошина в Крыму, в Коктебеле, где у него был свой дом. Андрей Седых в своей книге «Далекое, близкое» рассказывает, что, когда в Крыму были белые, Волошин заступался за красных, использовал все свое влияние для того, чтобы защитить арестованных, смягчить их участь. Белые, зная Волошина как деятеля русской культуры, в некоторых случаях шли ему навстречу. Когда же в Крым пришли красные, то Волошин стал защитником преследуемых белых. Этого Волошину не простили: он был взят под подозрение.

Волошин напечатал свой первый сборник стихотворений в 1910 году. В революционные и послереволюционные годы он встал во весь рост как значительный поэт. Сам Волошин говорил о себе, что ему было суждено при жизни «стать не книгой, а тетрадкой».

Да, это верно. Но зато какой тетрадкой! Такой, которую переписывали от руки, перепечатывали на машинках, размножали на гектографах.

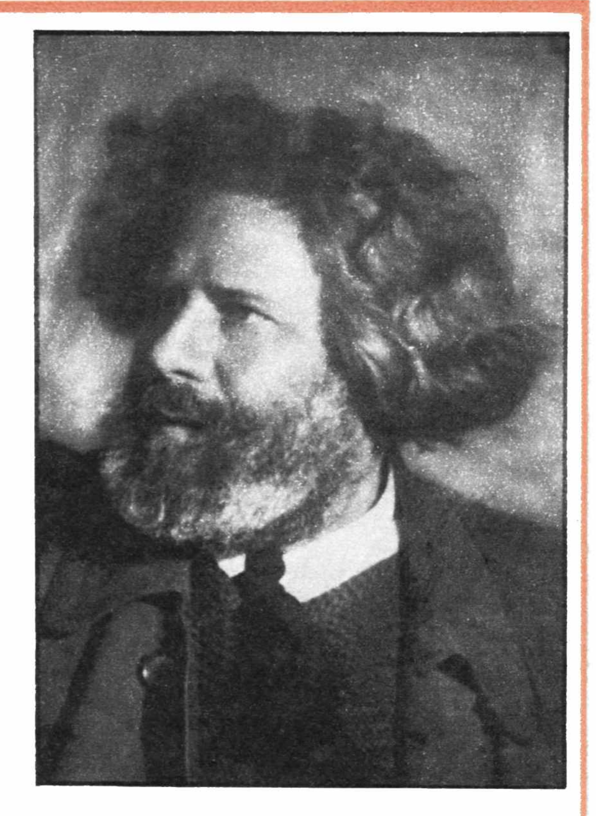
Волошин — поэт революционных катастроф и социальных потрясений. Вряд ли русская послереволюционная поэзия знает другого мастера, который бы так почувствовал трагедию русской революции и принял близко к сердцу страдание и горе.

Для Волошина характерно неопифагорейское отношение к истории, причем сам этот неопифагореизм, по всей вероятности, объясняется влиянием Михаила Нострадамуса — великого поэта, врача и ученого XVI века, которого Волошин ценил. Для Волошина, как и для Нострадамуса, история повторяется, вернее, не повторяется, а развивается по спирали, или же подобна мерному ходу волн, постепенно увеличивающих свою силу.

После этого ясно, почему Волошин говорит, что «Великий Петр был первый большевик», как ясно и то, почему поэт находит, что в Октябрьской революции воскресли три российских мятежника: Гришка Отрепьев, Стенька Разин, Емелька Пугачев.

Для Волошина, как и для выдающегося русского религиозного мыслителя Алексеева-Аскольдова, душа русского народа — это свято-зверь. Русский человек — это человек крайностей: он или святой или злой дух. Но, изображая ожесточенный бой белых и красных, Максимилиан Волошин молился и за тех и за других.

...И здесь и там между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас,
Нет безразличных, правда — с нами».
А я стою один меж ними
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.



Вячеслав ЗАВАЛИШИН

МОЛЮСЬ ЗА ТЕХ И ЗА ДРУГИХ

Максимилиан ВОЛОШИН

АНГЕЛ МЩЕНИЯ

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя — как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастия слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счет.
Я камни закляну заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «свобода»!
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красивость.
И в душу мстителя вопьется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе. И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

1906. Париж.

МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917. Коктебель.

ЗАКЛЯТИЕ

Из крови пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгущих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

1920. Коктебель.



ГОТОВНОСТЬ

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю,
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю.

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древния стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил».

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало —
Господи! — вот плоть моя.

Ноябрь 1921. Феодосия.

ПОТОМКАМ

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письмена.
Но, может быть, благоговейно память
Случайно стих изустно передаст,
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада —
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматыя светила,
Прообразы последнего Суда,
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы Революций!

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак, и брань, и мор, и трус, и глад —
Застигли нас посереди дороги,
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол,
Кровь — спайкой душ. Борьба за жизнь — законом
И долгом — месть.

Но мы не покорились!
Ослушники законов естества —
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви. И в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей. Мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине.
В огне застенков выплавили радость
О преосуществленьи человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней — его последних судеб.

Далекие потомки наши! Знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью,
Где человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти —
То в этом мире есть и наша доля!

1922. 21. V. Дорога между Симферополем и Феодосией.

И. ПАНТИН,
доктор
философских наук

Е. ПЛИМАК,
доктор
исторических наук

ВРЕМЕНА ОБНОВЛЕНИЯ И ФАНТОМЫ

НАУКА ИЛИ ВЕРА?



В начале этого года на форуме московских коммунистов председатель правления московской организации Союза писателей РСФСР А. А. Михайлов высказал такое вот суждение:

«...Как мне кажется, произошла утрата веры... Призрак коммунизма, замеченный в сумерках Европы XIX века, как и все призраки, исчез на рассвете. Коммунизм в XX веке оказался иллюзией, красивой сказкой. Шолоховский Макар Нагульнов, зубривший по ночам английские слова в ожидании мировой революции, не дожил до нее. Сегодня наши дети учат английский и другие языки, чтобы налаживать взаимопонимание и сотрудничество с народами всего мира».

На наш взгляд, А. Михайлов, движимый желанием помочь идеологической работе партии, должен был бы осознавать следующее: коммунизм — это не вера, а общественная наука (хотя на уровне «веры» ее только и могли воспринимать миллионы малограмотных нагульновых, потянувшихся к большевикам в 1917 году). Коммунизм — исторический вектор борьбы масс, а не некое блаженное состояние «рая земного». Эта «иллюзия» уже преобразовала весь мир. Сузились рамки системы капитализма, изменился ряд сущностных ее отношений. Здесь сыграли свою роль социал-демократы, кое-что взявшие у Маркса и особенно у позднего Энгельса, либералы-кейнсианцы. Особенно это заметно в Швеции, Финляндии и Канаде — странах во многом избавленных от милитаризма. Что же касается идеалов коммунизма, то вряд ли кто-нибудь будет выступать против таких общечеловеческих надежд: свободное развитие каждого — условие свободного развития всех, мир без насилия, освобождение труда, необходимость гармонии человека с природой, равноправие наций, охрана прав человека и прежде всего его права на жизнь...

Что касается трудных исторических путей социализма, то они прежде всего связаны с его низкой «стартовой базой» (особенно в России), войнами, которые пришлось выдержать, неразвитостью масс, да и «вождей». Особенно сказалось на нашей сложной истории появление такого «компенсатора» отсталости как «административный социализм». Он-то и был превращен в механизм осуществления преступных замыслов Сталина. Кстати, в этой связи уместно припомнить слова великого революционера Томаса Пейна, прошедшего в свое время через ужасы якобинских застенков: «Нельзя отрекаться от правильных принципов на том основании, что они были нарушены».

Коммунизм — это не вера, а наука. Хотя всерьез надо считаться с тем, что научный коммунизм может обращаться в веру при догматическом его истолковании «попами,— как их называл Ф. Меринг,— марксистского прихода». Ф. Энгельс заметил еще в 1893 году, что «отдельные места из произведений и переписки Маркса» толковались русскими революционерами-эмигрантами «самым противоречивым образом, совершенно так же, как если бы это были изречения классиков или тексты из Нового завета»; аналогичную тенденцию к превращению «идеи нашего движения в окаменелую догму», которую рабочие должны проглатывать «залпом и без рассуждений в качестве символа веры», Энгельс подметил и в западной социал-демократии.

Догматизм и стал идеологией сталинского и постсталинского режимов. Попытки же подвергнуть догму сомнениям, использовать диалектику для анализа современных реалий во всей их противоречивости оканчивались печально. Отступник от веры, усомнившийся, мог оказаться и в сумасшедшем доме и в тюрьме.

Догматики препятствовали до самого последнего времени выявлению исторических рамок, исторической обусловленности марксистского наследия, а соответственно устранению из нашего марксистского научного багажа всевозрастающего количества элементов относительного, неточного знания. Тем самым была начисто лишена возможности идти вровень с бурным историческим развитием XX века наша общественная наука.

Обратить «классический» марксизм из веры в науку, точнее, в живой метод общественных наук, можно одним способом — произведя ревизию марксизма. Об обязательности крупных ревизий — для эпох великих научных открытий и не менее великих социальных сдвигов — говорил Энгельс, вслед за ним Ленин. Последний специально предупредил, что в таких ревизиях не будет ничего «ревизионистского» в установившемся смысле этого слова, но что ради сохранения метода марксизма во многих случаях придется отказаться от его «буквы».

Такую исторически назревшую ревизию многие западные компартии начали еще в 50 — 60-е годы и продолжают поныне. Мы же не приняли участия в интернациональном поиске, особенно в ту пору, когда кормило идеологического корабля оказалось в руках брежневско-сусловских креатур вроде С. П. Трапезникова и его «команды».

Об интеллектуальном уровне этого «руководителя» говорит его книга «На крутых поворотах истории» (М., 1971), блещущая такими — в духе Сталина — формулировками: «троцкисты и бухаринцы быстро снюхались», «псы (Джилас и Дедиер.— **Авт.**) вернулись к своей блевотине», и бесподобным коверканьем русского языка, например, «призрак научного коммунизма расширился и углубился», «прямо говоря, в нынешних условиях империализму было бы не под силу удержаться на своих старческих ногах, если бы не раскольническая деятельность правых и «левых» авантюристов, которые с разных сторон подпирают это гниющее и разлагающееся дерево». Ничего себе, сюрприз для биологов: умирающие деревья обретают, оказывается, ноги! Хорошо еще, что тов. Трапезников давал руководящие указания только в «области» философских, экономических, исторических наук и научного коммунизма... Ожившие было после XX съезда творческие коллективы историков и философов его «команда» расформировала, их актив быстренько разогнала, а советского читателя вновь стала потчевать литературой, до предела нашпигованной цитатами Маркса, Энгельса, Ленина о творческом характере их учения и, мы бы сказали, цинично-преступными в эпоху «застоя» разглагольствованиями о социалистическом, «самом прогрессивном, динамичном из всех когда-либо существующих или когда-либо существовавших обществ» и грозно углубляющемся и нарастающем «кризисе капитализма».

В том же «антиревизионистском» ключе действовала даже в конце 70-х годов и наша публицистика, сокрушавшая «псевдотеории» «нового мышления». Метила она в западных провозвестников наступающей «великой чистки мышления» (см., например, «Правда», 30 октября 1978 г.). Но удары попадали и в наших ученых (А. Д. Сахаров, М. А. Марков и др.), ставивших в то же самое время вопрос: «Научились ли мыслить по-новому?»

С опозданием на три с половиной десятилетия (срок гигантский в

бурно развивающийся век!) советские обществоведы приступили к выявлению исторически обусловленных (а тем самым ставших в чем-то узкими) рамок «классического» марксизма, занялись его обновлением, его стыковкой с «новым мышлением», восстановлением потерянного к марксизму доверия.

Последние советские исследования показывают: закономерная ревизия марксизма коснется не только ряда его теоретических выводов. Очевидно, что обновление затронет сам метод марксизма, его суть — даст новое понимание ядра диалектики: признание необходимости и возможности модификации противоречий, устранения антагонизмов; иное понимание соотношения классового и общечеловеческого; обеспечит определенную конвергенцию разных общественно-политических систем, при сохранении их многообразия,— как единственный выход из кризиса оказавшейся на краю пропасти человеческой цивилизации...

ПРОШЛОГО

КАК ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ «ВЛИЛСЯ» В РЯДЫ «МАЛОГО НАРОДА»

Когда наступает кризис научного познания, а его бывшие верующие почитатели начинают срочно «очищать» свои головы от прежних «красивых сказок», то образовавшийся в этих головах «вакуум» неизбежно требует хоть какого-то заполнения. Тогда вот и идут в ход преудивительнейшие «теории»... Одну из них — «Русофобия» — И. Шафаревич извлек из своих «запасников» и опубликовал в сокращенном варианте в виде статьи в № 6 «Нашего современника» за 1989 год.

Но на весьма точный вывод об истинных замыслах Шафаревича наводят сохраненные редакцией слова: «Мы легко признаем роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов... На самом же деле, по-видимому (?), в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера... их не ухватывает наш «научный» язык... Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «Малый Народ».

В истории от Шафаревича, оказывается, действуют «Большие Народы», которые опираются на «духовный костяк» общественных устоев (вера, верность королю, дворянская честь, гордость своей историей, «привязанность к... привилегиям (!) родной провинции, своего сословия или гильдии»). Но в недрах «Больших Народов» рождаются «Малые Народы», которые нарушают эту общественную органику, навязывают истории умозрительные идеалы, а народ, массу рассматривают как некий материал для своего безрассудного экспериментаторства и командования. Мы у самого ядра теории И. Шафаревича, призванной, «по-видимому», отныне и на века заменить марксизм...

И. Шафаревич не скрывает: основы его теории заложил еще блещущий «свежестью идей» историк Великой французской революции некто О. Кошен (историк-монархист.— **Авт.**). Но в отличие от своего предтечи, «работавшего» только на материалах 1789—1794 гг., Шафаревич раздвигает рамки построений от времен Ренессанса до времен перестройки (!), а главное, придает построениям отсутствовавший у О. Кошена «национальный аспект». Здесь также все ясно и просто до предела: «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонив (!) проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса» вообще не признается».

Этот центральный тезис «обложен» и сверху и снизу гигантскими подборками «русофобских» высказываний лиц с еврейской фамилией, сделан и такой важнейший вывод: на нашем горизонте «опять» (как в 1917 г.? — **Авт.**) вырисовывается зловещий силуэт разрушительного «Малого Народа».

Найти «козла отпущения» для объяснения наших бед и неурядиц просто и в общем-то не ново. Раньше к этому прибегали вполне определенные силы, чтобы направить гнев народный в нужном направлении. Но у Шафаревича тут целая теория, причем строится она весьма своеобразным способом. По какой-то, известной только ему логике он привязывает к «Малому Народу» даже нашего народного барда Владимира Высоцкого.

Молодежный журнал «Молодая гвардия» (№ 8 за 1989 год) идет еще дальше. Журнал призвал не раздувать «пузырь Высоцкого» и облил мощным потоком грязи певца, ставшего любимцем народа, выразителем его чувств боли и протеста. Он был назван «махровым цветком периода застоя», который, оказывается, не метался и не страдал от давящих душу протестующего человека прелестей брежневских времен, а пользовался всеми их благами, имея в своем распоряжении Театр на Таганке (!), совершая вояжи по всему свету, отдыхая даже на... о. Таити. «Прохрипев» свои сочинения, мило сообщает журнал, он и кончил жизнь как запойный пьяница и наркоман, которого не смогли спасти срочно отмобилизованные кадры «скорой помощи» всей Москвы...

Но в «Молодой гвардии» это так, эмоциональный всплеск. А у Шафаревича — теория!

Как математик, И. Шафаревич, разумеется, знает, что всякая научная теория требует строгих доказательств. Но сие не относится к новому обществоведению, которым он предлагает отныне заменить науку под названием марксизм. В своем обновленном «обществоведении» И. Шафаревич свободно оперирует доказательствами, порой даже анекдотическими. Так, шутка популярного нашего артиста эстрады Хазанова: «Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем»,— служит Шафаревичу достаточным основанием... для зачисления в ряды т. н. «Малого Народа» любого неугодного ему «интеллигентного» лица!

Шафаревич венчает свое творение призывом к «Большому Народу» создавать по его примеру оружие «духовной защищенности» от «Малого Народа», восклицая поистине патетически: «Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать».

То, что «теория» И. Шафаревича носит вообще универсальный характер,— факт бесспорный: в той же Эстонии в разряд «Малого Народа» легко попадают все русскоязычное население, поляки, те же евреи; в Молдавии могут решить, что «Малый Народ» — это русские, украинцы, гагаузы и т. д. и т. п.

У учителя есть и ученики. Статья Ст. Куняева «Палка о двух концах» («Наш современник» № 6 за 1989 год), решительно требующая снять «табу с русско-еврейского вопроса», поставить его во всю ширь (!),— это, в сущности, жалкий сколок все той же «Русофобии». Оригинален Ст. Куняев лишь в одном пункте. Оказывается, пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», это гнусное порождение охранки, показались ему неким великим творением, великолепнейшим наставлением для политического использования революционных движений масс в «кастовых интересах», таинственной «инструкцией для диктаторов всех времен и народов». От этого «плода» вкусил и... большевизм. «В. И. Ленин,— сообщает Ст. Куняев изумленному читателю,— изучал «Протоколы...», чтобы знать вождей этого типа» (ссылки на какие-либо источники, как и у Шафаревича, отсутствуют).

ИСТОРИЯ «ПО БЕЛОВУ И РАСПУТИНУ»

То, что нашу историю перекраивали не раз, что историю приспосабливали то «под Сталина», то «под Брежнева», это общеизвестно. Теперь существует история «под Шафаревича», появляется история «под Василия Белова».

Начнем с выступления В. Белова на Съезде. В нем нас привлек последний вывод: «Надо жить и работать со всевозрастающей ответственностью». С этим мы абсолютно согласны, но как совместить с призывом В. Белова его же собственные высказывания — в газете «Правда» от 15.04.1988 г. о том, что Троцкий был якобы извечным врагом русского крестьянства и подлинным автором коллективизации в СССР? Почему В. Белов умалчивает о неоднократных заявлениях В. И. Ленина от 1919—1922 годов о том, что он полностью солидарен с отношением Троцкого к крестьянству (см. ПСС, т. 37, с. 478, т. 45, с. 297, и др.)? Почему молчит В. Белов, что Троцкий еще в феврале 1920 года внес в ЦК (не принятое тогда) предложение — заменить не приемлемую для крестьянства продразверстку «своего рода подоходно-прогрессивным налогом»?

Разве В. Белов не знает доклада Л. Троцкого XII съезду РКП(б) и принятой съездом его установки не развивать промышленность «за счет бюджета, т. е. за счет сельского хозяйства»? (XII съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968, стр. 678, 812.) В зарубежном «Бюллетене оппозиции» за февраль — март 1930 года Троцкий так выразит отношение к сталинскому «великому перелому»: «Социалистическую перестройку крестьянских хозяйств мы мыслили не иначе, как в перспективе десятилетий... Они упраздняют нэп, т. е. совершают то самое «преступление», в котором ложно обвиняли нас... Ограничение кулака они заменили административным раскулачиванием, которое они вчера злостно подкидывали нам и от которого мы с чистой марксистской совестью открещивались». Не спорим, был за Троцким «грех» — доклад о трудовых армиях на IX съезде РКП(б). Но сама эта идея разделялась тогда всем съездом, включая Ленина.

Касаясь данной темы, уточним свои позиции. Мы полностью разделяем скорбь и боль В. Белова по поводу судеб русского крестьянства, с крестьянством вологодским мы связаны кровнородственно. Наши примеры отнюдь не анализ аграрной программы Троцкого. Они о другом. Если на Западе общественность, наблюдая за становлением буржуазно-демократических институтов, твердо решила: «политика — это помойка», то мы не хотели бы видеть превращения в «помойку» нашей рождающейся советской демократической политики. Здесь все должно быть ясно, без умолчаний и подтасовок, основано на фактах и документах.

Это тем более важно, что советский человек в своей массе плохо, а то и совсем не знает историю своей Родины. И играть на этом незнании вряд ли пристойно для народного избранника. Искажая правду о прошлом, мы рискуем заблудиться и в сегодняшнем, что подтверждает речь на том же Съезде В. Распутина. «Слишком много в атмосфере нашего Съезда узнаваемо,— поведал Съезду В. Распутин. — Появляются у нас свои керенские, Милюков, Гучков, Чхеидзе... Помните, обвинили в государственной измене сначала военного министра, а когда это сошло с рук, обвинили в том же императрицу, остальное (свержение династии Романовых в феврале 1917 года? — **Авт.**) было делом техники. Не мною сказано, но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: «Вам, господа, нужны великие потрясения — нам нужна великая страна». (Аплодисменты.)» (цит. по «Литературной газете» от 14 июня 1989 года).

Устраним произведенную В. Распутиным «небольшую редакцию» «знаменитых слов», а заодно назовем имя их автора, чего, увы, не сделал сам писатель.

Как раз накануне своего реакционного третьеиюньского переворота 1907 года П. А. Столыпин и сформулировал в ответ на требования левых партий (то есть тогдашнего «Малого Народа», выражаясь языком И. Шафаревича) свой знаменитый самодержавный принцип: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» И вот перед нами советский парламент, аплодирующий словам (предусмотрительно не названного по имени!) вешателя революционеров 1906—1907 годов (вспомним «столыпинские галстуки»!).

Конечно, Столыпин был и реформатором. К его реформам (Ленин называл их второй чисткой земель для капита-

лизма) мы относимся достаточно серьезно, они двинули экономику страны резко вперед. Западные пособия сообщают нам: на площади около 18 миллионов десятин стали самостоятельно хозяйничать более 2 миллионов бывших «общинников», 3,5 млн. переселенцев отправились осваивать Сибирь, активно поддержал реформу Крестьянский банк, втрое выросли расходы по ведомству земледелия и землеустройства, в стране почти вдвое увеличился сбор хлебов.

Но почему же тогда провалилась столыпинщина с ее реформами? Потому, во-первых, что реформы не трогали отжившего свой век, окончательно прогнившего самодержавного строя. Потому, во-вторых, что реформы оставили динамит в общественном организме России — помещичье землевладение. Таким же динамитом, в-третьих, начиняла этот организм реакционнейшая национальная политика Столыпина. И, наконец, последнее, пожалуй, самое главное: условием осуществления своих реформ Столыпин считал покорность «низов» России, разоряемого в массе мужика. «Дайте мне 20 лет покоя, и я реформирую Россию»,— говорил Столыпин, понимая под «покоем» не самостоятельную политическую жизнь страны, а кладбищенский покой Российской Империи.

Мы знаем: в Империи, втянутой к тому же царизмом в игру империалистических держав, в первую мировую войну, никакого «покоя» не получилось. И тогда-то и последовали «великие потрясения» Февраля и Октября 1917 года. И это была отнюдь не какая-то исключительная, «зловещая» судьба России, предопределенная «максимализмом» российских революционеров, как кажется теперь иным нашим авторам. История свидетельствует: без «великих потрясений» не обошлись в XVII—XIX веках ни передовая Англия, ни передовая Франция, ни передовые США, хотя и здесь порой появлялись свои «великие реформаторы» вроде Тюрго и Неккера.

Означает ли сказанное нами наш приговор всякому пути прогрессивных реформ, тем более что его открывал в России во всю ширь (это покажет нэп) Октябрь 1917 года? Никоим образом! Мы считаем только своей обязанностью разоблачение старого-престарого российского предрассудка (его полностью разделял Столыпин), будто авторитарная власть, «сильная рука» может заменить собой результаты общественных усилий в важнейших государственных делах, упрочить тем самым «здоровье нации» (определение Н. Г. Чернышевского).

Да, с точки зрения узкоэкономической Столыпин был крупным и способным реформатором, и его труды, его позитивный опыт надо ныне непременно изучать. Но надо совершенно ясно говорить и о гигантском изъяне столыпинского опыта, взятого в целом. Ярый монархист, Столыпин не понимал того, что понимали передовые революционные силы России и что обязаны понять мы, их наследники,— даже самые распрекрасные экономические реформы будут бесплодны в рамках обветшалых общественно-политических структур...

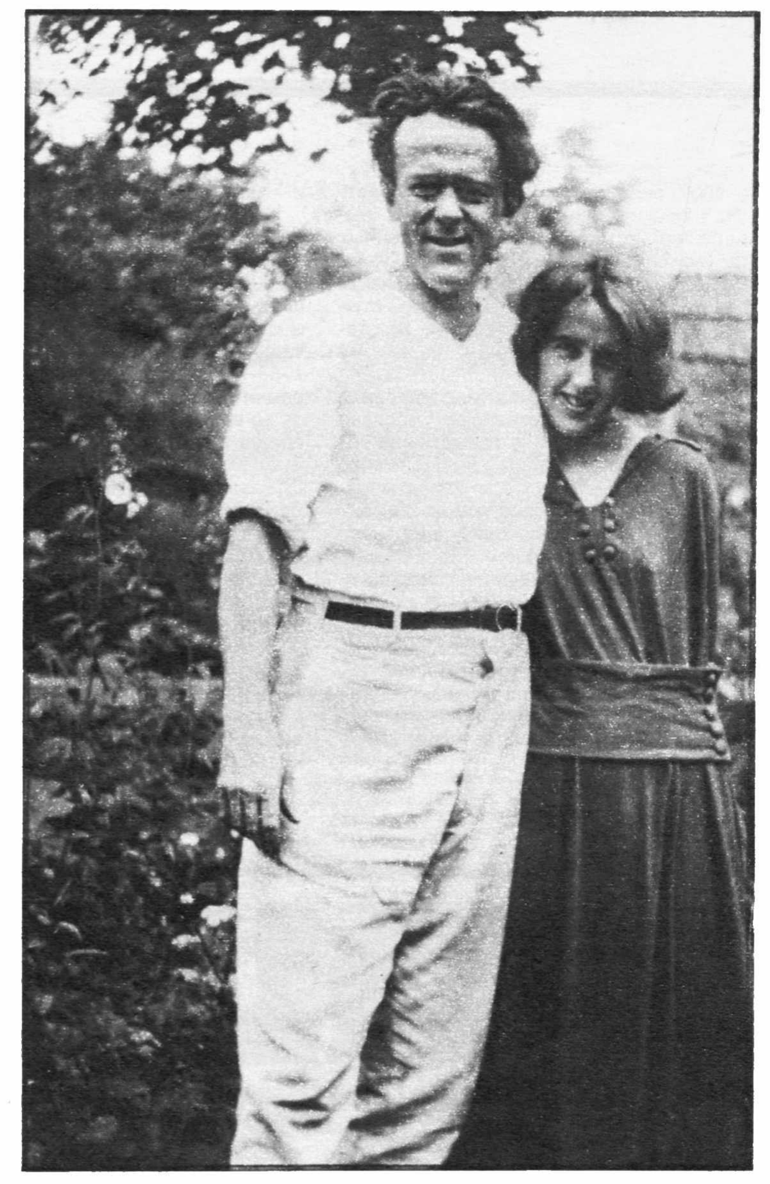
В этом плане столыпинщина для нас сегодня действительно поучительна: мы экономически радикально реформируем общество, пытаясь сломать (а не сохранить, как Столыпин) надстройку именно такого типа...

Интересно все-таки, чему аплодировали народные депутаты?!

Не кажется ли вам, что к нашему плюрализму, гласности в определенной мере применимо то, что открыл К. Маркс в борьбе с немарксистскими сектами и взглядами в рамках Международного товарищества рабочих: «...В истории Интернационала повторилось то же самое, что всегда обнаруживается в истории: *устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм»* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 279, курсив наш.— **Авт.**).

Мы сознательно не называем наш плюрализм только социалистическим. Диалог, открытое соревнование идей должны, на наш взгляд, включать и допущение на равных началах элементов, пока чуждых социализму или отошедших от него, ознакомление общества и с ними, т. е. с нашим перестроечным «устаревшим». Отнюдь не являясь сторонниками столь милой некоторым сердцам «дозированной» или «урезанной» гласности, мы считаем, к примеру, что депутат В. Распутин вполне мог предлагать Съезду народных депутатов СССР любую программу или установку (не умалчивая о Столыпине, если он с ним согласен), как мог и зам. главного редактора «Нашего современника» А. Казинцев открыто, а не анонимно полемизировать с тезисом Чернышевского — Ленина, прямо называвших веками прозябавшую под игом Батыев и архи-Батыев русскую нацию «нацией рабов» (сравни у Казинцева: «И вновь вспоминаются мне кощунственные слова, приписывающие моему народу какое-то особое раболепие, готовность быть безгласным» («Наш современник», 1988, № 11). Но в силу приверженности тому же принципу «недозированной» гласности и мы, ученые-обществоведы, имеем полное право противопоставить восхвалениям той же столыпинщины, любым выпадам против оценок Чернышевского и Ленина известные слова: «Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам».

●



Джон Рид и его жена Луиза Брайант. 1916.

«Ардис» — одно из самых известных иностранных издательств, выпускающих русскую литературу. Вот уже почти 20 лет оно выполняет благородную роль «полпреда» той части нашей русской словесности, которая только сегодня получила «вид на жительство» в советских журналах и издательствах. Это романы В. Набокова и А. Платонова, пьесы Н. Эрдмана и М. Булгакова, стихи И. Бродского и В. Ходасевича, песни Б. Окуджавы и мемуары Л. Копелева. Из-за невозможности опубликоваться у себя дома здесь печатали свои произведения А. Битов, В. Аксенов, Ф. Искандер, Е. Попов, В. Войнович, А. Гладилин, А. и Б. Стругацкие, С. Липкин, В. Соснора, И. Лиснянская, Ю. Кублановский, А. Цветков и многие-многие другие. «Ардис» открыл таких писателей, как Юз Алешковский, Владимир Марамзин, Юрий Милославский, Сергей Довлатов, Саша Соколов...

Было бы несправедливо не упомянуть репринтные издания А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Кузмина, М. Цветаевой, В. Маяковского, А. Белого, полного собрания сочинений И. В. Киреевского; переводы русской классики от Карамзина и Пушкина до Бунина и Ремизова; собрания сочинений В. Ходасевича, В. Набокова, М. Булгакова.

Пожалуй, самые оригинальные издания «Ардиса» — это альбомы фотобиографий М. Цветаевой, М. Булгакова, Н. Евреинова.

Выпускает американское издательство и книги литературоведческие, библиографические, литературно-критические, исторические.

В ближайшее время в «Ардисе» должен выйти альбом фотографий из архива американского журналиста Джона Рида, автора известной книги «Десять дней, которые потрясли мир». Главный редактор и издатель «Ардиса» — Эллендея Проффер — любезно предоставила «Огоньку» некоторые неизвестные и малоизвестные фотографии из этого альбома, а также вступительную статью публикаторов этих снимков — американских историков Ю. Фельштинского и С. Максудова.

Редакция «Огонька» благодарит «Ардис» за оказанную любезность и надеется на дальнейшее сотрудничество.

В. ВИГИЛЯНСКИЙ

Среди многочисленных архивных фондов, хранящихся в США, архив Джона Рида в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета — лишь мелкая коллекция из тридцати с лишним коробок. А самого Джона Рида, американского коммуниста, написавшего о Советской России книгу «Десять дней, которые потрясли мир», вышедшую в США в 1919 году, а в СССР — в 1923-м, лучше знают в Советском Союзе, чем в Америке.

АРХИВ ДЖОНА РИДА

Большевики, представляется мне,— это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре войска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве и Россия снова попала бы под иго какого-нибудь царя...

После целого года существования Советской власти все еще модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантюр, на какие когда-либо осмеливалось человечество,— авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и великих стремлений. Уже был готов аппарат для раздела крупных помещичьих имений между крестьянами. Уже были созданы фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, чтобы пустить в ход рабочий контроль над производством. В каждой деревне, в каждом городе, в каждом уезде и в каждой губернии имелись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, готовые взять на себя дело местного управления.

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление мирового значения. Точно так же, как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 года, каким духом был в это время охвачен народ, каковы были, что говорили и что делали его вожди.

Из предисловия Джона Рида к книге «10 дней, которые потрясли мир» (1919 г.).



В России Рид впервые появился в качестве корреспондента одного из американских журналов. Он проник через Румынию без разрешения русских военных властей в район Юго-Западного фронта, был арестован по подозрению в шпионаже, освобожден через семнадцать дней и провел в России несколько недель.

Вторично Рид попал в Россию в сентябре 1917 года.

В Петроград он прибыл никому не известным журналистом. В письме своему другу Рид писал 17 сентября из гостиницы «Англетер»: «Никто меня здесь не помнит, кроме кислобрюхих американских корреспондентов да парня из американского консулата, который был здесь в наше время», то есть летом 1915-го.

С момента Октябрьской революции Рид всецело на стороне большевиков. В апреле 1918-го он возвращается в США уже убежденным коммунистом и в 1919-м активно участвует на своей родине в создании американской компартии. В начале марта 1920-го, на пути из России, финская полиция арестовывает Рида в Або и до 4 июня держит Рида в тюрьме. После освобождения Рид приезжает в Ревель с намерениями ехать, как он и планировал, в Соединенные Штаты. Но теперь уже американское правительство, знающее о коммунистической деятельности Рида в Америке, отказывает ему в продлении паспорта, и Рид возвращается в Петроград.

С этого времени отношения Рида с большевиками перестают быть гладкими. Коминтерн приказывает американским коммунистам отказаться от тактики бойкота профсоюзов, чему активно противится Рид, успевающий даже нажаловаться Ленину во время заседания Исполкома Коминтерна:

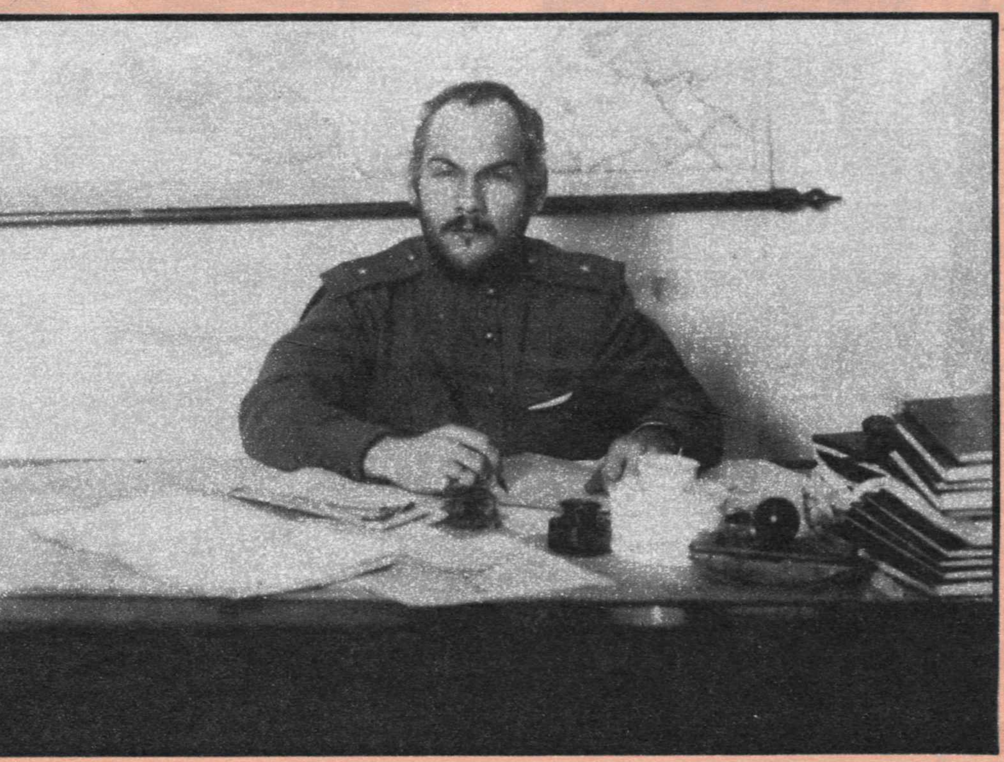
«Я не согласен с утверждением Радека, что мы пытаемся саботировать работу профсоюзной комиссии. Такого рода замечания у Радека подменяют собою аргументы, так как, зная о профсоюзном движении крайне мало, он, естественно, не имеет по этому вопросу своего мнения. Этим все и объясняется».

Затем из-за разногласий по организационному вопросу с председателем Коминтерна Зиновьевым Рид на заседа-



III Всероссийский съезд Советов. Петроград. 1918. В центре Я. М. Свердлов и В. И. Ленин, вторая справа М. А. Спиридонова.






КОРМИТЕ
ДѢТЕЙ
РОДИНЫ
ПРИБАВКУ ПА
СЕМЬЯМЪ СОЛДАТ
ЗАЩИТНИКАМЪ СВОБО
И НАРОДНОГО МІРА



нии Исполкома Коминтерна заявляет о выходе из ИККИ, но и здесь терпит поражение: его уговаривают забрать назад заявление об уходе и извиниться. Наконец его обязывают ехать в Баку на съезд народов Востока: 26 августа, уезжая в Баку, он оставляет своей жене Луизе Брайант несколько растерянное письмо:

«Моя дорогая!

Я очень огорчен тем, что не смогу встретить тебя, когда ты приедешь в Россию. У меня все было готово к тому, чтобы поехать в Петроград, а если будет возможно, то и дальше по дороге на север, чтобы вернуться сюда вместе с тобой. Но вчера мне сообщили, что я обязан ехать в Баку, на Кавказ, со всем Исполкомом, чтобы присутствовать на съезде народов Востока. Я подумал, что и ты, моя милая, хотела бы туда поехать. Я попросил разрешения остаться и приехать вместе с тобой несколько позже. Они отказали. Тогда я попросил, чтобы тебя прислали ко мне. Но и это не могло быть сделано, потому что на юге идет гражданская война, и мы едем на бронепоезде, на котором только туда и можно добраться.

Итак, я обязан ехать и прошу Кингисеппа, как только ты приедешь в Россию, телеграфировать мне, чтобы я мог при первой же возможности помчаться назад. Мы уезжаем сегодня вечером. Думаю, вся поездка займет десять дней — надеюсь, что меньше.

Я получил все твои последние записочки, говорящие, что ты в пути, и ждал тебя страшно. Я так беспокоился, когда прошлой ночью получил твое письмецо, говорящее, что ты из Стокгольма едешь через Мурманск, так как слишком много людей там арестовано в последнее время. Наркомат иностранных дел телеграфировал всюду проследить за тем, чтобы с тобой хорошо обращались и направляли сюда наибыстрейшим образом.

Когда приедешь в Москву, иди в гостиницу «Деловой двор» и найди коменданта, которому сделаны все распоряжения относительно комнаты для тебя. Повидай Розенберга в наркомате иностранных дел во флигеле гостиницы «Метрополь». Рейнштейн живет в Первом доме Советов («Националь», где мы останавливались в 1917-м), в комнате 214. Этель Бернштейн живет в гостинице «Савойя» и работает в конторе Розенберга в НКИД.

Коллонтай также живет в «Национале», как и Балабанова, если она здесь (хотя, возможно, она живет в «Деловом дворе»). Балабанова в тебя влюблена. Воровский живет в Кремле — можешь попробовать узнать, в какой комнате. Он тоже в тебя влюблен. Если здесь Жак Садуль — можешь узнать об этом у Боди, который работает в учреждении Кингисеппа в Петрограде,— повидайся с ним. Он будет с тобой очень любезен.

В Петрограде ты встретишься с Петровским (Нельсоном), живущим в «Астории» В общем, он ничего, но не верь его рассказам о состоянии дел в России.

Возможно, тебе было бы проще остаться в Петрограде до тех пор, пока я не вернусь с юга и не смогу встретить тебя здесь.

Я жажду встречи с тобой, моя милая, так, как нельзя описать. Будто прошли годы...

Меня волнует только одна вещь. Я должен скоро поехать домой. А отсюда ужасно трудно выбраться, особенно женщине. Именно поэтому я пытался передать тебе, чтобы ты ждала меня за границей. Но как только я узнал, что ты приезжаешь, я обрадовался тому, что увижу мою милую скорее.

Я люблю мою милую всем своим сердцем и счастлив, что смогу увидеть ее снова.

Твой Биг».

На пути из Баку в Москву бронепоезд был атакован каким-то отрядом. Пришлось отбиваться, а затем преследовать белых. Вообще-то Рид по слабости здоровья от службы в американской армии был освобожден. Но упустить такой случай — повоевать с белыми — не захотел, а потому попросил, чтоб и ему разрешили участвовать в преследовании, дали винтовку и посадили в тачанку. Ему позволили, он стрелял и был страшно доволен. А когда вернулся в Москву, его ждала там Л. Брайант.

Рид был счастлив; жизнь была насыщена событиями. Но оказалось, что это последние дни его жизни. 17 октября он скончался.

Фотографии из архива Джона Рида относятся к 1916—1920 годам. В ряде случаев установить точные даты фотографий 1918—1920 годов оказалось довольно сложно. Документы и фотографии публикуются с любезного разрешения Хогтонской библиотеки Гарвардского университета.





С. М. Буденный и М. И. Калинин. 1920.

Верховный суд Российской республики. Конец 1917-го — начало 1918-го.

Н. В. Крыленко. 1917.

Разрушение памятника Александру III в Москве. 1918.

Демонстрация женщин на Невском проспекте 9 апреля 1917 года с требованием увеличения пайка семьям солдат.

Крестьянский митинг при заготовке хлеба. 1918 (?).

Г. Зиновьев с делегатами съезда народов Востока. Сентябрь 1920-го.

М. И. Калинин перед строем солдат. Август. 1920.

Выступление Л. Б. Каменева на Красной площади. 1918.

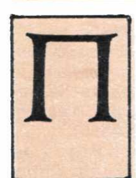


ВАРВАРА ФЕДОРОВНА СТЕПАНОВА

1894—1958

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РОДЧЕНКО

1891—1956





По старым фотографиям, по воспоминаниям людей, с вниманием относящихся к тому, что их окружает, мы можем воссоздать облик советских городов 20-х годов, лицо повседневной жизни того времени. Особым своеобразием отличалась Москва — живая, яркая, поражавшая угловатыми ритмами, движением, торопливостью толпы, витринами, плакатами, новыми зданиями конструктивистской архитектуры, манерами прохожих, их одеждой. В молодой Советской республике воцарился новый вкус, который прежде всего завоевал столицу, а потом распространился и в провинции. Ценилась простота, отвергались украшения.

Искусству вменялись в обязанность новые задачи: не украшать жизнь, а строить ее, переделывать по законам целесообразности. Многие художники новаторских направлений мечтали о том, что искусство выступит как преобразователь быта, как важнейший фактор жизнестроительства. Они бросали привычные формы творчества, клялись, что больше не вернутся к станковой живописи или графике, начинали составлять проекты мебели, предметов домашнего обихода — стульев или чайников, кроить костюмы, делать эскизы для текстиля, утверждая новую моду революционного времени. Много таланта было отдано плакату, улице, театру, книге. Приобретя черты революционного аскетизма, искусство искало нетрадиционные формы связи с реальной жизнью.

Александр Михайлович Родченко и Варвара Федоровна Степанова принадлежат к ярчайшим представителям новаторского направления в искусстве 20-х годов. С их именами связаны все эти процессы. Они включились в развитие «производственного искусства», оказались у колыбели советского дизайна, учили студентов новым специальностям, разрабатывали теорию конструктивизма, стремились соединить технические новшества с художественными. Родченко стал выдающимся фотографом, раскрыв в фотографии огромные творческие возможности. Он по-новому осмыслил роль плаката, рекламы. Степанова отдала много сил проектированию рисунков тканей. Оба они вместе с Эль-Лисицким и некоторыми другими мастерами произвели переворот в полиграфическом искусстве, приняли участие в конструктивистском движении в сценографии. Эту разносторонность деятельности Родченко и Степановой продиктовало само время, которое открыло перед искусством новые горизонты.

И все же пути художников, которые в течение сорока лет жили и работали вместе, начинались с живописи. В отличие от большинства тех мастеров, которым были посвящены статьи нашей рубрики, они развернули свои творческие возможности в основном в послереволюционное десятилетие, хотя первые шаги были сделаны еще до революции. Родченко, родившийся в Петербурге, учился живописи в Казанской художественной школе, которую окончил в 1914 году, затем перебрался в Москву, где около года занимался в Строгановском училище на графическом отделении. Степанова родом из Ковно (ныне Каунас). Она некоторое время провела в той же Казанской художественной школе, а затем в частных студиях Москвы — К. Ф. Юона и М. В. Леблана. В 1914 году Родченко и Степанова познакомились и с тех пор не расставались. В Москве в середине 10-х годов они оказались в вихре авангардного художественного движения и примкнули к нему. Большое влияние на живописцев оказал В. Е. Татлин, который заметил талант своих молодых коллег и поощрял их искания.

В 1916 году Родченко, прежде показывавший свои работы лишь на ученических выставках, принял участие в московской выставке футуристов. Она называлась «Магазин». Там были показаны произведения таких авангардных живописцев, как Малевич, Татлин, Экстер, Попова, Клюн, и других. Вскоре почти все экспоненты выставки оказались в Молодой (или, как ее называли, Левой) федерации профсоюза художников-живописцев. Несмотря на жаркие споры, которые велись внутри Левой федерации, несмотря на различия творческих программ, столь рьяно пропагандировавшихся разными группами или отдельными лицами, все вместе эти «левые» составили основное ядро той когорты мастеров изобразительного искусства, которая развернула свою активную организаторскую деятельность в годы коренных общественных преобразований. Участие в отделе ИЗО Наркомпроса, во вновь созданном Институте художественной культуры, музейное строительство молодой Советской республики, охрана памятников, преподавание в высших учебных заведениях — вот далеко не полный перечень главных дел художников разных направлений, среди которых доминировали авангардисты. Родченко и Степанова находились в эпицентре этой деятельности. И не приходится удивляться тому, что они одновременно переживали наиболее интенсивный этап своего творческого становления и развития.

Рубеж 1910—1920-х годов был для Александра Родченко решающим. Именно в это время сформировались принципы его искусства, выработалось его своеобразие. Эволюция художника была стремительной. В первой половине 10-х годов — в годы ученичества — Родченко воспринял уроки того стиля, который получил в России наименование модерна. Художник увлекался творчеством английского графика Обри Бёрдсли, его тянуло к образцам японского искусства, он культивировал в своей графике изысканную гнущуюся линию, сочинял декоративные виньетки, хотя иногда, когда брался за живопись, изменял этому стилю. Такой «изменой» явился портрет Н. А. Русакова 1912 года — энергичный по живописи, выложенный экспрессивными мазками красной, желтой и зеленой краски, покрывающей растрескавшуюся поверхность холста.

Портрет Русакова демонстрировал достаточно высокий уровень мастерства, но не предрекал тех открытий, которые характеризуют зрелое творчество Родченко. Оно пошло по иному пути. В 1915 году художник создает ряд графических композиций, в процессе работы над которыми пользуется линейкой, циркулем и рейсфедером — чертежными инструментами. Материалом ему служат уголь, лак, темпера, акварель, бронза, серебро — разнообразные средства, позволяющие создать своеобразные графические организмы, либо отмеченные чистотой отношения черного и белого, либо построенные на комбинации раскрашенных геометрических фигур, положенных рядом, пересекающих друг друга, сходящихся и распадающихся как в калейдоскопе. В этих работах подготавливается скачок в беспредметное творчество, хотя этот скачок еще и не совершается: доминирующими оказываются декоративные задачи, которые сдерживают конструктивистскую идею, заявленную фактом использования чертежных приемов.

В 1917 году художник впервые предпринимает попытку выйти в трехмерное пространство, применить свое мастерство для делания вещей. Вместе с Якуловым, Татлиным и другими мастерами он оформляет знаменитое «Кафе Питтореск» на Кузнецком мосту в Москве, создавая проекты осветительных приборов. По свидетельствам современников, оформление этого кафе было уникальным. Там соединились театрально-декорационный дар Якулова, опыт работы с различными материалами Татлина и конструктивистские потенции Родченко.

Однако для самого Родченко, несмотря на успешные результаты, выход в трехмерное пространство оказался преждевременным. Предстояла еще энергичная эволюция в области живописи — в пределах двухмерной плоскости.

В конце 1910-х годов Родченко вырабатывает собственную систему беспредметной композиции. Он почти наотрез отказывается от фигуративных задач. Лишь в редких случаях, как, например, в «Танцовщице» (1917) или в композиции с двумя фигурами (1918), художник воспроизводит реальные формы. Но они либо, как в первом случае, вплетаются в ритм ничего не изображающих пятен и линий, либо, как во втором, подвержены крайней геометризации, которая делает фигуры трудноузнаваемыми. Основная линия творчества ведет Родченко к беспредметной живописи, построенной на строгих геометрических формах. Большая роль в этих композициях отведена линии, которая конструирует все произведение и содержит в себе самостоятельные выразительные возможности. На соотношении линий строится целесообразная форма — простая, строгая. Круги и полосы разных цветов, остроугольные и прямоугольные формы входят в такое взаимодействие друг с другом, что, как кажется, выражают с последовательной ясностью статику или динамическое напряжение, борьбу или согласие, твердость и четкость представления о конструкции сочиненной художником «фигуры», а вслед за этим и конструкции Мира.

Родченко интересуют возможности цвета, который либо привязан к форме, либо отрывается от нее, отходит от плоскости, светится изнутри, свободно разливается по воссозданному художником пространству. Его интересует самоценность красного, синего и желтого цветов. На выставке 1921 года «5 × 5 = 25» он объявляет эти цвета основными.

В своих беспредметных композициях художник не избегает трехмерности; он осваивает реальное пространство, в которое в скором времени входит трехмерная конструкция, стоящая на плоскости или висящая в воздухе. Многие исследователи творчества Родченко воспринимают всю его станковую живопись, как предвестие этого скульптурно-архитектурного творчества. Но необходимо при этом помнить, что на пути к пространственному конструктивизму он создавал совершенные живописные композиции, абсолютно самоценные и исполненные точного представления о целесообразном устройстве Вселенной и о красоте этой целесообразности.

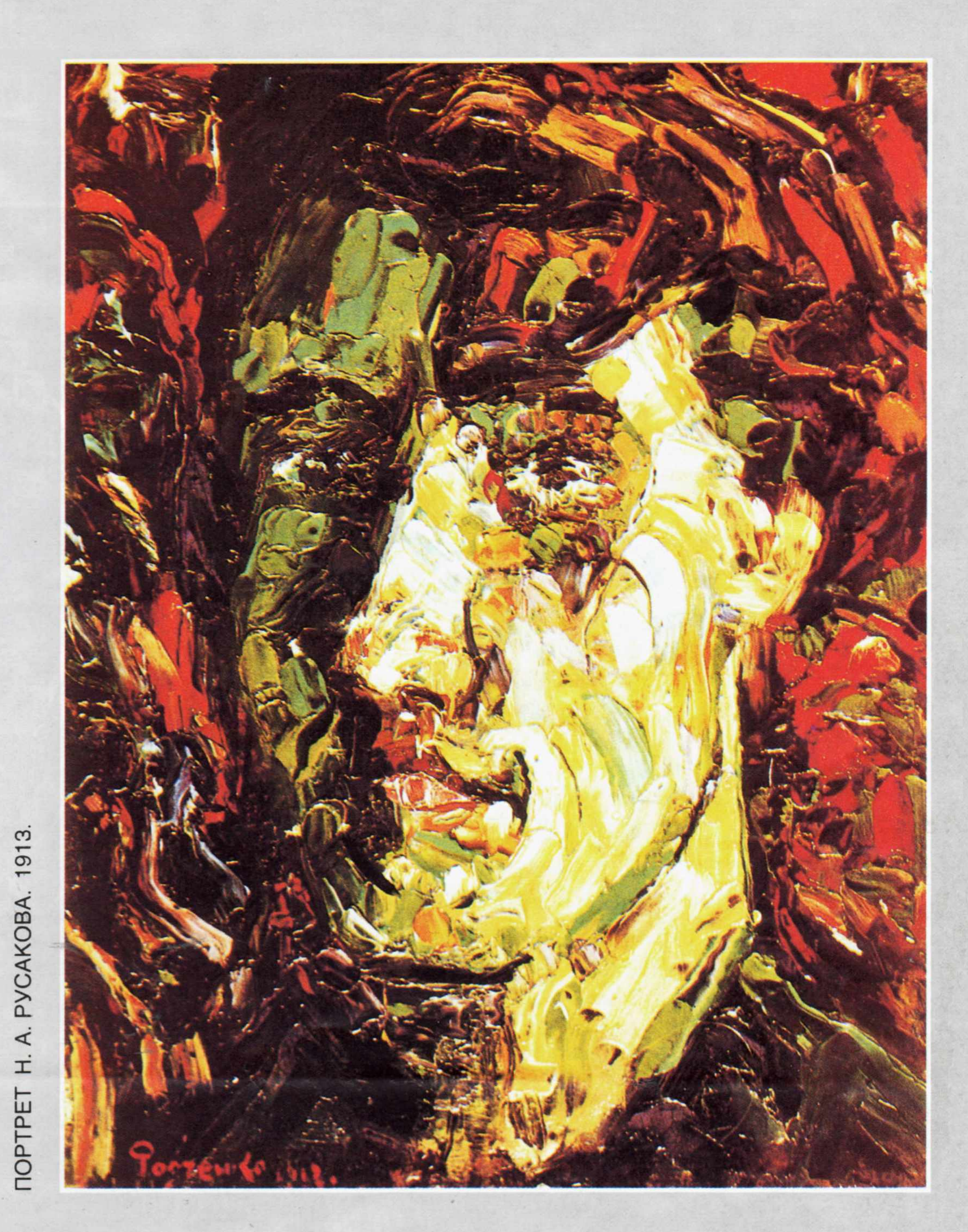
Сам Родченко писал о деятельности художников-конструктивистов:

«Мы создавали новое понятие о красоте и расширяли понятие искусства.

И в то время такая борьба — я полагаю — не была ошибкой».

В конце 1910-х годов, когда Родченко еще не успел закончить цикл живописных экспериментов, он начал работать над пространственными конструкциями. Здесь-то и пригодился опыт, накопленный в живописи. Пространственные конструкции легко могли превратиться в настольные лампы, различные предметы обихода, в технические приборы, в аппаратуру. Еще прежде — в 1919 году — художником были сделаны «прикладные выводы» из его живописного творчества: он составил знаменитый проект газетного киоска, который по своей композиции удивительно напоминает живописные полотна конца 10-х годов. Теперь подобная метаморфоза ожидала пространственные конструкции, в которых все «было готово» для того, чтобы превратиться в полезные вещи. Станковое искусство тем временем прекращало — в представлении левых художников — свое существование, с тем чтобы передать свою накопленную веками мудрость архитектуре, дизайну, оформительскому творчеству. Задача — создание эстетической среды, окружающей человека.

Близкие перемены пережила на стыке первых двух десятилетий XX века Варвара Степанова. Вначале она тоже прошла через стиль модерн, но не-

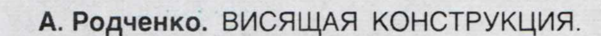


ПОРТРЕТ Н. А. РУСАКОВА. 1913.

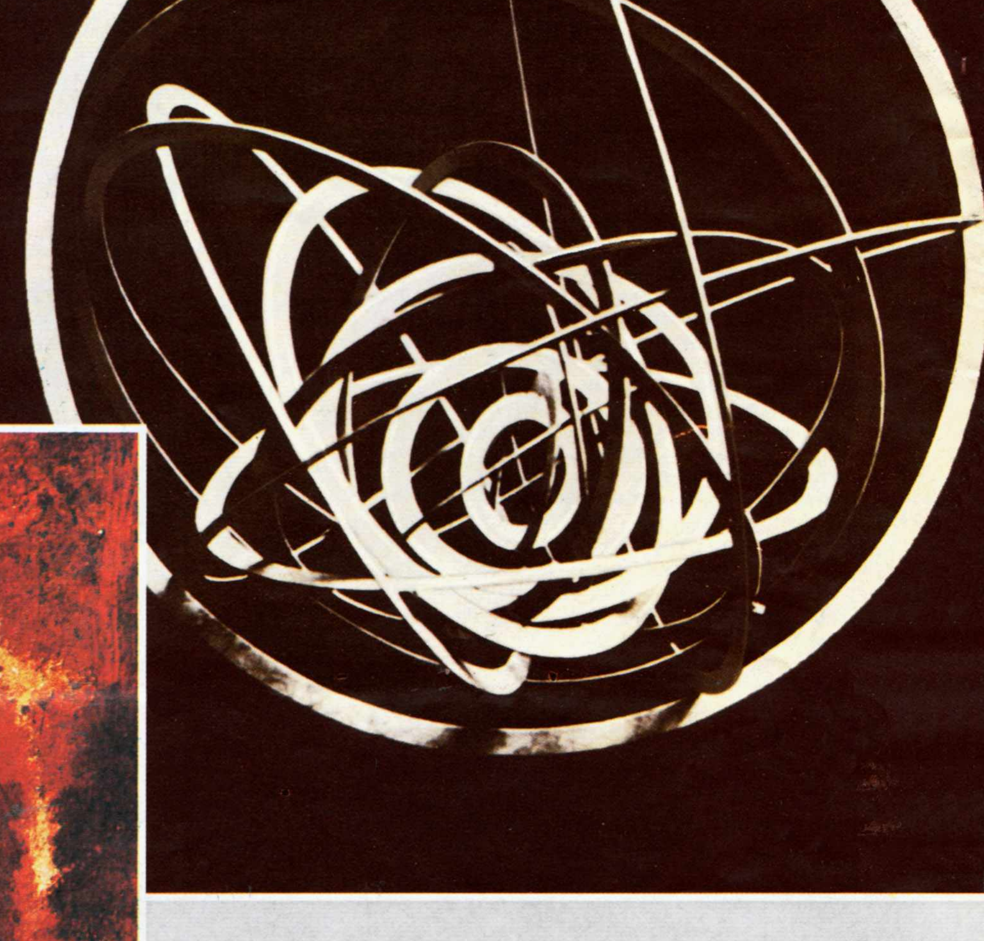
А. Родченко. КОМПОЗИЦИЯ. 1920.



МАРКА МОССЕЛЬПРОМА.



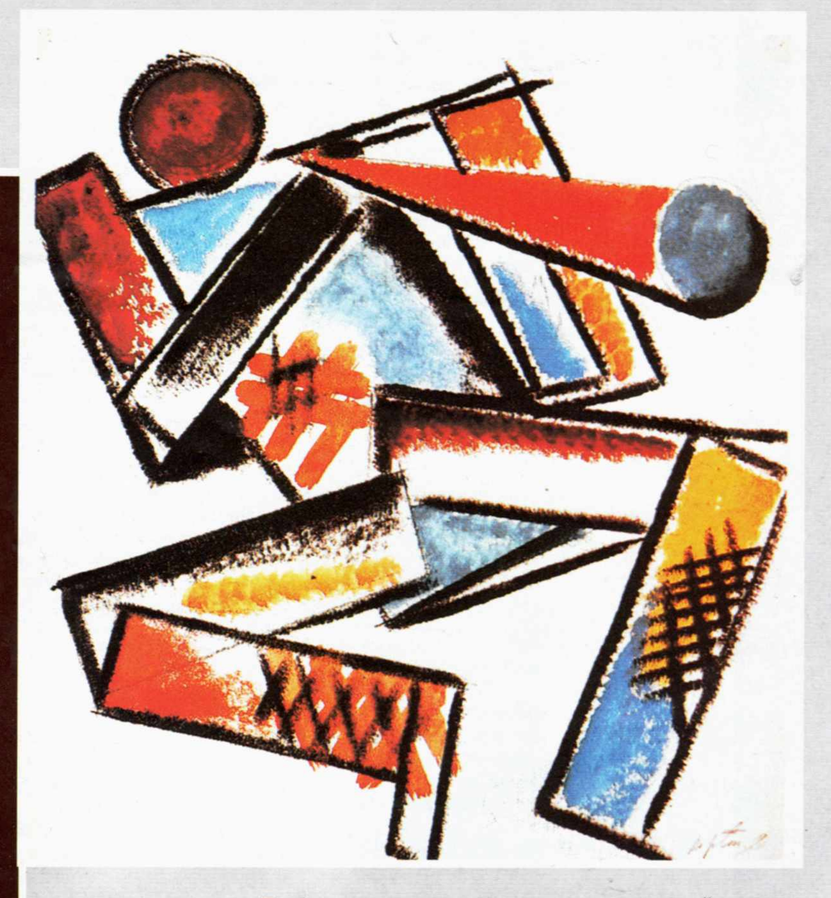
А. Родченко. ВИСЯЩАЯ КОНСТРУКЦИЯ.



ТАНЦОВЩИЦА. 1917.

долго задержалась на нем. Ее ожидала концепция футуристического творчества, с которой она познакомилась в середине 10-х годов. Вслед за Алексеем Крученых она пишет «беспредметные» заумные стихи и сама же оформляет их в рукодельные книги — печатает на машинке, варьируя композицию листа, украшает страницы цветовыми пятнами, линиями, полосами, наклеивает цветную бумагу (так называемый коллаж), иногда пишет текст на старых газетах. Такие же эксперименты проделывает художница со стихами Крученых. Вручную Степанова «издавала» такие книги тиражом в 50 экземпляров, а то и больше. К «визуальной поэзии» обращались тогда и французские, и русские художники и поэты — Гийом Аполлинер, Блэз Сандрар, Илья Зданевич, Василий Каменский, Алексей Крученых и другие. Их стихи можно было не только читать, но и рассматривать как некие визуальные структуры — с их особым ритмом, рисунком строк, силуэтом текста. Степанова приняла участие в том процессе сближения поэзии и живописи, который происходил в России в 1910-е годы и наиболее полно воплотился в творчестве представителей футуризма.

Самый заметный знак в области станковой живописи и графики Степанова оставила своими «Фигурами». Это была большая серия картин и графических



В. Степанова. ФИГУРА С ТРУБОЙ. 1920.



ЭСКИЗ СПОРТИВНОГО КОСТЮМА. 1923.

МУЗЫКАНТЫ. 1920.

листов, над которой художница работала в течение нескольких лет начиная с 1919-го. Только на одной из выставок в 1920 году она показала более двадцати картин из этой серии и более пятидесяти произведений графики. Композиции, как правило, состояли из одной или нескольких фигур, переданных схематично, но остро и экспрессивно. «Фигуры» Степановой стоят, сидят или бегут, повернуты к зрителю в профиль или анфас. Они склоняются в разные стороны, как бы занятые своими делами. Это спортсмены, художники за мольбертом, музыканты во время концерта, игроки в шахматы или в футбол. При всей условности и намеренной конструктивной схематичности изображений Степанова точно улавливает и передает особенности движения, поведения своих «персонажей». В этих фигурах, иногда нелепых и смешных, есть черты гротескной выразительности.

В начале 20-х годов живопись перестает быть предметом занятий Родченко и Степановой. На многие годы, даже десятилетия она уходит из их творчества, чтобы уступить место «производственному искусству», театральной декорации, книжному оформлению, плакату. Последний достиг высоких точек развития в творчестве Родченко, который работал в союзе с Владимиром Маяковским. Дружба поэта и художника была скреплена их совместной деятельностью под маркой «Реклам-конструктор МАЯКОВСКИЙ — РОДЧЕНКО». Маяковский сочинял ре-



В. Степанова. АСТРЫ. 1938.

ЭСКИЗ ТКАНИ. 1924.

кламные стихи, Родченко рисовал плакаты — броские, красочные, остроумные, прекрасно скреплявшие в единое целое текст и изображение. Этими и подобными им плакатами и была украшена Москва 20-х годов.

Совместная работа с Маяковским этим не ограничилась. Родченко оформил несколько книг поэта, а позже — в 1929 году — вторую часть спектакля «Клоп». Но к этому времени в творчестве Родченко главное место начали занимать производственное искусство и фотография. В 20-е годы во ВХУТЕМАСе, а затем во ВХУТЕИНе — высшем учебно-художественном заведении — он был деканом металлообрабатывающего факультета. Сам он проектировал мебель, различные бытовые вещи, оборудование. Иногда создавал целые интерьеры. На международной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 году он представил воплощенный в натуре проект оформления рабочего клуба, за что был награжден серебряной медалью (такие же медали он получил за искусство улицы, искусство книги и театра). Проекты Родченко отличались остроумием. Предметы мебели он создавал из стандартных элементов.

Всегда интересовавшийся техническими новинками, Родченко нашел в фотографии возможность соединить технику и искусство. Его смелые и динамичные фотокомпозиции дали новый толчок не только искусству фотографии, но и кинематографу. А фотографические портреты (среди них лучшие — изображения В. Маяковского) обладают удивительной психологической выразительностью.

Варвара Степанова старалась не отстать от своего мужа. Ее творческое развитие тоже шло вширь, захватывая все новые и новые сферы деятельности. Подлинную славу принесло ей оформление пьесы А. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина». На афише 1922 года рядом с именами режиссера Вс. Мейерхольда и одного из ассистентов (лаборантов) С. Эйзенштейна стояло имя «конструктора» (не художника!) В. Степановой. И действительно, надо было быть именно конструктором, чтобы реализовать эту постановку, задуманную в виде балаганного зрелища, полную эффектных трюков и подчиненную мейерхольдовской идее биомеханики. Степанова проявила подлинное техническое мастерство, инженерную изобретательность, перенеся на сцену приемы и методы художника-конструктивиста.

Не меньший успех принесла художнице работа на ситценабивной фабрике, где она со своей подругой Любовью Поповой создавала эскизы тканей. Они пользовались геометрическими формами, полагаясь на пример своей собственной живописи и во многом предрекая те открытия, которые были сделаны через несколько десятилетий изобретателями художественного направления, получившего название «поп-арт». Цветовая яркость, мажорность, острота, отражающая динамизм современной жизни, в полной мере присущи этим эскизам Степановой, равно как и ее проектам костюмов. Здесь она искала простоту, полное соответствие покроя профессии человека, особое внимание обращая на производственные функции одежды. Эти новаторские устремления привели Степанову на текстильный факультет ВХУТЕМАСа, где она в середине 20-х годов была профессором.

В 20-е же годы началась интенсивная работа в полиграфии. Для Степановой, как и для Родченко, искусство книги было последним прибежищем их новаторской программы. Упорно старались они сохранить стиль 20-х годов, который тщательно вытравлялся не только в живописи, графике, прикладном искусстве, но и в самой жизни. В книгах и журналах, оформленных Родченко и Степановой, продолжал царить строгий расчет, их отличала тонкая, продуманная во всех деталях режиссура, смелое использование самых различных средств выразительности, продуманная композиция всех форм и элементов текста и оформления.

В поздние годы своей жизни художники возвращались к живописи. У Степановой эта живопись была фигуративной и достаточно традиционной. Родченко обращался как к условным фигуративным композициям, так и к беспредметным. Живопись стала «тихой пристанью» для этих художников, новации которых не получили подтверждения и признания. Жизнестроительная утопия конструктивистов к тому времени давно уже разрушалась под напором тех художественных направлений, которые низводили искусство к бытописательству, к «отражению» жизни или возводили его к ложной героике. И все же Родченко и Степанова в конце своего пути могли уже ощутить приближение того времени, когда стали возрождать дизайн, вновь появилась конструктивистская тенденция в развитии архитектуры, начали вспоминать о достижениях русской живописи 10—20-х годов. То, что когда-то было рождено в Советском Союзе, теперь уже возвращалось с Запада. Имена Родченко и Степановой зазвучали вновь и утвердились в художественной летописи страны как знак неповторимого периода «бури и натиска».

Д. САРАБЬЯНОВ



■

Беседуя с нашими выдающимися интеллектуалами, критик Галина Гусева («Трофеи равенства», «Огонек» № 38) отметила, в частности, что дворяне мужеского пола либо занимались сельским хозяйством, либо несли бремя военной службы, отменно справляясь со своими обязанностями. Одни кормили страну, другие защищали. «Правда,— язвительно прибавляет автор,— в армии тогда ничего не было слышно о дедовщине...»

На мой разночинский взгляд, кормил страну все-таки ОН — тот, который «с сошкой». Кормил, от времени до времени праведно ярясь на тех, которые «с ложкой».

Что до офицерского корпуса... Будучи автором нескольких книг о героизме русского офицерства, осмелюсь сказать, что дедовщина — явление корневое. И подчеркнуть — не мужицкое, не солдатское, а дворянское, офицерское. Старшие воспитанники военного учебного заведения, свидетельствует мемуарист прошлого века, господствовали над младшими, «первые употребляли последних в услугу, как сущих своих дворовых людей». Перечислив «услуги», продолжал: «Боже избави ослушаться! — прибьют до полусмерти. Зато какая радость, когда (...) из крепостных становишься сам барином». Пушкин в «Записке о народном воспитании», поданной на высочайшее имя, поясняет, каким именно барином: «Слишком жестокое воспитание делает из них (кадетов.— Ю. Д.) палачей, а не начальников».

Оставим в стороне осанну дворянству женского пола. Предмет деликатный. Вот только один штрих. «Во время первой мировой войны,— пишет Г. Гусева,— тысячи дворянских барышень из лучших семей пошли служить в военные госпитали». Ах, этот старинный, романический оттенок — «из лучших семей». Хотелось бы, однако, добавить: «из худших семей», разночинских, тоже, представьте, немало было сестер милосердия. И притом задолго до первой мировой. И к тому же, извините, крамольного умонастроения. А ярчайший пример деятельного милосердия подала и вовсе простолюдинка — незабвенная Даша Севастопольская.

Могут сказать: не придирайся к частностям. Отвечу: иные частности выражают нечастное. Продворянские восторги, ныне весьма распространенные, звучащие и в песенках о титулованных поручиках и корнетах, есть все тот же «классовый подход», набивший оскомину. Все та же метода: либо мазать дегтем, либо придавать ювелирный блеск. А главное, если держаться сюжета Г. Гусевой, это не объясняет феномен русской дворянской культуры. Все это лишь свидетельство печальной закономерности, которую уловил один из собеседников автора «Трофеев равенства», композитор Альфред Шнитке: «Восстановив справедливость в отношении одних, мы немедленно впадаем в следующую несправедливость».

Ю. ДАВЫДОВ
Москва

■

Нынешняя оттепель знаменуется взлетом гласности. Сказать можно все, особенно если дело касается нашего прошлого. Конечно, знать правду о нашей истории необходимо, без этого ни о каком истинном понимании нынешнего положения речи быть не может. Мы восхищаемся теми, кто не молчал в свое время, их мужеством и принципиальностью, но продолжаем осуждать тех, кто не молчит теперь. Получается, что опыт прошлого нас так ничему и не научил. Смакуем наши ошибки и готовимся вновь повторить их. Что с нами?

Страшно нам, молодому поколению, вступающему в жизнь, что все ужасы прошлого могут повториться, и гарантий, что это не произойдет, у нас нет. Ярлык «враг народа» может замениться на более современный: возрождаются ведь давно забытые термины — «экстремисты», «оппозиция», «фракция», «раскол». Расколом пугают как Страшным судом, а что толку в единстве, если оно беспринципно? Разделение, как нормальное явление демократического общества, по-прежнему не воспринимается. Раз в меньшинстве, значит, против большинства, а большинство по-прежнему право. Враги перестройки — не в стане того меньшинства, что пытается найти истину в ущерб личному покою и благополучию. Они там, где пустое славословие, где громкие речи, где единодушное голосование без дискуссий и размышлений. Врагов всегда находили среди тех, кто желал изменений, кто болел душой за судьбу Родины, кто не боялся сказать «нет». Их всегда было легко найти — они были на виду, они были не такие, как все, они не прятались за чужие спины.

Гражданская активность! Вот чего нам так не хватает! Она понималась как продолжительные аплодисменты, как презрение ко всему неординарному, «дискредитирующему» основную линию. Мы еще пионерами были, а уже знали, что нужно говорить, а о чем надо молчать. Нас не увозили «маруси», но откуда-то был этот страх «быть не как все», стать белой вороной, «чужим».

Мы все с интересом следим за работой Верховного Совета СССР. Сколько людей — столько суждений. По вопросу же о меньшинстве многие сошлись в оценке — его заклевали, но не убедили нас в его неправоте.

Нельзя осуждать людей за то, что они идут (или пытаются идти) не против, а параллельно, несколько иной дорогой, пытаются найти пути, быстрее ведущие к цели. И видеть в их усилиях лишь личные амбиции, стремление к власти, к расколу — это и есть проявление все тех же стереотипов нашего недавнего прошлого.

Л. БЕЛЯЕВА,
студентка
Волгодонск Ростовской области





12 февраля 1917 года Константин Паустовский обронил в письме к жене: «В среду, 15-го, иду в «Дом Поленова» на Медынке. Там лекция о «русском писателе». Читает Бунин, участвуют Шмелев, Серафимович, Ал. Толстой, Телешов, Сумбатов, и еще, и еще. Одним словом, вся писательская Москва».

Этот вечер, в котором участвовала «вся писательская Москва», произвел на молодого писателя такое сильное впечатление, что следующее свое письмо (от 16 февраля) он целиком посвятил подробному его описанию:

«...Анна Ахматова прострелила меня своими египетскими глазами. Сиял лысиной и золотом зубов Серафимович с ужасающим, корявым лицом Квазимодо и хмельными глазами, по-английски строг, изыскан и стар был Бунин с глухим голосом и легким хохлацким акцентом. Тяжелый Сумбатов, величественный Телешов, пылкий и грассирующий Потемкин... И просто одетый, суровый, измученный, с презрительной складкой у губ и умным квадратным лицом Шмелев — самый молодой, резкий и отчеканенный,— как сказал Потемкин — в публике было «электрическое» настроение. Много шумели. Но почему-то все это показалось мне отжившим, старым, не волнующим. Для меня были только двое — Бунин и Шмелев. Бунин, спокойный, тонкий, задушевный, чеканил свои стихи и волновал. У него редкие тонкие руки. Шмелев бросил публике в ответ на жалобы на оскудение литературы — «Каждое общество заслуживает своих писателей. Гения надо заслужить. Прежде чем говорить о нем, надо спросить себя — достойны ли мы иметь гения. Вы — косная масса под новыми сюртуками, вы — трусость, вы — душевная прострация и та человеческая пыль, от которой тошнит в уме. И если придет в Россию гений, то какое отчаянное, потрясающее проклятие он швырнет в лицо России и вам, ее «промотавшимся», оголтелым отцам».

А в публике говорили: «Возмутительно. Написал каких-то два жалких рассказа, изданных универсальной библиотекой за 10 коп., и смеет говорить такие вещи». Одна дама, сидевшая впереди меня, сказала, что «такого господина она бы не впустила в свою гостиную»... Что вы, помилуйте! Разве можно. А Михайловский, Щедрин, Некрасов? Даже этот вечер — пример единения. Хорошо единение. «Я бы его в свою гостиную не пустила».

И Шмелев ответил о том, как затравили всех русских гениев, затравило общество, обыватель, вся дикая русская жизнь, и крикнул о несмываемом позоре и крови на руках русской критики, задушившей свободную мысль, убившей из-за угла безвестных гениев, которые были бы неизмеримо выше в с е х столпов русской литературы... Будьте прокляты вы, русские интеллигенты, с вашей критикой. Черт меня дернул родиться в России с душою и талантом».

Я привел эту длинную выписку из частного письма не только потому, что в ней дан резкий, выразительный, «отчеканенный» (невольно хочется тут воспользоваться словом самого Паустовского) портрет Ивана Шмелева, но еще и потому, что описанный Паустовским инцидент произошел з а д в е н е д е л и до катастрофы, обнажившей всю глубину того национального кризиса, о котором с такой неожиданной горячностью и страстной непримиримостью заговорил в тот вечер Шмелев.

Эпизод этот говорит о том, что Шмелев острее, болезненнее, чем кто другой, ощущал близость той страшной пропасти, над которой в те дни повисла Россия...



Иван Сергеевич Шмелев родился в 1873 году. Был он, стало быть, всего на три года моложе Бунина, который в отличие от «резкого и молодого» Шмелева показался Паустовскому на том вечере «изысканным и старым». И раздававшиеся в публике голоса насчет того, что Шмелев написал к тому времени «каких-то два жалких рассказа», тоже были далеки от истины.

Печататься Шмелев начал рано — в 1895 году. В 1911-м он опубликовал повесть «Человек из ресторана», сразу сделавшую его знаменитым. А в 1912-м вместе с Буниным, Зайцевым, Телешовым, Вересаевым стал пайщиком «Книгоиздательства писателей» в Москве, в котором вышло восьмитомное собрание его рассказов.

В 1922 году Шмелев оказался в эмиграции. Сперва в Берлине, потом поселился в Париже, где жил до самой смерти (1950). Первая же книга, написанная им в эмиграции,— «Солнце мертвых» (1923) — была переведена на многие языки и имела огромный успех у зарубежного читателя. Ее заметили и высоко оценили крупнейшие писатели Запада — Томас Манн, Г. Гауптман.

Один из виднейших литературных критиков русского зарубежья, Марк Слоним, размышляя о трагедии русского писателя в изгнании, высказался в том смысле, что литература эмиграции лишена новых художественных красок и новых идей, потому что она — эмигрантская. Слониму резко возражал В. Ходасевич. «Нет,— писал он,— она их лишена именно потому, что не сумела стать подлинно эмигрантской, не открыла в себе тот пафос, который один мог придать ей новые чувства, новые идеи, а с тем вместе и новые литературные формы. Она не сумела во всей глубине пережить собственную трагедию, она словно искала уюта среди катастрофы, покоя — в бурях — и за то поплатилась: в ней воцарился дух благополучия, благодушия, самодовольства — дух мещанства».

Иван Шмелев был одним из немногих русских писателей-эмигрантов старшего поколения, художественный дар которого эмиграция обогатила — и новыми идеями, и новыми красками. В отличие от многих он не закоснел в художественном консерватизме, который многие эмигранты вменяли даже себе в заслугу, принимая его за сохранение традиций, и тем самым бесконечно обедняли и омертвляли свой творческий дар.

Роман «Иностранец», отрывки из которого мы печатаем, может служить наглядным тому подтверждением. Он был начат в 1938 году и остался незавершенным. При жизни автора не публиковался. Текст, предлагаемый вашему вниманию, взят нами из книги, вышедшей в Париже в 1963 году.

ИНОСТРАНЕЦ

Иван ШМЕЛЕВ

В комнате небогатого отеля Ирина Хатунцева — Таня Снежко, по ресторану,— солистка русского хора Боярского, писала письмо мужу. Его портрет, в веночке из васильков, давно увядших, стоял перед ней на камушке. Камушек этот — даже не камушек, а комок затвердевшей глины — был для нее священным — символом родины. Она схватила его в последнюю минуту на станции «Таганаш», перед Джанкоем, при отступлении, когда обстреливали последний поезд, и она втаскивала в вагон залитого кровью добровольца, ловившего помертвевшими губами и просившего жутким хрипом — «дышать... дайте...». Раненый отошел на ее руках, залив ее платье кровью. А она все держала его руку на этом комочке глины и спрашивала гремевший поезд: «А Виктор?.. Где же Виктор?..» Теперь Виктор был с ней, недалеко, в санатории, и давний портрет его, в выцветшей форме добровольца, на этом кусочке родины, залитом русской кровью, вызывал ласковые слезы...

Ему претила «кабацкая» ее служба ночной певицы — «на потеху этой международной пыли»,— выражался он в раздражении,— но она успокаивала его: ведь это только пока, на какой-нибудь год-другой... и это ее никак не унижает, а лишь поможет скорей освободиться от подневольной жизни; они непременно отложат тысяч пятнадцать — двадцать, заарендуют ферму, займутся куроводством и будут сами себе хозяева. Полковник Одинецкий продавал в Константинополе пирожки и бедствовал, а теперь выгоняет в теплицах землянику, завел тысячу белых кур и собирается даже купить машину. Он, как всегда, отдавался ее успокоениям. Да и невозможно было не покоряться ее глазам, в которых сияла голубая душа ее — ясность и чистота. Но за два года удалось отложить только четыре тысячи. Ирине были необходимы туалеты, кроме ее «боярышни», и он хотел видеть ее всегда изящной, особенной. Она и была для него особенной: он называл ее — «отыскавшаяся Мисюсь». И в самом деле, первая встреча их произошла случайно, как в чеховском рассказе, только совершенно в иных условиях.

Летом девятнадцатого года их полубатарея случайно задержалась на каких-нибудь четверть часа на разъезде «Песчаное», под Купянском, и удалось наскоро выкупаться в пруду возле какого-то имения. Спешили на Волчанск, на Белгород... Купаясь, штабс-капитан Хатунцев привычно прикинул местность — и увидал белый господский дом, стоявший в конце аллеи высоких елей, и это что-то ему напомнило — свет какой-то?.. Много господских домов перевидал он в походах, но этот приятный пруд, эта уютная аллея и белый дом показались ему «совсем родными». Вот бы пожить недельку и отдохнуть душой! Полковник Кологоров, сам купавшийся с упоением, как буйвол, тут же и начал торопить, только

что влезли в воду — «нечего, господа, манежиться!» Когда бежали к разъезду, вправляя в штаны рубахи, Хатунцева оглушил мелодичный, спешащий голос, в котором чувствовался восторг и нежность: «Родные... выпейте молока!...» И он увидал... Мисюсь. У столбового въезда в имение, у крепких ворот — «со львами», совсем как там! — стояла тонкая девушка,— ему показалось, девочка,— в светлой прозрачной блузке и держала две черные крынки с молоком. Тут же стояла босая хохлушка-девка с пшеничным хлебом на рушнике. Все трое отдали честь «чудесной» и прокричали восторженное «ура». Он припал к крынке и насладился вдосталь и волшебным, «небесным», молоком, и незабудковыми глазами, нежно следившими, как он пил. В этих незабываемых глазах сияли восторженные слезы. Все горячо благодарили и целовали руки, торопились. Славная девушка сказала, взволнованно и нежно, глотая слезы,— «какие вы все... хорошие!...» — что-то еще хотела и не могла. Он задержался на минутку.— «Ах, какая вы славная... Мисюсь!» — вырвалось у него, в восторге. Она удивленно и радостно взглянула, а он, не помня себя от счастья, от хлынувших вдруг воспоминаний чего-то неизъяснимо светлого, стал говорить ей спутанно и страстно,— полковник кричал — «не увлекаться!» — что она самая-самая Мисюсь, пропавшая там, когда-то, — и вот, явившаяся в огне войны. Она с изумлением смотрела. Он показывал ей на белокаменные столбы со львами, на аллею, на белый господский дом...— «с мезонином... вы помните?.. — все, тогда, у Чехова!»

— Маленькая Мисюсь нашлась... Сколько мы повторяли, с грустью,— «Мисюсь, где ты?» — и вот, маленькая Мисюсь нашлась...— радостно говорил он ей, каменным львам, аллее, держа ее тоненькую руку, теплую, в молоке, а она растерянно смотрела сияющими от слез глазами.

— Вы на Харьков?..

— Нет, на Волчанск, на Белгород...

— Ах, скорей бы!.. — вырвалось у нее мучительно,— папа и мама там...

— В Белгороде?.. как адрес, фамилия?..

— Нет, они в Харькове, случайно...

— Харьков возьмут сегодня!.. И вы... — торопился он, целуя ее руку,— не тревожьтесь, все будет хорошо... Прощайте, славная, милая Мисюсь... как тут у вас чудесно!.. прощайте!.. Если бы только — до свиданья!..

И они встретились в Севастополе, год спустя. Она уже была — сестра, перенесшая много испытаний, всех потерявшая, и все такая же славная, Мисюсь. Случилось чудо, одно из многих, тогда случавшихся. Мисюсь не могла исчезнуть.

«Я знал»,— говорил он потом не раз,— «что встреча повторится. Она не могла не повториться! Если бы ты пропала, совсем, навсегда пропала... тогда бы и жизнь пропала».

«Бывший студент, филолог, он не имел сноровки заправского шофера. Почитывал на стоянках Шелли, Анри де Ренье и Чехова и упускал клиентов. Чехова он боготворил, считал его самым тонким из всех писателей, хоть бы и мировых, самым проникновенным, вечным, и готовил о нем задуманную давно работу — «Вечный свет Чехова». Шоферством тяготился, ночной работы не выносил, не завозил гуляк в заведения и гнушался комиссионных — за доставку. Годы войны, борьбы обострили в нем привитое воспитанием чувство чести и личности. Он не выносил грубости, избегал комиссариатов, и выбирать **carte d'identité** было для него мучением. Его коробило, когда хамоватые клиенты швыряли ему «ты» или пренебрежительное «моншэр». Между своими слыл он за чудака-идеалиста, который почему-то отказывается от пур-буаров. Правда, никак он не мог привыкнуть к пур-буарам. Когда удивленные клиенты отмахивались от возвращавшегося им франка, а некоторые оскорблялись даже, он пожимал плечами с брезгливым видом. Был еще такой случай.

Какая-то рассеянная американка забыла в его машине сумочку с драгоценностями, около миллиона франков, как она ему объявила. Случилось это в Байоне. Целый день мотался он по Байоне, разыскивая ее,— в комиссариат ехать не хотелось,— нашел уже к вечеру в Андай и вручил сумочку. Произошел интересный разговор.

— А, благодарю. Надеюсь, все в порядке?

— Не знаю, поглядите.

Она порылась, небрежно-бегло.

— Главное, жемчуг здесь... прочее — пустяки. Сколько же вы хотите?

— Уплатите по счетчику.

Она не дала сказать.

— Я не понимаю... какой счетчик? Я спрашиваю, за это сколько? — мотнула она жемчугом, сказав по-английски, про себя,— «все хитрости!»

Он ответил ей по-английски, резко, как швыряла ему она:

— А теперь я вас не понимаю, при чем тут «хитрости»? Вы забыли ваши пустяки в моем такси, я целый день вас проискал, чтобы вручить вам ваши пустяки... по счетчику выходит около трехсот, с обратным до Байоны... кажется, ясно.

— Хорошо,— сказала она, кусая губы,— тысячи с вас довольно? — и протянула тысячефранковую бумажку.

— Я сказал вам совершенно ясно: триста франков.

— Отлично! — воскликнула она запальчиво.— Это вам за работу. А за вашу... ну, любезность?

— Это не определяется бумажкой.

— Чем же это определяется? — сказала она, прищурясь, всматриваясь в него.

Он пожал плечами:

— Тактом?.. Но раз уж так хотите... определить, извольте: сдачу с вашего билета отошлите по адресу, я вам оставлю... на русских инвалидов.

— Так вы не француз, не англичанин... вы русский! А, тогда понятно.

— Очень рад, что вы поняли: вот мы и сосчитались.

— Вы, конечно, офицер? Что-то я слышала, русские офицеры, теперь шоферы? Куда же вы так спешите, может быть, коктейля выпьем? Вот как, не пьете... Знаете, у вас очень интересное лицо, что-то от Рамон Наварро... Но в дансингах-то вы бываете, надеюсь?

Она была глупа, вульгарна. Он сухо поклонился и ушел.

Оказалось, американка отослала «русским инвалидам» семьсот франков. Он подосадовал: жаль, что не потребовал тысячи две-три — на инвалидов: дала бы хотя бы из упрямства. И сделал вывод: все-таки вычитать умеет.

Эти «чудачества» Ирина особенно в нем любила и сознавала с болью, как тяжело ему, что она выступает «в кабаке».

После случайного оседа на «Кот-д-Аржан»... — приехали в По к знакомым, побывали у океана, и им понравилось,— у них родилась девочка Женюрка, не прожила и года и в три дня померла от менингита. Это их потрясло ужасно, и они страшились иметь детей. Весной Ирина списалась с меценатом, собиравшимся основать в Париже русскую оперу,— дело было отложено на осень,— Виктору улыбался случай, через англичанина-клиента, поступить в парижский английский банк,— планы с их фермерством померкли,— и они ждали осени, как случилось нежданное.

Еще в Галиции Виктор был ранен в грудь, и пуля осталась в легком. Рваная рана — на излете — не заживала долго, врачи не решались извлечь пулю, но организм все же справился, пуля как-то «обволоклась», Виктор вернулся в армию и потом проделал тернистый путь русского добровольца вплоть до Галлиполи. Двоюродная тетушка Ирины, сохранившая некоторые средства, выписала их в Париж, соблазнив Виктора Сорбонной,— он уже собирался в Прагу, где выходила стипендия,— но в первые же дни их появления в Париже крахнул солидный банкирский дом, где тетушка держала свои деньги по совету родственника-князя, тоже все потерявшего, и они очутились в трудном положении. Виктор пока оставил планы о Сорбонне, выдержал испытание и стал шофером, но скоро заболел тяжелым гриппом. Ирина ждала ребенка. Стало трудно. К счастью,— так думалось,— устроившиеся друзья пригласили их отдохнуть на ферме, в Нижних Пиренеях, возле По. И они основались в Биаррице.

В половине августа,— день был необыкновенно жаркий,— знакомые шоферы привезли Виктора в отельчик, почти без чувств и залитого кровью. Знакомый по Парижу русский доктор, отдыхавший на океане,— Виктор знал его по войне и в добровольчестве,— определил кровоизлияние в левом легком, где была пуля, и принял меры, одобренные и французом-консультантом, позванным перепуганной Ириной. На диагнозе врачи столкнулись. По мнению француза, было... — он назвал это длинным латинским термином, разумея легочный процесс, вдруг обострившийся. Русский не согласился с этим, вставил в круглый свой глаз монокль — признак глубокого раздумья — и заявил, что это... «или «проснулась» пулька, что бывает... или, от давнего ушиба пулькой, в итоге многих предвходящих образовалась склеротическая аневризма. Отсюда — и кровохарканье. Снимок рентгена обнаружил аневризму бронхиальной артерии, и оба врача сошлись: явного «процесса» нет, но необходимо серьезное лечение. Больной быстро поправился, но кровохарканье и «вялость сердца», как выразился осторожно русский доктор, так потрясли Ирину, что она умолила мужа бросить ужасное шоферство и чуть не силой увезла его в санаторий в Высоких Пиренеях, где горы делают чудеса. Русский поморщился, когда Ирина сказала о горном санатории, но француз одобрил. Русский настаивал: не выше 300 метров! Француз называл Ароза, Давос, где такие успешно лечатся на высоте в 1500 и даже 1800 метров,— как же не знать такого! Русский твердил упрямо: «пониже, не забывайте — аневризма, сердце...» Где-нибудь возле По, но только бежать от океана. Споры сбили Ирину с толку. Особенно подействовало, когда француз сказал, прищурясь,— в отсутствие коллеги, разумеется,— «а, коллега во-ен-ный доктор...» — и она послушалась совета одной француженки, брат которой, раненный тоже в грудь, с таким же кровохарканьем, поправился быстро в Пиренеях, в санатории «Эдельвейс». Там брали безумно дорого, смотря по комнате — от двухсот пятидесяти до тысячи франков в день, не считая «лабораторной части», но для русского комбатанта-офицера, у которого «такая нежная жена»,— Ирина побывала в санатории и переговорила с самим директором,— чрезвычайно внимательный директор сделал исключительную скидку: сто франков в комнате на двоих плюс «пониженные лабораторные издержки». Конечно, и это было не по средствам, но Ирину это не пугало: месяца на два хватит, а там — увидим. Мужу она сказала, что берут очень дешево, тридцать пять франков в день, только просят держать в секрете. Русский доктор поморщился и махнул рукой: силой не втащишь в рай. Он был превосходный диагност, но еще и философ, и очень религиозный человек: «все в руце Божией». Потому и не стал настаивать.

Виктору он сказал:

— Помните твердо, Виктор Сергеевич, что «по вере и дается!» Это вывод и людей большого духовного опыта. Помимо видимого лечения, важно еще другое, невидимое, внутреннее... не уговаривающая система некоего Куэ... эта система — дешевые процентики с чужого капитала... кому и помогает... а нужно внутреннее познание, приятие всем сердцем непреложности и спасительности для нас тех путей, которыми Господь ведет нас. Когда это приятие всем сердцем, тогда обретете то спокойствие, которое удивительно помогает видимому лечению, до чудес. Все это выражается в одном замечательном стихе, который повторяйте чаще: «Господь мя пасет — и никто же мя лишит».

Виктор пожал благочестивцу руку: он видал, как философ-доктор выносил раненых под огнем. Французский доктор этого не слышал. Да если бы и слышал, пожал бы плечами, только.

Санаторий был небольшой, но исключительно комфортабельный,— для иностранцев больше,— и оборудован по последнему слову гигиены. Пациентов два раза в день растирали каким-то магическим экстрактом из пиренейских трав,— называлось это «питанием кожи витаминами»,— и поили густыми сливками с прибавлением капель сока горной сосны и еще чего-то. Об этом волшебном средстве печаталось в газетах и проспектах, и портрет открывшего это средство доктора — он же директор санатория — изображался самым наглядным образом. Слева — лежал на носилках молодой человек-скелет, а доктор, плотный, глубокомысленный, в больших роговых очках, подносил безнадежному больному ложку волшебного экстракта с таким видом решимости, точно вот-вот услышишь: «а вот вы сейчас увидите». И правда: справа — бывший скелет, теперь жизнерадостный «альпиец», с горным мешком и альпенштоком, взбирался на неприступный пик, повернув радостную рожу к целителю, стоящему далеко внизу, на крыльце санатория, с торжествующе-поднятым пузырьком экстракта.

Пациенты весь день проводили на веранде, открытой на юг — к Испании, в особенных креслах на шарнирах, купались в солнце и наслаждались волшебной панорамой вершин, ледников и далей. Кормили превосходно, витаминно. Ежедневно в меню входило особенное блюдо — полусырое мясо горной козы, с приправой из горьких трав.

Ирина была растрогана, когда толстяк-директор, похожий на добряка-банкира,— он же и главный доктор,— почтительно ее заверил, что считает высокой честью для санатория отдать симпатичному русскому герою все силы и средства учреждения. Взволнованная свиданьем с мужем и этим «раем у облаков», облаков, впрочем, не было,— она совала бумажки направо и налево, всем, кто ни попадался ей на глаза,— сестрам и фельдшерам, массажистам и горничным, уборщицам и мальчишкам, поварятам, привратнику, даже санаторному шоферу, приподнявшему перед ней фуражку,— чтобы только заботились о Викторе. И когда уезжала — плакала. Если бы можно было, она осталась бы с ним до полного излечения. Но теперь нужно было работать и работать, вызывать бурные восторги и подношения.

Сидя в купе вагона, она вдруг вспомнила, как кто-то из лежавших на веранде в пледе сказал по-английски, как бы в мечтах: «прелестное виденье!» Такое слыхала она не раз, и это ее не восхищало. Но теперь это ее растрогало, и сказавший это — не помнила, молодой ли, кто он,— стал ей душевно близок. И вспомнила еще девушку-испанку, такую же черноглазую, как Кармен,— кажется, Микаэла? — принесшую Виктору виноград. Она так хорошо смотрела, совсем влюбленно, на русского молодца-красавца и так мило картавила — «о, ман-сиера капитэна!» — и все краснела,— хотелось расцеловать ее. Виктор ее выделял из всех там, называл — «чистое существо, красавка». Да и все такие чудесные и добрые.

Два раза за этот месяц она навестила мужа. Виктор чувствовал себя хорошо, прибавил около двух кило, совсем от загара почернел, только стал очень раздражительный. Увидав ее, он побледнел от волнения и задохнулся,— это было второе посещение. И решительно заявил, что довольно дурачиться. Она взмолилась ему глазами, и он увидел в них страх. Он взглядом ответил ей, что готов покориться ее воле, как покорялся всегда,— она поняла без слов,— но надо же быть разумными. Вся эта бутафория и не по средствам, и совсем ему не нужна, и невыносимо сознание, что она от него страдает, одна работает, а он належивает бока, как кот. Она опять умоляюще взглянула. Кругом лежали, ошарашивали Ирину взглядами. Она была в черном шелке, тонкая, гибколегкая, как дымок. Светло-каштановые ее кудри играли на нежной шее из-под широкой соломки с лентой. Надо было многое сказать ей, и они спустились в уютный «салончик у каскада». В огромное круглое окно можно было там любоваться водопадом, катившимся с ледников по глыбам.

— Боже, как здесь чудесно!..

Да, чудесно... для богачей-бездельников, передохнуть недельку, пофлиртовать с милыми сестричками,— все они здесь ручные,— но для него отвратительно, невыносимо. Ну, зачем же плакать?.. Он предпочел бы огненные ночи под Мелитополем, вечное — «что-то завтра?» — лишь бы не расставаться с ней. Она прильнула к нему и умоляла, без слов, глазами...— ну, немножечко потерпеть?! ну, для своей Мисюсь!.. Он снимал ее слезы поцелуем, он сдавался... «Сказать?..» — билось в ней сокровенное, радостное, сладкая и мучительная «тайна», еще не решенная в ней самой. «Сказать?..» Нет, тогда и минуты не останется без нее.

Пенился водопад по глыбам,— бежало время.

Здесь можно было бы отдохнуть чудесно, если бы не... Из персонала, лучшее — это Микаэла, милая девочка-простушка,— «в ней что-то наше, степное-полевое, и чистое». Великолепно кормят, воздух — само здоровье, но душевная атмосфера нестерпима. Послушать только, чем они все живут!.. Спорт, возведенный в культ, биржа, бридж с утра до ночи, и флирт. Что читают! Здесь свое синема, и надо видеть только, чего им нужно. И эти прокисшие сливки континента и островов... с упоением, с похотливым зудом, что-то жуют об «опыте», о «всеобщем взрыве», с легкой руки «Моску»,— будет чертовски интересно! Что они знают о России!..— будто с луны свалились. Славный «генерал Кхарков» — для этих даже недосягаемо. Где, у кого учились? И э-ти... будто бы оценили Чехова! э-ти, английские молодцы, тут их порядочно, не знающие ни строчки Шелли, еще болтают о «кризисе искусства!» Сравнивают чистейшего с... Оскар Уайльдом! Нет, нервы тут ни при чем, надо пожить с такими, тогда... Чуждые ко всему, чужие. Но ужасней всего жить в одной комнате с кретином. Наша солдатская казарма — святое место! Вот она, «скидочка», чёрт бы ее побрал! С ним поместили тулузского парня-лавочника, который его изводит грязными анекдотами, походя жрет чеснок, говорит сестрам гнусности, и воздух в комнате!..

— Нет, ради Бога, возьми меня... я же совсем здоров.

— Но если это ну-жно... ми-лый!..

Он видел, как ее мучает, взял ее тоненькую руку, лапку, и помотал.

— Ну, хорошо, не надо, моя Мисюсь... ну, отмахнем все это...— сказал он заветным тоном, каким говорил всегда, прогоняя ее тревоги.

Он целовал ей «лапки», пальчик за пальчиком. Все будет хорошо, он совершенно здоров, стеснения в груди кончились, и можно опять за руль, а там, в Париже... Ну, останется еще неделю, завтра тулузец уезжает. В библиотечке только авантюрные романы, и какая она умница, привезла Тютчева и Эдгара По... вот именно, английского. Перечитал вчера, который уже раз, «Скучную историю»,— какая же свобода, простота и мудрость. Какое счастье, что ты русский, что у тебя — такие!..

— Рина, я не могу высказать тебе...— говорил он восторженно, целуя ее руку,— до чего остро я здесь почувствовал... не с теми, а вот здесь, перед этим гремучим водопадом, перед этой бегучей сменой... как мы исключительно богаты, богаче всех...

— Как ты волнуешься сегодня, у тебя нет жара? — попробовала она губами у висков,— сколько сегодня было?..

— Да нет, нормально. Правда, я как с шампанского... и плохо сплю, но это я от счастья, что ты со мной... Так много передумал за эти дни... какие выводы! Да мой Карпенко духовно глубже, богаче э-тих! Помнишь, как метко выразил он все наше? кто подсказал ему? Когда говорили о России, о Европе?.. Не читал он ни Достоевского, ни Данилевского... истории не знает, ни культуры, а... Я тогда записал этот «солдатский афоризм»... «Наша дорога длинная, ваше благородие... по ней и дыханье у нас, долгое... значит, так уж допущено, чтобы хватило, ваше благородие!» Ну, подумай, кто здесь так скажет! Вложено, есть. Что только можно с такими сделать! Эх, дотянуть бы... Пересмотрел я свои «Записки», вспомнил своих соратников, милых моих наводчиков, фейерверкеров, номерных... ка-кие были! Перерыл в памяти...— до слез! А однобатарейцы, офицеры... какие души были, характеры! Теперь, в пустыне, все искалечены... и — живы! Нищие, на юру, иные опустились... а как зацепит душу, закваска бродит, требует ответов, мучает неразрешимым, вечным... нет, не погаснем! не гаснем, нет... Осмеивали Чехова, и знаем все же, что Чехов прав! «Небо в алмазах» ждем и жаждем, и дождемся... миссия такая наша. Богачи!..

Она любовалась, какой он оживленный и красивый, душой красивый, чудесный, светлый.

Испаночка подала им ягурт и виноград. Не сказала певуче, как прошлый раз,— «ман-сиера капитэна», и глаза у ней были красные. Что с ней?

— Завтра уезжает, бедная. Получила письмо, утонул брат, и еще двое из семьи... Пришла ко мне с письмом... прямо, трагедия. Все песенки мне пела, раньше, и пришла... ну, как ребенок,— «что мне делать... ман-сиера капитэна?»... Тетка ей написала и приложила последнее письмо брата к молодой жене, она беременной осталась... там и приписка Микаэле. Я перевел со словариком и записал, этот «человеческий документ», дам тебе, на досуге прочтешь дорогой. Очень интересное письмо... можно бы написать рассказ. Чехов бы написал! и Мопассан... по-разному бы только вышло.

Он рассказал ей, что случилось. Брат Микаэлы женился, совсем недавно, по любви. Отец жены дал им в приданое единое свое богатство, шхуну, и сказал: «кормите меня с племянником». У невестки был юноша-племянник, от брата, убитого жандармами, контрабандиста. Шхуна называлась «Ми Уника»— «Единственная моя». Действительно, была единственной у старика. Подошло и зятю,— «единственная», тоже. Все трое вышли в море, повезли руду, и — сгинули. У Аркашона выбросило труп старика; шхуну, с пробитым боком, выкинуло у Осгора. И все.

— Вечное человеческое, страдание. Да, «единственная моя»... мы это знаем, все...

Ирина плакала.

— Ну, вот... расстроил... ну, милая...

Сидели долго, связанные болью и любовью. Водопад бешено валился сменой.

Уезжая, Ирина говорила с доктором. Анализы были благоприятны, сердце приходит в норму, просвечивание необходимо повторить, надо следить за «телом» и принять меры своевременно... надо установить, кончились ли «вибрации». Если они будут продолжаться, если «тело» имеет наклонность к перемещению,— доктор разумел пульку,— то придется прибегнуть к...— Ирина испугалась и не расслышала. О возвращении вниз нечего пока и думать, но месяца через три-четыре будет видно, но главное — никаких волнений.

Ирина помертвела, почувствовав в словах «и думать нечего», сказанных даже грозно, предостерегающе-жуткий смысл.

— Но что же делать, до-ктор? — спросила она с мольбой.

— Прежде всего не плакать...— ответил галантно доктор, любуясь ею,— и положиться на учреждение, которое прилагает все...

В бюро ей подали счет «за лабораторную часть», на живописном бланке с магическим экстрактом, на девятьсот франков с чем-то. Ирина растерялась, такой суммы с ней не было, но ей очень предупредительно сказали, что это и не к спеху.

Директор сам проводил до холла с розовыми колонками и живописным панно — с горной козой над пропастью, почтительно простился, придерживая ее руку, и опять заверил, что приятные результаты не замедлят. И вдруг восторженно отозвался о ее милых песенках. Ну, да... он слышал ее на днях в русском оригинальном кабаре — «Крэмлэн д-Ор» и был участником потрясающего ее успеха.

— Все обожают вас, называют единодушно — «птижоли росиньоль дю Нор»... сколько у вас поклонников, и каких! — сказал он сладко, открыто любуясь ею, шаря по ней глазами,— это она заметила,— и склонился изысканно и низко, до огненной красноты в лице.— Отныне стало больше еще одним.

Это ей не понравилось,— такое страшное, с пустяками! — но она постаралась улыбнуться налившейся его лысине и сказала молящим взглядом:

— Доктор... умоляю вас, позаботьтесь о моем муже!

Он снова ее заверил, что будет применено все решительно, чем только располагает медицина, у них теперь самый совершенный метод пневмо...— Ирина не поняла, в расстройстве,— и отныне он будет ежедневно сам сообщать ей по телефону.

На подъезде она увидела Микаэлу, с платком у глаз, о чем-то просившую шофера, вспомнила, что она завтра уезжает, что она «самое лучшее, что здесь есть», нежно ее утешила и сунула двадцать франков — «за ее чуткую заботу о ман-сиере капитэне». Микаэла взглянула на нее по-детски, бархатно-черными глазами, в блеске горючих слез, и прошептала всхлипами — «мадам.. мадам...».

— Ну, милая... ну, Господь поможет...— сказала ей Ирина, сливая ее боль со своей.

«Боже мой, сколько горя...— думала она, остро чувствуя свою боль, спотыкаясь на гравии площадки,— ах, на автокар не опоздать бы». Обернулась, не видно ли веранды. Виктор махал платком. Она грустно послала поцелуй и покивала грустно, торопилась: автокар призвал гудком к отъезду. Из главного салона, где теперь пили сливки, граммофон наигрывал под танцы истомно-пряно — «Не счесть алмазов в каменных пещерах»...

Ее перепугало это — «будет применено все решительно, чем только располагает медицина», и она опять плакала дорогой.

В Баньер дэ Бигорн она пересела в поезд. Как легко было ехать тўда, и как томительно возвращаться в одинокую комнатку отеля. Тарб, пересадка в По, Ортер... потом этот еще... Пейреорад, Байона, Биарриц... как длинно! И все же ехать легче, чем там, одной. Она достала свежий платок из сумочки, увидала знакомый, милый почерк. Да, то письмо, испаночка...

Она читала:

«Здравствуй, моя толстуха-женка... ну, как ты там? Шли хорошо, твой старик молодцом, выпили с ним здесь джину. И Педрошка здорово по парусам. И все у нас горит. Взяли на Бордо каната и 5 тонн сушеных фруктов, калифорнийских, полны. Из Бордо будет тебе гостинец, уж сыщу, «лионский». Чертов карбит бесит старика, он привык к маслу, огни опознавательные намедни сгасли, не карбид, а чертово г... Чуть нас купец не срезал, входимши в порт. Старик здорово накостылял мне: выдумал карбид, нет вернее масла! Жульнический карбид, приеду, покажу подлецу Мигуэльке, чего он мне отсыпал. Небось скучаешь. Ну, погоди, я тебя развеселю»...

Дальше стояла песенка:

Ах, мой милый, чернорылый,
Хочешь спелый апельсин?
Молодайка, отгадай-ка,
Дочка будет — или сын?

Ирина задохнулась: билось сердце. Вот уже две недели мучило ее сокровенное — радостное и страшное,— тайна, еще неясная ей самой. Господи, неужели — это? Ни на минуту не забывалось в ней. Сколько усилий стоило не сказать. И теперь ей казалось страшным, что она так и не сказала. Ему — не сказала. Но как же это могло?.. Это тогда, в августе, встретил ее на берегу, в чудесном, розовом, «весеннем»... и не узнал. Розовый отель на берегу, «Пти Пэн»... кутили...

Молодайка, отгадай-ка,
Дочка будет — или сын?

Читала дальше:

«Ми Уника» наша, будто живая чайка, прыгает на волне — ух ты так сигает, как ты, помнишь, как я за тобой гонялся, маис-то помнишь? Как не помнить тебе, заполучила здорово, теперь с нагрузкой, такая же брюхатая, как шхунка, за фрахт здорово получим. Старик твой хоть и здорово сосет джин, а мы с ним, как за святым Петром, море знает, как ты в свои горшки-плошки. Карбит только не задался, да купим новый. Завтра на Бордо, там заберем галантери, парусины, чего найдем... старик знает, чего знает, так обернем, что карабинеры-черти... ...а тебе добуду таких духов, из самого Парижа! Говорят, такие есть духи, что монахи на стенку лезут... надушишься, до самого Мадрида донесет... будет дело! И Микаэлке купим туфли парижские, пятки оттопает, ногу бы только не сломала, каблучки во какие! В Бордо проканителимся дней десять, как раз и пибаль прихватим, начнет ловиться, ночи-то потемней пойдут. До пибали в Мадриде много охотников, лучше закуски нет. Прожарим в масле, спрессуем, крепкая же замазка будет. Кило 30—40 заберем. В Мадриде можно спустить по 20 песет, а то и по 309, а по берегу скупим по 10, ну по 12. денежки верные, вот они! Говорят, лучше русской кавьяр, кто ел. Попробуем... Ты и не нюхивала пибали, а это ребятенки-угорьки, чисто иголочки, насквозь видно, будто стеклянные, старик все знает, дошлый. Ну, а пока целую тебя взасос и во весь мах. Завтра идем на Бордо, только бумаги выправим, отштемпелюемся. Лупил твоего старика, зачем ты мне такую Мануэльку подсунул, с первого разу на мель села, а он мне — «ты ее посадил, не умеешь лавировать, надо бы верхний парусок закрепить, а ты...» Ну, другой раз суме-ем... на якоре покачаешься...»

Этот «человеческий документ» растрогал Ирину нежностью, которая в нем светилась. И сжалось сердце, как вспомнила, что уж и нет никого из них. Томительно-тревожно, в равномерном выстукиваньи колес звучало —

Молодайка, отгадай-ка,
Дочка будет — или сын?

...Бу-дет-бу-дет-бу-дет-будет... Боже мой, что же будет?.. Ей представлялось страшное. Пылким воображением она надумала всяких ужасов. Белый балахон Виктора, залитый алой кровью, оставался в ее



Рисунок Олега ВУКОЛОВА

глазах. Она вспомнила «Таганаш», и теперь Виктор ее хрипел, озираясь померкшими глазами «дышать... дайте...» Так это было страшно, что она не могла сдержаться, охнула и закрыла лицо платком. Сидевшая рядом с ней пожилая монахиня, в синей юбке и с белокрыльем на голове, участливо спросила:

— У мадам горе?

Ирина схватила ее руку и, приникнув к ее плечу, вздрагивала в немом рыданьи,— нервы совсем разбились. Монахиня сидела неподвижно, молча, не тревожа расспросами. Рабочий, в плисовых штанах, вымазанных известкой, скручивал сигаретку, раздумывал, оглядывая элегантный наряд Ирины, шелковое плечо ее, на котором переливались-дрожали складочки.

— Ничего... придет и хорошая погода...— сказал он к окну раздумчиво, будто с самим собой.

Ирина пришла в себя, помахала в лицо платочком, осмотрелась.

— Извините, матушка...— сказала она монахине, смущенно,— я так расстроена...

— Господь с вами. Хотите капель успокоительных, есть со мной?

Ирина поблагодарила, отказалась. Рабочий сказал — это ничего. Ирина смущенно улыбнулась, и тот улыбнулся ей. Ей стало легче, и она поведала им доверчиво, какое у ней горе.

— Это, мадам, не горе,— сказал рабочий, оглядывая лакированные ее туфли и шелковые чулки, телесные.— Если бы помер, тогда горе. Да и молодая вы, недурны собой, и денежки, может, есть... другого себе найдете. Горе... это другое дело, поправить когда нельзя. У меня вот отец сошел с ума... и все сбережения в печке сжег! семьдесят тысяч в билетах было!.. Вот это горе, уж поправить никак нельзя...

и номера не записаны, я справлялся, к нотариусу ходил, а он говорит, конечно, ...ничего поделать нельзя! Главное, если бы номера были записаны, на актовой бумаге... а то никак нельзя. Вот это го-ре.

Плюнул на сигаретку и задавил. Ирина стала смотреть в окошко. Монахиня молчала.

Сходя на пересадке, Ирина подала ей десятифранковую бумажку, на общину,— помолиться о болящем Викторе. Монахиня ласково кивнула и погладила по плечу. И стало совсем легко, тяжесть с души упала: сняла ее молчаливой лаской неведомая монахиня.

Угол комнаты, где висела папина иконка св. кн. Александра Невского,— Ирина с ней не расставалась, и портрет отца, в венчике из терновника,— давний мамин, с маленькой Ириной на руках, «домашний», висел над ее постелью, в крепе,— был заставлен усыхавшими цветами. Над сомье Виктора смотрел казацки-остро скуластый генерал Корнилов и умно-близоруко — Чехов. Висели еще памятки боев: побитый цейс, темляк и покоробленная полевая сумка — целлюлоза в коже, с «трехверсткой». Ниже, под гирляндой увядших орхидей, мутно-серебряно глазело круглое плято американца, неприятно напоминая «историю».

Возвратясь к себе, Ирина увидала этот глаз, за ней следивший. Ее кольнуло: как-то сплеталось это с согласием, которое она дала американцу. Эта «штука», как говорили знающие, стоила по крайней мере тысяч десять, судя по фирме — Рю де ла Пэ! — «в трудную минуту,— говорили,— можно и загнать, тыщонки за две». Ирина сняла плято и спрятала. Кололи мысли: неужели это... и «сказочные» миллионы могли тут значить?.. Но это как-то связывало волю, неуловимо подавляло. Она раздумалась: а если бы не этот, а другой, обыкновенный... согласилась? Не знала. Вспомнилось — «Свет во тьме»... и сказанное искренно, с волнением,— «а что, Эйби... если бы это была Мэри... девочка твоя?..» Нет, это тут ни при чем: если бы и обыкновенный, всякий,— все равно... свободней только. Папа, бывало, говорил, чтобы «душа жила». Мучило еще, другое — тайна. Тайн у ней не было от мужа, а теперь... И в этом она не виновата, и — Виктор чуткий. А вдруг... уловка? Бывало разное. Часто ей посылали письма, или нащупывали взглядом: как?.. Письма она рвала, не сообщая Виктору. Бывали явные нахалы,— эти отступали перед взглядом. Бывали пробы через посредников. Был случай... «сделки». Некий «эндюстриэль» даже фамилию проставил,— нотариуса только не хватало! — писал: «в вас я встретил как раз то самое, что надо: созвучный sexappeal! Мои условия: кокетливая вилла в Канн, все на ходу, Peugeot 40 СУ, последняя модель, 20 т. фр. в месяц, гарантия minimum 6 мес., возможно и продление, по соглашению. Если подходит, благоволите сообщить немедленно». Решительная подпись и точный адрес.

В дверь постучали:

— Можно?..

Не дожидаясь, можно ли, стремительно вошла — только на одну минутку! — Саша Белокурова и сразу затомила болтовней, духами, «египетской».

— Муженек как?.. Ну, слава Богу. Вот счастливица, все-то тебя любят, а я... Можешь себе представить, дурак-то, из Ле-Буки, Акинфов, прожженный казачишка... предложение вдруг сделал! — «Ступайте за меня замуж, Ляксандра Ивановна, буду вас голубить, а вы мне песни играть». Вот до чего, милая моя, опустились. Вот уж прожженный-то... и в Ле-Буке ганьит на заводе тыщи полторы, и у нас балалайчит лихо, и домишко сам себе слепил! А намедни ужинаю с русским американцем, глаз у него косой... он и голландец будто... да какой он шут, американец, просто жулик, надрал золотого лыка за войну,— вдруг мне и говорит: «Вы так похожи на Венеру Миловскую»...

— Милосскую.

— Я и говорю — Милонскую, а как же? «Главное,— говорит,— вы натуральная, а не какая-то линия!» И вдруг, можешь себе представить...— «езжайте со мной в Россию-матушку, там и «закиснем»! Плеснула ему в рожу, утерся только. Уж извините, не продаю себя. Ух, тощища... Маме вчера послала через Земгор, братишку Мишутку в красную забрали... уж ноги у мамы опухают, на сердце жалуется, должно быть, так и не увижу... только и осталось, мамулечка...

Она утерла слезы рукавом, по-бабьи.

— Да не могу не плакать... реву и реву все дни. Думают, веселая я... а я... будто никакая, случайная. И никто не любит, смеются... «семипудовая гусыня»!.. Наши казачишки-подлецы, я знаю. А чем я виновата, что так дует? И тоска грызет, а все толстею. Только и радости, что к тебе прибежишь, душу отведешь. И тебе со мной, знаю, скушно... минуту посижу только, дымя в окошко, ничего. Привыкла к этим — пьяным, англичаны выучили, легче как-то. Вот ты... счастливая какая, а куксишься. И муж хороший какой, как любит, да и все... И что за секрет в тебе! Денек не повидаю, так и рвусь... милочка-красавка. Смотрю вот... и нет в тебе словно правильной красоты, класическенской... а самая красота, для сердца! Глазки персидские, с разрезом... «дипломат» все так говорит, дурак-то наш в черкеске, ну — бирюза живая! А бровки...— вот я чему завидую, твоим бровкам!.. разлетные совсем, как крылышки, будто летишь, как взглянешь... все личико сияет... ах, красавка!

— Будет, уж захвалили, Александра Ивановна,— сказала Ирина утомленно,— а как у вас с Парижем?

— Да что с Парижем... а все-таки думаю поехать. Ресторан громкий, всегда полно, а тут вся шушера скоро начнет смываться, и с моря скушно... а там у меня «сердешный», на Рено, поручик мой голубчик. Пишет все, под две уж тыщи ганьит! Возьму да и закреплюсь навеки. Конечно, с моей карьерой, уж тридцать годочков скоро. Бывало, первой хористкой была в Большом... А в Сибири Юдифь я пела... в семнадцатом, в Иркутске!.. Уж вот выигрышная-то партия!.. Рост у меня, фигура статная, ручищи натерли краской, тут золотые бляхи... за волосы ухватишь олоферноску башку...— вспрыгнула она на сомье и оглушила: — «Во-от голова Олофе-эрна-а! в-вот он, могущий воитель!».

Ирина улыбнулась. Голос у Саши Белокуровой был очень сильный, фигура «героини», нос только подгулял — курносила, глаза — огромные, пустые, чуть с глупинкой, но добрые. Кто она, откуда, как «запела»...— не знали точно. И сама не знала: «так как-то... тенор услыхал, на огороде, под Девичьем». Рассказывали, что сама Фелия Литвин пророчила ей славу и подарила портрет с сердечной надписью. Коронным ее было — «В селе Новом Ванька жил, Ванька Таньку полюбил». Нравилась иностранцам — «настоящей славянской красотой», и они охотно приглашали ее поужинать. Но была очень строга к себе, и единственная ее любовь — «поручик», которого никто не видел. Часто ходила в церковь, молилась на коленях, со слезами. Могла отдать последнюю копейку, кто ни попроси. Ее любили.

— Разок бы хоть сказала — «ты, Санечка»... Мама, бывало, приголубит, только...— «бедные саночки мои... и куда-то они покатят»...— все так, бывало. Вон куда докатили «са-ночки»!.. А я, если уж полюблю кого, никак не могу уж вы-кать. Я ведь необразованная, знаю свой ранг, а образованных страсть люблю. Поручик мой, голубчик, вот какой образованный, как с Рено своего придет, все в книжку, Бога отыскивает. Давно меня зовет — приезжайте, Александра Ивановна, наполните мою жизнь духовным содержанием... Вот и ты тоже говоришь — почему не еду? Да боюсь, ску-шно будет. Я веселых люблю, а он будто в монахи собирается. А чего Бога отыскивать? Разве Он в книжках, Бог-то! Пойди в церковь, затаись в уголочке, вот и Бог, сразу почувствуешь. Как я ребеночка хочу... пятерых бы, кажется, сродила, стала бы обшивать-обмывать, питать... а муж бы радовался... чай бы пила — сидела, на даче бы с парусиной, и цветочков бы насажали, жасминцу бы... и огород непременно завела бы, папаша огороды в Москве снимал, спаржа была какая, прятались даже в ней... Акинфов вон говорит — «заведем все, Ляксандра Ивановна, и спаржа будет, и терраску пристрою вам, будете чай кушать с мармеладцем, и арбузы какие будут... Первая балалайка наша! Казаки — они прожженные, все умеют. Да... что слышала сейчас, Геранька твоя меня поймала, заоляпкала...— из «...— Отеля» тебе звонили? на телефоне чуть ли не полчаса висела... это не «носорог» звонил, а? Ну, ни одной душе не скажу, как умру... по глазкам вижу, что «носорог»... ну, вот ей-Богу, не скажу... Да, нет, ты мне все-таки скажи, я тебе присоветую, они прилипчивые, а ты отгрызаться не умеешь...

Ирина старалась улыбнуться.

— Вот и не угадали... Это мне директор санатория звонил, где муж.

— Неправда, по глазкам вижу... как же он из «...— Отеля?» там миллионеры только...

— Ну, я не знаю... может быть, вызвали к больному, это известный доктор. Ну, и... очень обстоятельно сообщил, что... опять делали рентгенизацию... все хорошо, но советуют подержать еще, для окончательного... На днях поеду туда, тогда решим...

— А я-то подумала, что этот.

Постучала горничная: просили к телефону, из санатория. Ирина побледнела, заметалась. Доктор звонил обычно часов в восемь, с мужем говорила она утром.

— Родная моя, лица на тебе нет...— обняла ее Саша Белокурова,— увидишь, все будет хорошо, дай перекрещу...

Вышли вместе. Саша Белокурова сказала, что подождет:

— Нет, нет, я не могу тебя оставить, такую,.. ты и меня разволновала. Ну, ступай, Господь с тобой, все будет хорошо.

Звонил директор санатория. Ирина переполошилась:

— Что с мужем?.. Ради Бога...

РАМПА

Режиссер Борис Покровский из тех, чьи идеи становились катализатором развития оперного жанра. С БОРИСОМ ПОКРОВСКИМ беседует наш корреспондент ДМИТРИЙ ВДОВИН.

— Борис Александрович, вы всю жизнь посвятили опере. Почему?

— Поначалу — не знаю, далее — потому, что опера — это феномен. Ее вершины недоступны другим видам искусства: когда слово, звук и действие одновременно поражают душу человека.

Правда, есть настоящая опера и есть «костюмированный концерт». Формула «опера есть театр» привлекала в этот жанр светочей мировой театральной культуры — Мамонтова, Станиславского, Немировича-Данченко, Шаляпина, Мейерхольда, Таирова. Ей служили Моцарт и Верди, Чайковский и Вагнер, Мусоргский. А тезис «опера — это костюмированный концерт» становился источником легкомысленного отношения к опере тех, кто не способен познать ее высокую драматургию, кто сводит ее искусство к звучанию голоса, убеждая, что опера — это нечто глупое,

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА





ЖИЗНЬ ОПЕРЫ

дорогое, помпезное и на редкость скучное. Эти люди продолжают губить оперу, делать ее никому не нужной.

— Что же мешает развитию современного оперного театра?

— Нежелание распроститься с невежеством. Консерватории заняты производством не певцов-актеров, а певцов-лауреатов. Педагоги вокала натаскивают своих учеников перед конкурсом, как тренеры спортсменов перед Олимпиадой. И они же, сидя в жюри, раздают лауреатские «пряники» и сами же гордятся своими достижениями. Эти «лауреаты» никак не готовы к работе в театре. Педагогов это ничуть не смущает: стой в наряде и пой! Только ради бога не двигайся, а то обнаружишь свою полную актерскую непригодность. Концерт ряженых!

— Печальнее всего то, что и «концерт ряженых» стал плохо удаваться.

— Катастрофическое падение отечественной вокальной культуры очевидно и признано.

— А что же дирижеры?

— Дирижер не театральный деятель. Ни по природе таланта, ни по способу мышления. Умные дирижеры в своей деятельности обращались к режиссерам. Однако они не знают элементов драматургии, а консерватории упорно их этому не учат.

Кстати, мощная тенденция прихода великой режиссуры в оперный театр родилась в России, поэтому мне так странны наши расшаркивания перед западной оперой.

Учиться нам надо многому, у зарубежных коллег тоже, но прежде у русской традиции в опере, поучиться уважению к ней. Нельзя предавать достоинство своего искусства.

— Вы настаиваете, что нет такого дирижера, который смог бы организовать оперный театр, ибо он мыслит звуками, а театр должен мыслить действием. Но на Западе режиссерские театры скорее редкость, чем правило. Большинство, в том числе самые знаменитые — Ла Скала, Метрополитен, возглавляют дирижеры.

— Ни Ла Скала, ни Метрополитен не театры в коренном смысле этого понятия, как представляли Станиславский, Немирович-Данченко, Фельзенштейн. Это сцены, на которых идут богато оформленные концерты. Режиссер? Руководство театра старается заполучить для сенсации режиссера, который выкинул бы что-нибудь если не совсем скандальное, то весьма экстравагантное. Театру нужен такой кунштюк, чтобы народ повалил... возмущаться. Если мы, например, поставим «Аиду», что называется, нормально, это не вызовет особого интереса. Но как только скажут: «Вы видели «Аиду»? Ну-у-у! Она голая! Да-да, голая выезжает верхом на крысе, крыса ее кусает, и от укуса она берет верхнее «до»!» — на этот спектакль все побегут сломя голову, отдадут за билет бешеные деньги. Побегут на «безобразие». Будет аншлаг, переаншлаг, все будут считать это грандиозным успехом. А мы —... завидовать!

Однако бывают и в этих театрах представления честных режиссеров с выдающимися актерами-певцами. И, как в любом театре мира, обычные проходные спектакли. На них вы не увидите забитого зала и не насладитесь высоким исполнительским мастерством солистов. Вас потянет в гардероб в первом же антракте.

— Борис Александрович, когда-то вы сами были «широкой публикой». Ведь вы начинали трудовую жизнь аппаратчиком на московском Дорхимзаводе...

— Был рабочим, даже ударником производства. В искусстве понимал мало. Зато тогда я имел право его судить, оценивать. А потом, когда окончил вуз и вышел на «передний край» своей профессии — оперной режиссуры, сам стал мишенью для проработок. То есть, перейдя из рабочих в интеллигенты, из критикующего стал критикуемым.

В то время, когда я начинал, развелось огромное количество критикующих. Именно тогда игра в критику и самокритику стала своего рода ритуалом. Сохранилось это во многом и по сию пору.

В отличие от многострадальных коллег по литературе и кинематографу лучших советских авторов опер никто всерьез не запрещал и не зажимал. Стукнули раз — отпустили, стукнули еще — опять отпустили. В свое время даже ЦК партии, возглавляемый Сталиным, не смог запретить Прокофьева и Шостаковича. После всех погромов вынуждены были их ублажать Сталинскими премиями. Руку-то подняли, но убить побоялись. Настолько было видно, что это за явление.

Знал это и сам Прокофьев. Помню, в 1948 году, слушая очередной ждановский разнос, он сидел развалясь, закинув ногу на ногу (в белых бурках), смотрел в потолок и демонстративно фыркал.

У меня внутри все дрожало: «Что он с собой делает! Зачем нарочно лезет на рожон?!» Незадолго до этого встретил я своего бывшего сослуживца по заводу, на котором работал до учебы в ГИТИСе, хорошего такого парня.

— Ты что, Борька, опять хочешь «прикурить»? Смотри!

— Ты-то тут при чем?

— Да я-то ничего. У нас митинг был сегодня. Прорабатывали мы вас за эту, как ее, «Великую дружбу».

С ужасом ощущал я себя отщепенцем, человеком, поставившим спектакль, который вызвал «всеобщее народное» возмущение. Что мне было делать? Выйти на Красную площадь и возопить: «Нет, это не так, неправда! В опере «Великая дружба» много недостатков, но нет в ней никакого формализма!» Подготовили мы с Мелик-Пашаевым выступление, в котором хотели что-то объяснить. Но одна знающая женщина подсказала: «Никаких объяснений! Рвите на себе волосы, говорите, что вы дураки, негодяи, идиоты. Что вы больные, что будете благодарны партии и правительству, если вас посадят в соответствующую лечебницу».

На трибуне я себя не просто критиковал — уничтожал, как мог.

— Товарищи!

Из зала:

— Вы нам не товарищ!

Кто кричит? Мои коллеги, работники Большого театра. Я лепечу:

— Каждый может ошибиться...

— Слишком много ошибок! Не забывайте, что вы еще и «Войну и мир» Прокофьева в Ленинграде поставили! У-у-у! Мы все помним! Формалист!

Вы представляете себе зал нынешнего театра оперетты? Набит до отказа народом. И все против нас.

Должен сказать, что сейчас легко судить о тех временах. Можно, например, написать, что вышел-де Покровский и вместо того, чтобы провозгласить, что Прокофьев — величайший композитор XX века, что Шостакович — гений, а Хачатурян, Мясковский, Кабалевский, Шебалин — все они наша Культура, стал поливать себя грязью, двурушник проклятый! Хорошая статейка получится...

Итак, после того, как мне «врезали» за отсутствие самокритики, заседание кончилось. И ненависть ко мне как-то разом прошла. Кто-то из артистов вложил в мой карман записку: «И это пройдет!» Многие весьма благожелательно на меня смотрели, как на актера, хорошо сыгравшего трудную роль. Мне продолжали поручать самые ответственные спектакли. В том же году дали очередную Сталинскую премию. Две параллельные жизни. В каждой мы учились жить по-своему, в особой тональности. Лицедеи!

На критический сигнал в райком партии о том, что, ставя «Аиду», я восхваляю изменника родины, я не мог сказать: «Дураки!» — а должен был разъяснять, что Радамес перешел на сторону угнетенных Египтом эфиопов, ведущих освободительную борьбу. Таким образом, в нас воспитывалось умение играть в жизнь, которое с успехом используется по сей день.

Меня однажды спросили: какой поступок в вашей жизни вы считаете лучшим? И я вспомнил, как во время войны Прокофьев специально для меня играл только что написанную оперу «Война и мир». Я слушаю, и мне опера не нравится. Не нравится музыка. Я думаю: «Сказать?» Я уже режиссер Большого театра. Мне Прокофьев, великий Прокофьев (я еще ребенком учил его «Мимолетности») играет, и я должен дать какую-то оценку. У меня должно быть свое мнение. Мне оно по штату полагается! Оборачиваюсь — рядом сидит Самуил Абрамович Самосуд — замечательный дирижер, умница, талантище. Смотрю, а у него слезы на глазах от восторга!

И тут я совершаю свой лучший поступок в жизни — я молчу. Оставляю свое мнение при себе.

Молчание — золото. Сейчас есть манера такая: слон давно прошел, а из подворотни вдруг «тяф-тяф». Куда ты? У тебя «свое мнение»? Так ты выскажи его, пока слон идет.

Нужно, чтобы были запреты, запреты нравственные. Табу.

«Не убий, не пожелай жены ближнего своего!» А почему, собственно, не убий? И отчего, хе-хе, не пожелать жены ближнего?

Раньше на Спасской башне висела икона. Проходя через Спасские ворота, вы обязательно должны были снять шапку и перекреститься. Не веруете — можете не креститься, но шапку снять обязательно. Должны, и всё тут!

Позвольте, зачем? Я простужусь! Я в шапке пройду — и ничего. А я русскую церковь порушу — и ничего! А я Станиславского возьму да из дома выгоню!

Кстати, кто выгнал? «Народ». Кто сжег усадьбы Блока и Немировича-Данченко? «Народ». Кто Шаляпина уплотнил? Кто рояль Рахманинова вышвырнул со второго этажа? «Народ». Прошли год, два, тридцать, семьдесят... Что такое русский народ? Это Блок, это Станиславский, Немирович, Шаляпин, Рахманинов. Преступления против них были преступлением против народа. Может, и неосознанным. Кто его совершил? Люди, население, все кто угодно, но не народ.

И ведь никто за руку не схватил! Не захотел сказать:

«Табу!» Вечные законы надо соблюдать.

— Толчком к вашему уходу из Большого театра стал поход нескольких ведущих солистов к тогдашнему министру культуры П. Демичеву. В какой-то степени это были ваши ученики, те, чьи лучшие роли состоялись в ваших спектаклях, благодаря вам. Лучшие годы, лучшие роли — с вами. Отчего же они пошли?

— Те, о ком вы говорите, не были моими учениками. Но это не меняет дела...

За 40 лет моей работы в Большом театре из него по той же причине, что и меня, выгнали выдающихся дирижеров-руководителей: С. А. Самосуда, А. М. Пазовского, Н. С. Голованова, практически то же сделали с А. Ш. Мелик-Пашаевым... Е. Ф. Светланов и Г. Н. Рождественский не дождались бумажки с приказом об увольнении, ушли сами. Хорошенькая традиция! Причина — нежное расположение начальства к актерским интригам.

— Но откуда это нежное расположение?

— На банкет, скажем, к Сталину, приглашены певцы потешить гостей. Постарались. Распотешили. Состоялся диалог:

— Ну, как там у нас, в Большом? Давно не был, надо зайти...

— Что вы, Иосиф Виссарионович, у нас такой ужас! Этот Голованов (Самосуд, Пазовский, Мелик-Пашаев и т. д.) — просто безобразно...

— Надо разобраться, товарищ Власик, артисты жалуются... Все! Голову с плеч! И все потому, что артисту X не дали роль, не прибавили к зарплате, не разрешили командовать театром, сделали замечание, дескать, фальшиво поешь, очень растолстел, нехорошо получать зарплату в Большом, отлынивая от его творческих тенденций, петь на стороне...

Актер — главная и решающая творческая сила театра. Но эта сила должна организовываться специалистами театрального дела.

— А что сейчас в Большом?

— Большой театр надо оберегать. Но как оберегают хирурги больное место? Они отсекают все отмершие, гниющие члены, вычищают грязь. В Большом огромное количество ненужных и вредных людей! Прививают молодежи привычку к рутине. Нужен сквозняк, здравый смысл.

Художественный совет должен советовать, а не решать. Отвечать-то всегда будет один, а не «общество», которое всегда право и... безответственно.

— А как в Камерном театре?

— В Камерном театре я с худсоветом считаюсь и советуюсь. В него входят профессионалы, и во многих вопросах они разбираются не хуже меня. Но если возникнет принципиальный конфликт, я с ними спорить не буду. Встану и уйду из театра. Взаимное доверие труднодостижимо, но без него работа невозможна. Я ничем, кроме искусства, с этим театром не связан. Будучи художественным руководителем Камерного театра 18 лет, зарплату там я не получаю. Я пенсионер. Меня это вполне устраивает. Я свободен. Свободен, чтобы иметь возможность полностью отвечать за каждое свое действие. В Большом театре этого никогда не было и быть не могло. Хотел я или нет, все приходилось делать с оглядкой. Упаси бог от этого!

— Недавно, после долгих лет отсутствия в Большом театре, вы поставили на его сцене оперу Римского-Корсакова «Млада». С каким чувством вы вернулись в театр?

— Мой приход был банален: объятия, поцелуи, речи, цветы, приветствия. Главное же произошло вечером. Войдя в лифт, я восторженно (в стиле дня!) поздоровался с давно работающей там лифтершей. Я ждал восторгов, умиления, но услышал в ответ обыденное «здрасьте». Через несколько секунд лифтерша посмотрела на меня и совсем просто сказала: «Что-то вас давно не было видно, приболели, што ль?» Тут я понял, что такое «суета сует».

— В Большом театре сейчас многое изменилось. Александр Лазарев назначен не просто главным дирижером, а художественным руководителем театра. Ему предоставлены большие права. Вы верите в позитивные перемены в театре?

— Лазарев молод. В этом его огромное преимущество перед всеми нами. И он мастер. Может быть, он выдержит. А может, и плюнет, как плюнули в свое время Светланов, Рождественский. Биться о каменную стену? Зачем? Чтобы обрекли на смерть, как Мелика-Пашаева? Чтобы унизили, как Самосуда?

В труппе есть ребята замечательные, талантливые. Во «Младе» одну из главных ролей играет молодой певец, тенор. Верхнее «до» в отличие от некоторых именитых «звезд» Большого театра у него, как говорится, в кармане. Живет в общежитии, получает, наверное, рублей 160. Думаю, что на еду и то толком не хватает. Он совсем не обученный и актерски не воспитанный. Надо много с ним работать. А его уже везут напоказ в Америку, хотят «продать»?! Или похвастать! Настоящий певец не тара с иномаркой, в которой находится голос.

И все же Большой театр вечно прекрасен. Ибо там есть великая традиция. Есть она и в Кировском театре. Это не традиция Шаляпина или Сука, Лемешева или Голованова — это традиция Руси. Ее надо понять и очень сильно любить. Тогда будешь счастливым.

— Борис Александрович, вы народный депутат СССР. Каково ваше отношение к тем сложным процессам, которыми живет сейчас наше общество?

— Я не политик, но мне 77 лет, и в своих суждениях я могу основываться на определенном опыте, на жизненных наблюдениях.

Уничтожив духовные нормативы прошлого, процесс построения социалистического общества мы определяли экономическими факторами: нэп, коллективизация, индустриализация, химизация сельского хозяйства, Продовольственная программа и т. д., и т. п. Все это проваливалось, разрушая культуру. Любые, даже разумные, решения не выполнялись да и сейчас часто не выполняются. Почему? Культура — это не образованность. Можно читать Достоевского, уметь популярно объяснить теорию относительности Эйнштейна, просматривать с гордо поднятой головой, сидя в метро, свежий номер «Огонька» — все это еще не культура. Латинское «cultur» значит почитание. Кого кем? Человека человеком! На чем оно должно быть основано? На определенных законах — трудовых, производственных, общественных отношениях. Экономическими конструкциями прошедших десятилетий культ человека, человеческих отношений был низвергнут. Экономическая система прошлого породила ложь, воровство, унижение, предательство, несправедливость, насилие, невежество в самых разнообразных формах. Сверху донизу. Разрушение моральных обязательств, гуманистических связей, культа почитания человека человеком, естественно, породило культ одной личности: «Дорогой Иосиф Виссарионович, дорогой Никита Сергеевич, дорогой Леонид Ильич»... Многим это казалось удобным: давало простор безответственности, разнообразным нравственным спекуляциям на всех уровнях.

Появились спецснабжение, спецмашины, спецпайки, спецдачи, спецбольницы, спецложи в театре. Для проезда спецмашины перекрывается движение для людей, спешащих на вокзал, в больницу, на работу. У спецдомов и дач — закрытые зоны. Это стало обычным, это стало нестыдным, это породило поток подражаний.

Конечно, очень легко закрыть Четвертое управление Минздрава, но очень трудно довести все больницы до его уровня. Наша «нравственность» готова удовлетвориться первым: не мне, так никому! И это — социализм?

Совесть! «Совесть — закон, живущий в нас,— говорил Кант,— в соответствии с ним мы живем, поступаем». Наша совесть грязная, некультурная. Суть нашей беды заключается не в том, что на прилавках магазинов нет продуктов, не в том, что нет квартир, протекают крыши, безнадежно отстала медицина, растет преступность, потеряно достоинство любой профессии, а в том, что существуют условия, порождающие все это.

Что же делать? Создать заново систему трудовых и общественных взаимоотношений, при которых неминуемо и закономерно развивались бы социалистические связи людей. Старые экономические связи себя не оправдали. Надо выстроить новую систему трудовых отношений таким образом, чтобы каждому было лично выгодно быть честным и не хамом. Каждый может и должен по-разному получать за свой труд, но каждая профессия при этом должна быть в равной степени достойна и уважаема. Тогда появится удовлетворение от профессиональных успехов, а не от причастности к «спецобслуживанию», главный результат которого — оскорбление другого. Оскорбление другого превратилось в приятность. Глумление над человеком стало нормой.

— А чем может помочь искусство?

— Созданием школы человеческого общения и почитания друг друга. Все эти годы искусству уделялось, да и сейчас уделяется, место «за дверью». Дескать, развлечение! Результаты очевидны.

Бескультурье рождает искусственно создаваемый дефицит, брак в работе, презрение к труду, к старым и немощным, порождает безответственную ложь и крах экономических начинаний.

— Значит, сейчас на нашем искусстве — огромная ответственность. Как оно должно развиваться?

— Всем нам, «работникам искусства», надо бросить критиковать и предавать анафеме прошлое. Теперь нужно смотреть вперед, готовить утро вслед уходящей кошмарной ночи. Искусство не может соревноваться с покорившим всех нас потоком публицистики. Сфера театра — фантазия, воображение, образ! Великий художественный образ никогда не подчинен единому или, как теперь говорят, «однозначному» пониманию. Оставим понимание науке. Наша сфера — восприятие сложной красы мира душой — чувственно, необъяснимо, несказанно. Вы понимаете «Пиковую даму» Чайковского или «Хованщину» Мусоргского? Если скажете «да», то поздравляю вас, перед вашим носом упала заслонка, вы лишились способности радоваться благолепию мира.

После публикации в «Огоньке» отрывков из книги Бориса Бажанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина» («Кремль, 20-е годы», №№ 38—42) редакция получила множество писем с просьбой рассказать о дальнейшей судьбе ее автора.

«Вы остановились,— пишет Т. Лоскутова (Москва),— на самом интересном месте: «Если я сейчас жив и пишу эти строки, этим я обязан решению перейти границу 1 января». Что же произошло дальше?»

Судьба Б. Бажанова поучительна: сбежав из СССР, он оказался никому не нужен. Если английская разведка еще пыталась несколько раз использовать его в своих целях, то французы (в Париже он прожил с 1928 по 1982 год) не проявили к нему особого интереса.

В 1939 году во время войны СССР с Финляндией Бажанов пытается навязать свои услуги Маннергейму. Однако из их альянса, в общем, ничего не вышло. В 1941 году представители фашистской Германии предлагают ему сотрудничество. На этот раз сам Бажанов отказывается помогать завоевателям СССР.

Стремясь удовлетворить интерес читателей к дальнейшей судьбе Бажанова, мы сочли возможным опубликовать из его «Воспоминаний» еще один отрывок, в котором повествуется о побеге Б. Бажанова из СССР и его жизни в эмиграции.

Мы снова напоминаем, что редакция с удовольствием предоставит страницы журнала специалистам-историкам, желающим прокомментировать нашу публикацию.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Российская Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Отдел Бюро Секретариата.

№ 1В/с. 10 АВГ. 1923 192 г.

Т.т.Кнорину, Бажанову, Ксенофонтову.

Выписка из протокола № 27 заседания Оргбюро ЦКРКП от 9/VIII-23 г.

Слушали:	Постановили:
О помощнике Секретаря ЦК т.Сталина.	Назначить помощником Секретаря ЦК т.Сталина т.Бажанова с освобождением его от обязанностей секретаря Оргбюро.

Секретарь ЦК

/БВМ/

Правила о порядке хранения см. на обороте.

БЕГСТВО

Борис БАЖАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

Вечером 31 декабря мы с Максимовым отправляемся на охоту. Максимов, собственно, предпочел бы остаться и встретить Новый год в какой-либо веселой компании, но он боится, что его начальство (ГПУ) будет очень недовольно, что он не следует за мной по пятам. Мы приезжаем по железной дороге на станцию Лютфабад и сразу же являемся к начальнику пограничной заставы. Показываю документы, пропуска на право охоты в пограничной полосе. Начальник заставы приглашает меня принять участие в их товарищеской встрече Нового года. Это приглашение из вежливости. Я отвечаю, что, во-первых, я приехал на охоту, предпочитаю выспаться и рано утром отправиться на охоту в свежем виде; во-вторых, они, конечно, хотят выпить в товарищеском кругу; я же ничего не пью и для пьющих компаний совершенно не подхожу. Мы отправляемся спать.

На другой день, 1 января, рано утром мы выходим и идем прямо на персидскую деревню. Через один километр в чистом поле и прямо на виду пограничной заставы я вижу ветхий столб: это столб пограничный, дальше — Персия. Пограничная застава не подает никаких признаков жизни — она вся мертвецки пьяна. Мой Максимов в топографии мест совершенно не разбирается и не подозревает, что мы одной ногой в Персии. Мы присаживаемся и завтракаем.

Позавтракав, я встаю; у нас по карабину, но патроны еще все у меня. Я говорю: «Аркадий Романович, это — пограничный столб и это — Персия. Вы — как хотите, а я — в Персию, и навсегда оставляю социалистический рай — пусть светлое строительство коммунизма продолжается без меня». Максимов потерян: «Я же не могу обратно — меня же расстреляют за то, что я вас упустил». Я предлагаю: «Хотите, я вас возьму и довезу до Европы, но предупреждаю, что с этого момента на вас будет такая же охота, как и на меня». Максимов считает, что у него нет другого выхода — он со мной в Персию.

Мы приходим в деревню и пытаемся найти местные власти. Наконец это нам удается. Власти заявляют, что случай далеко превышает их компетенцию, и отправляют гонца в административный центр, который находится в двадцати километрах. Гонец возвращается поздно вечером — мы должны ехать в этот центр. Но местные власти решительно отказываются организовать нашу поездку ночью, и нам приходится ночевать в Лютфабаде.

Тем временем информаторы Советов переходят границу и пытаются известить пограничную заставу о нашем бегстве через границу. Но застава вся абсолютно пьяна, и до утра 2 января никого известить не удается. А утром 2 января мы уже выехали в центр дистрикта и скоро туда прибыли. Не подлежит никакому сомнению, что, если бы это не было 1 января и встреча Нового года, в первую же ночь советский вооруженный отряд перешел бы границу, схватил бы нас и доставил обратно. Этим бы моя жизненная карьера и закончилась.

В центре дистрикта меня ждет новый необыкновенный шанс. Это — начальник дистрикта, Пасбан.

Он должен нас отправить в столицу провинции (Хорасана) — в Мешед. Он мне объясняет, что между нами и Мешедом горы в 3000 метров высотой. Послать вас по колесной дороге в Мешед — значит послать вас на верную смерть: с сегодняшнего дня будет дежурить отряд чекистов с автомобилем, который вас схватит и вывезет в Советскую Россию. Единственный ваш шанс — идти напрямик через горы. Здесь нигде дороги нет. Есть тропинки, по которым летом жители иногда идут через горы. Сейчас зима, все занесено глубоким снегом. Но вы должны попробовать. Большевики в горы пойти не рискнут. Я вам дам проводников и горных лошадок. Не питайте никакого доверия к проводникам; питайте полное и неограниченное доверие к горным лошадкам — они найдут дорогу.

Снаряжается караван, мы начинаем подъем в горы.

Странствование через горы, снега, обвалы, провалы и кручи продолжается четыре дня. Вконец измученные, мы спускаемся наконец на пятый день в долину Мешеда и уже в его предместьях выходим на автомобильную дорогу. Здесь циркулирует грузовик на правах автобуса. Мы попадаем в него вовремя, занимаем задние места, сейчас же за нами в автобус садятся два чекиста, но они вынуждены занять места перед нами. Они, вероятно, полагают, что мы вооружены, и ничего себе не позволяют. Мы доезжаем до Мешеда, и автобус довозит нас почему-то до гостиницы. Нам объясняют, что это — единственный отель европейского типа в городе; туземцы останавливаются в караван-сараях. Мы очень устали и мечтаем о хорошей кровати. Перед сном в ресторане отеля пробуем выпить кофе. Когда кофе подан и мой спутник уже готов его пить, я останавливаю его: от кофе идет сильный запах горького миндаля — это запах цианистого калия. От кофе мы отказываемся и подымаемся в нашу комнату...

На другое утро меня принимает губернатор Хорасана...

Мы окончательно поселяемся в кабинете начальника полиции. Полиция имеет вид средневековой квадратной крепости с одним только входом. Помощник начальника полиции показывает мне на племя диких курдских всадников, расположившихся лагерем на площади перед полицией. Племя это нанято большевиками; задача его — при моем выходе из полиции налететь, зарубить и ускакать. Но полиция это хорошо понимает; и вообще-то я из полиции почти что не выхожу, а если выхожу, то под сильной охраной.

Переговоры с Тегераном сильно затягиваются.

Мой помощник начальника полиции держит меня в курсе дела. Затягиваются, собственно, переговоры между Тегераном и Москвой, которая требует моей выдачи.

Все последние годы между Персией и СССР были всегда три-четыре спорных вопроса, по которым ни одна сторона не уступала, настаивая на своем праве. Это были вопросы о рыбных промыслах в пограничной зоне на Каспийском море (много икры), о нефтяных промыслах, и в особенности о линии границы, которая определяла, кому принадлежит очень богатый нефтью пограничный район. За мою выдачу Сталин соглашается уступить персам по всем этим спорным вопросам, и, кажется, персидское правительство склоняется к тому, чтобы меня выдать. Мой милый перс сообщает мне об этом с глубоким прискорбием.

В то же время параллельно переговорам правительства идет собственная работа ГПУ. 2 января наконец проснувшаяся застава доложила Ашхабаду о моем бегстве. Заработал телефон с Москвой, Ягода, видимо, проявил необычайную энергию, Сталин приказал меня убить или доставить в Россию во что бы то ни стало. В Персию был послан отряд, который ждал меня по дороге в Кучан, но так и не дождался. На аэроплане из Тегерана в Мешед прилетает резидент ГПУ в Персии Агабеков, и ему сразу же переводятся большие средства на организацию моего убийства. Агабеков энергично берется за работу. Подготовка идет по разным линиям, и успешно (обо всем этом в 1931 году в своей книге расскажет сам Агабеков). И когда все готово, вдруг Агабеков получает приказ из Москвы — все остановить. Агабеков не понимает, почему, когда все подготовлено. Он очень обескуражен. Он не знает, что Москва получила заверения о моей выдаче, переданные по линии, о которой он не догадывается.

Интересна дальнейшая история Агабекова. В 1930 году он переводится резидентом ГПУ в Турцию, на место Блюмкина. В это время он сильно подозревает, что если его отзовут в Москву, то это для того, чтобы его расстрелять. К тому же он переживает роман своей жизни: он влюбился в молоденькую чистейшую англичаночку, которой он признается, что он чекист и советский шпион. Англичаночка приходит в ужас и из Турции возвращается в Англию. Агабеков покидает свой чекистский пост и по подложным документам следует за нею. Родители ее сообщают обо всем этом властям, и Агабекову приходится уехать во Францию. Здесь становится очевидным, что он с Советами порвал. По требованию Советов его из Франции высылают (основание есть — он приехал во Францию по подложным документам), и ему в конце концов дает убежище Бельгия. Он пишет книгу «Чека за работой», которая выходит на русском и на французском языках. В ней одна глава — страниц десять — пятнадцать посвящена подробному рассказу, как он организовывал мое убийство. В 1932 году я имею возможность его встретить в Париже. У него вид и психология типичного чекиста...

За Агабековым ведется правильная охота. В 1937 году во время испанской гражданской войны... его убивают, и труп его, затянутый на испанскую территорию в горы, находят только через несколько месяцев.

Мой милый помощник начальника полиции приходит совсем расстроенный. Из Тегерана от правительства получен приказ привезти меня в Тегеран, а по сопровождающим этот приказ сведениям переезд не предвещает для меня ничего хорошего; мой милый перс считает, что я буду выдан большевикам.

Пора мне переходить в атаку...

Прямо перед нами была огромная, персами отнюдь не охраняемая граница с Белуджистаном (Индия). Не охраняемая, так как за ней шла Белуджская пустыня, сухая и выжженная солнцем. Но для англичан по ту сторону границы несло некоторую охрану полудикое белуджское племя.

Надо было быстро найти пути. На рынке Дуздаба я разговорился с индусскими торговцами, спрашивая у них, какой из местных индусских коммерсантов — человек англичан и пользуется их доверием. Мне на такого указали. Я предложил ему отвезти меня в распоряжение сторожевого белуджского племени по ту сторону границы. Что он с наступлением ночи и сделал, отвезя нас на автомобиле к белуджам.

С предводителем племени я быстро сговорился. Он снарядил караван из трех-четырех воинов и нескольких верблюдов, и мы отправились через Белуджскую пустыню. Надо в скобках заметить, что, когда мы покинули советский рай, у нас не было ни гроша денег, и до сих пор все путешествия шли за счет Его Величества Шаха, а с этого момента — за счет Его Грациозного Величества Английского Короля. По крайней мере ни я, ни вождь племени не имели на этот счет никаких сомнений.

Было так жарко, что наш караван мог идти только ночью. При этом езда на верблюде выворачивает вас наизнанку, и добрую часть пути вы предпочитаете делать пешком. Мой спутник Максимов к тому же поссорился с какой-то верблюдихой, грубо пнув ее ногой в морду. Верблюдиха ничего не сказала, но в пути старалась занять позицию за его верблюдом и, держась на расстоянии двух-трех метров, чтобы он не мог достать ее ногой, очень метко в него плевала. К его советскому словарю она была равнодушна. Это было наше третье путешествие: первое — через горы на лошадях, второе — через Персию на автомобиле, третье — через Белуджскую пустыню на верблюдах. По странному совпадению, каждое из них длилось четыре дня. На пятое утро мы вышли на железнодорожную линию, и я обратился к местному английскому резиденту.

Английский язык мой оставлял желать лучшего, и что и как понял резидент из разговора, не знаю. Но он сейчас же отправил в Симлу длиннейшую телеграмму, и на другой день за мной пришел салон-вагон, в котором вице-король и министры Индии обычно совершали свои служебные поездки. После верблюдов этот способ сообщения был очень приятен. В особенности ванна; и повар почтительно осведомлялся, какое меню нам будет угодно...

Англичане приняли меня хорошо, поселили нас в хорошем отеле. Вид у наших костюмов после наших путешествий был очень непрезентабельный. Англичане нашли элегантный выход из положения. В штабе английской армии Индии шла экзаменационная сессия для офицеров штаба по русскому языку. Я был приглашен в число экзаменаторов и на полученный гонорар не только сделал себе и Максимову новые костюмы, но и имел достаточно денег на мелкие расходы.

Мы прибыли в Индию уже в начале апреля. Началась переписка с Лондоном. Длилась она очень долго.

Переговоры о продолжении моего пути (в Европу) я вел с начальником Интеллидженс Сервис Индии сэром Айземонджером.

В ожидании новостей из Лондона я читал, и насколько позволяла жара, играл в теннис.

Сэр Айземонджер плохо объяснил мне, почему так долго длится переписка с Лондоном. Во всяком случае, я понимал, что правительство затягивает это дело потому, что английская рабочая партия, чрезвычайно в это время прокоммунистическая, во главе со своим лидером Макдональдом собирается использовать историю со мной, чтобы причинить правительству всякие неприятности, и, в частности, неприятные прения в палате, которых правительство хочет избежать и поэтому всячески мое дело затягивает.

Мне очень хотелось вылить в прессе хороший ушат холодной воды на Макдональда. И ушат был у меня в руках. Но я вовсе не был уверен, что, если я его передам Айземонджеру, из этого что-нибудь получится, и я сохранял свое оружие для лучших времен. А оружие заключалось в следующем.

Когда Советы ввели свою жульническую концессионную политику, в числе пойманных на эту удочку оказалась английская компания Лена-Гольдфильдс.

Компании этой до революции принадлежали знаменитые золотые россыпи на Лене. Октябрьская революция компанию этих россыпей лишила. Россыпи не работали, оборудование пришло в упадок и было разрушено. С введением нэпа большевики предложили эти россыпи в концессию. Компания вступила в переговоры. Большевики предложили очень выгодные условия. Компания должна была ввезти все новое оборудование, драги и все прочее, наладить производство и могла на очень выгодных условиях располагать почти всем добытым золотом, уступая лишь часть большевикам по ценам мирового рынка. Правда, в договор большевики ввели такой пункт, что добыча должна превышать определенный минимум в месяц; если добыча упадет ниже этого минимума, договор расторгается и оборудование переходит в собственность Советов. При этом советские власти без труда объяснили концессионерам, что их главная забота — как можно большая добыча, и они должны оградить себя от того, что концессионер по каким-то своим соображениям захотел бы «заморозить» прииски. Компания признала это логичным, и этот пункт охотно приняла — в ее намерениях отнюдь не было «заморозить» прииски, а, наоборот, она была заинтересована в возможно более высокой добыче.

Было ввезено все дорогое и сложное оборудование, английские инженеры наладили работу, и прииски начали работать полным ходом. Когда Москва решила, что нужный момент наступил, были даны соответствующие директивы в партийном порядке, и «вдруг» рабочие приисков «взбунтовались». На общем собрании они потребовали, чтобы английские капиталисты им увеличили заработную плату, но не на 10 процентов или на 20 процентов, а в двадцать раз. Что было совершенно невозможно. Требование это сопровождалось и другими, столь же нелепыми и невыполнимыми. И была объявлена общая забастовка.

Представители компании бросились к местным советским властям. Им любезно разъяснили, что у нас власть рабочая, и рабочие вольны делать то, что считают нужным в своих интересах; в частности, власти никак не могут вмешаться в конфликт рабочих с предпринимателем и советуют решить это дело полюбовным соглашением, переговорами с профсоюзом. Переговоры с профсоюзом, понятно, ничего не дали: по тайной инструкции Москвы профсоюз ни на какие уступки не шел. Представители компании бросились к центральным властям — там им так же любезно ответили то же самое: у нас рабочие свободны и могут бороться за свои интересы так, как находят нужным. Забастовка продолжалась, время шло, добычи не было, и Главконцесском стал напоминать компании, что в силу вышеупомянутого пункта договор будет расторгнут и компания потеряет все, что она ввезла.

Тогда компания Лена-Гольдфильдс наконец сообразила, что все это — жульническая комбинация и что ее просто-напросто облапошили. Она обратилась в английское правительство. Вопрос обсуждался в английской палате. Рабочая партия и ее лидер Макдональд были в это время чрезвычайно прокоммунистическими; они ликовали, что есть наконец страна, где рабочие могут поставить алчных капиталистов на колени, а власти страны защищают рабочих. В результате прений английское правительство обратилось к советскому с нотой.

Нота обсуждалась на заседании Политбюро. Ответ, конечно, был в том же жульническом роде, что советское правительство не считает возможным вмешиваться в конфликты профсоюза с предпринимателем — рабочие в Советском Союзе свободны делать то, что хотят. Во время прений берет слово Бухарин и говорит, что он читал в английских газетах отчет о прениях, происходивших в Палате общин. Самое замечательное, говорит Бухарин, что эти кретины из рабочей партии принимают наши аргументы за чистую монету; этот дурак Макдональд произнес горячую филиппику в этом духе, целиком оправдывая нас и обвиняя компанию. Я предлагаю послать товарища Макдональда секретарем укома партии в Кыштым, а в Лондон послать премьером Мишу Томского. Так как разговор переходит в шуточные тона, Каменев, который председательствует, возвращает прения на серьезную почву и, перебивая Бухарина, говорит ему полушутливо: «Ну, предложения, пожалуйста, в письменном виде». Лишенный слова, Бухарин не успокаивается, берет лист бумаги и пишет:

«Постановление Секретариата ЦК ВКП от такого-то числа.

Назначить т. Макдональда секретарем укома в Кыштым, обеспечив проезд по одному билету с т. Уркартом.

Т. Томского назначить премьером в Лондон, предоставив ему единовременно два крахмальных воротничка».

Лист идет по рукам. Сталин пишет: «За. И. Сталин». Зиновьев «не возражает». Последним «голосует» Каменев и передает лист мне «для оформления». Я храню его в своих бумагах.

Опубликовать бы все это в печати — это был бы хороший удар по Макдональду. Но это надо сделать толково. Пока не вижу как.

В один прекрасный день, играя в Симле в теннис, я жду со своим случайным партнером, когда кончится предыдущая партия и освободится для нас площадка. Собеседник мой — рыжий ирландец.

Я спрашиваю у других партнеров, кто это. Это — О'Хара, министр внутренних дел Индии. Вот это человек для моей бухаринской бумажки. Я говорю ему, что у меня есть к нему важное дело. Назначено свидание на завтра.

Придя к нему, я показываю бумагу, перевожу ее и объясняю, в чем дело. «Вы можете ее передать нашему правительству?» Я говорю, что это как раз мое намерение. «И вы можете нам написать объяснительную записку, объясняя, как все это произошло?» — «Конечно, могу». «Вы не представляете, какую услугу вы оказываете Англии»,— говорит О'Хара. Бумага с объяснениями идет в Лондон.

Но вслед за тем ни в Индии, ни во Франции я не нахожу в печати ни малейшего ее следа...

Потом, уже будучи во Франции, я имею случай говорить с помощником начальника Интеллидженс Сервис. Я рассказываю ему о документе, который я передал О'Хара, и говорю, что было бы очень жаль, если бы он погиб где-нибудь в ящике письменного стола. Он говорит, что он ничего не слышал о таком документе, но когда будет в Лондоне, спросит у своего шефа. Через некоторое время, вернувшись из Лондона, он сообщает мне о судьбе документа.

Документ, прибыв в Лондон, попал прямо к премьер-министру. Вместо того, чтобы передать его в печать, премьер-министр поступил гораздо остроумнее. Он вызвал начальника Интеллидженс Сервис и сказал ему: «Будьте добры попросить аудиенцию у лидера оппозиции, мистера Макдональда. В личной встрече передайте ему лично, в собственные руки, этот документ, который я получил. Я считаю, что, так как этот документ касается лично мистера Макдональда, он должен быть передан лично ему».

Начальник Интеллидженс Сервис так и сделал.

Документ произвел на Макдональда чрезвычайное впечатление. Макдональд был человек не такого уж блестящего ума, но человек глубоко порядочный. Он был создателем и бесспорным лидером английской социалистической партии. Он питал полнейшее доверие к русскому большевизму и всячески его поддерживал, поддерживал бескорыстно и убежденно. Теперь он узнал, что о нем думает Москва, и узнал из документа совершенно бесспорного. Он очень сильно пережил этот удар, на некоторое время отошел от дел, уехав в родную Шотландию, но, переварив все, стал таким же убежденным антикоммунистом и пытался увлечь за собой партию.

Между тем это оказалось не так легко. Когда он порвал с русским коммунизмом, только часть партии пошла за ним, и притом меньшая. Но это позволило создание в Англии во время тяжелого экономического кризиса 1931 года правительства национального единения — меньшая часть рабочей партии с Макдональдом плюс консерваторы имели большинство в палате; консерваторы предоставили Макдональду возглавить правительство — это было небывалое правительство тори и социалистов на базе антикоммунизма...

Мое пребывание в Индии все более затягивается. Вдруг неожиданно оказывается, что оно основано на недоразумении...

Я вижу из переписки, что все время остается в силе вопрос о неприятностях, которые может причинить правительству в палате оппозиция по моему поводу; но по какому поводу? Оказывается, потому, что английское правительство даст мне право убежища в Англии.

Я уверяю Айземонджера, что я не имею ни малейшего желания ехать в Англию. «А куда же вы хотите?» — «Я хочу во Францию».— «Ах, как жаль, что вы это сразу не сказали, вы бы уже давным-давно были во Франции».

Дальнейшие события разворачиваются очень быстро. Английское правительство просит у французского предоставить мне право убежища во Франции. Французское соглашается, и французский консул в Калькутте ставит мне постоянную визу на проживание во Франции. И в середине августа 1928 года я с моим Максимовым сажусь в Бомбее на пароход и через две недели путешествия высаживаюсь в Марселе...

ЭМИГРАЦИЯ

В то время (1928—1929 гг.) в Париже выходили две эмигрантские ежедневные газеты — «Возрождение» и «Последние Новости». Обе были антибольшевистскими, но сильно отличались политической линией. «Возрождение» была газета правая и непримиримо враждебная коммунизму. «Последние Новости» была газета левая. Руководил ею бывший министр иностранных дел революционного Временного правительства Милюков, столп русской интеллигенции, человек политически бездарный. Газета из номера в номер уверяла читателей, что в Советском Союзе идет эволюция к нормальному строю, что большевики уже в сущности не большевики, что коммунизм, если еще не совсем прошел, то быстро проходит и т. д. Все это было совершенно неверно и крайне глупо. В этой газете я писать не мог. Я дал серию статей в «Возрождение». А затем написал книгу на французском языке. Но издать ее или печатать мои очерки во французской прессе оказалось совсем нелегко. Французские левые сочувствовали «передовому социалистическому опыту» Советской России и старались всячески замалчивать все, что я писал. А так как я описывал события, которых я был свидетелем, со скрупулезной точностью, то Москва, зная, что она ничего в моих писаниях опровергнуть не может, приняла тактику заговора молчания. Ни «Правда», ни «Юманите», никакая другая коммунистическая пресса никогда не упоминала моего имени. Один раз Ромен Роллан по неопытности пробовал полемизировать против одной из моих статей, но получил хороший нагоняй от коммунистического правительства за то, что упомянул мое имя...

Через некоторое время по моем прибытии во Францию ко мне обратились представители английской Интеллидженс Сервис, прося произвести экспертизу. Резидент ГПУ в Риге Гайдук (это, конечно, кличка, а не настоящая фамилия) продавал английским властям протоколы Политбюро, и англичане платили за них чрезвычайно дорого, принимая их за настоящие. Гайдук, конечно, никогда в жизни настоящего протокола Политбюро не видел и фабриковал свои в силу собственного разумения. Но англичане знали еще много меньше его, как выглядят подлинные. Я же их столько в своей жизни изготовил, что для меня не представляло ни малейшего труда установить, что англичанам продается фальшивка. Англичане покупать их перестали.

Я жил в это время в Париже в отеле. В какой-то день постучали в дверь. «Войдите». Вошла личность явно чекистского вида и спокойно представилась: «Я — Гайдук, резидент ГПУ в Риге. Я пришел к вам вот по какому делу. Через меня англичане покупают протоколы Политбюро. Вам, конечно, лучше, чем кому бы то ни было, знать, настоящие ли они. Мне известно и мне также вполне ясно, что от вашего заключения будет зависеть, будут ли они продолжать их покупать или нет. Я не скрою от вас, что я на них очень хорошо зарабатываю. Если ваше заключение будет не отрицательное, я предлагаю вам половину платы за протоколы». Я ему отвечаю: «Удивительно, что вы перед тем, как прийти ко мне, не навели в вашем учреждении справки обо мне. Вам бы сказали, что я не продаюсь, и это бы вас избавило от бесцельного визита».— «Видите ли, господин Бажанов,— говорит Гайдук,— вы эмигрант совершенно свежий. Сейчас вы печатаете статьи, имеющие успех, и все идет хорошо. Поверьте моему опыту — через год все это пройдет, и вам придется зарабатывать с трудом горький эмигрантский хлеб. А между тем, согласясь на мое предложение, вы за полгода заработаете столько, что сможете на эти деньги безбедно прожить всю жизнь». Я полюбопытствовал: «Скажите, господин Гайдук, видели ли вы последнюю пьесу Марселя Паньоля «Топаз»?». Нет, пьесами господин Гайдук не интересуется. «Так вот, там, в пьесе, есть место, когда благородного вида старик приходит к муниципальному советнику в целях шантажа и в результате разговора советник просит его удалиться, но не поворачиваясь спиной, потому что искушение ударить ногой ниже спины будет слишком велико. Вот об этом я вас и прошу — выйти, но пятясь задом, иначе мне очень захочется помочь вам выйти ногой». Гайдук оставался невозмутим. «Пожалуйста, если это вам может доставить удовольствие». В дверях он все же остановился и добавил: «Вы очень пожалеете, что не приняли мое предложение».

Он ошибся. Я вообще равнодушен к деньгам и не ценю то, что можно купить на деньги. И эмигрантская бедность меня никогда не стесняла...

Через некоторое время после моего прибытия в Париж, прошедшего тихо и незаметно, произошла громкая история с бегством из парижского полпредства Беседовского...

Беседовский просил права убежища, и полиция его тщательно спрятала. Через несколько дней почтальон принес повестку — Беседовский вызывается в Москву на заседание суда по обвинению в измене; ему хотели просто показать, что от ГПУ не спрячешься, и оно знает тайное место, где он скрывается.

По делу Беседовского пресса подняла слишком большой шум, и от покушений на него ГПУ воздержалось, но старалось причинить ему всевозможные неприятности.

После бегства Беседовского из полпредства и до войны я с ним время от времени встречался, главным образом по соображениям безопасности — он был в эти годы, как и я, под угрозой ГПУ, и мы обменивались информациями об опасностях, которые нам могли угрожать. Он занимался журнализмом, в то время не фабриковал фальшивок, но то, что он писал, было легковесно и полно выдумок. При встречах со мной он меня расспрашивал о Сталине, его секретариате, членах Политбюро, аппарате ЦК. Я никогда не делал секрета из моих знаний по этим вопросам и ему отвечал. После войны он все эти сведения использовал с надлежащими извращениями.

После войны я его снова изредка встречал. Я в это время от политики и прессы совершенно отошел, занимался техникой. Беседовский говорил, что занимается журнализмом. В это время появился ряд фальшивок: «Записки капитана Крылова», «С вами говорят советские маршалы», «Мемуары генерала Власова», все это будто бы написано какими-то Крыловым, Калиновым, которые на самом деле никогда не существовали. Этой третьесортной и подозрительной литературой я не интересовался, ничего этого не читал и не знал, кто ее изготовляет. Но в 1950 году появилась книга Дельбара «Настоящий Сталин». Дельбара я не знал, но вспомнил, что Дельбар сотрудничал с Беседовским, заинтересовался и ознакомился с книгой. Она была полна лжи и выдумок. Для меня сейчас же стало ясно, что это творчество Беседовского. В частности, то, что он у меня в свое время выпытал о Сталине и партийной верхушке, было здесь, но совершенно извращенное и полное фантазий, и представляло издевательство над читателями. К тому же в книге много раз говорилось, что автор знает ту или иную деталь (обычно выдуманную и ложную) от бывшего члена секретариата Сталина. Это набрасывало тень на меня — за границей не было другого бывшего секретаря Сталина. Специалисты по советским делам, читая книгу, могли подумать, что это я снабдил Беседовского его материалами.

Я потребовал у Беседовского объяснений. Он не отрицал, что это он все написал, и согласился с тем, что он издевается над читателями. На мою угрозу разоблачить в прессе его выдумки он ответил, что книга подписана Дельбаром, что он, Беседовский, здесь формально ни при чем, и, атакуя его, я рискую быть привлеченным к суду за необоснованные обвинения.

Я предложил ему больше никогда мне не показываться на глаза и больше его никогда не видел.

Около 1930 года в ГПУ произошли большие персональные перемены. В частности, место заведующего иностранным отделом Трилиссера занял Мессинг. В связи с этим резко изменился и состав персонала, и характер работы заграничной резидентуры ГПУ. Трилиссер был фанатичный коммунист, подбирал своих резидентов тоже из фанатичных коммунистов. Это были опасные кадры, не останавливавшиеся ни перед чем. Такие дела, как взрыв собора в Софии (когда там присутствовали болгарский царь и все правительство) или похищение генерала Кутепова в Париже, были их обычной практикой. Но к 1930 году эти кадры были разогнаны: многие из них сочувствовали Троцкому и оппозиции, им не доверяли. С Мессингом пришли новые кадры, спокойные чиновники, которые, конечно, старались, но главным образом делали вид, что очень стараются, и совсем не были склонны идти ни на какой риск; и если предприятие было рискованное, то всегда находились объективные причины, по которым никогда ничего не выходило. Если в 1929 году еще было сделано на меня во Франции покушение (и то под видом автомобильного несчастного случая), то 1930 год заканчивает самую опасную для меня полосу. Правда, в конце 1929 года назначенный в Турцию резидентом ГПУ Блюмкин приезжает еще в Париж, чтобы организовать на меня покушение. ГПУ, поручая дело ему, исходило, во-первых, из того, что он меня лично знал, а во-вторых, из того, что его двоюродный брат Максимов, которого я привез в Париж, со мной встречался. Блюмкин нашел Максимова. Максимов, приехав во Францию, должен был начать работать, как все, и больше года вел себя прилично. Блюмкин уверил его, что ГПУ его давно забыло, но для ГПУ чрезвычайно важно, осталась ли у Бажанова в Москве организация и с кем он там связан; и что если Максимов вернется на работу в ГПУ, будет следить за Бажановым и поможет выяснить его связи, а если выйдет, и организовать на Бажанова покушение, то его простят, а финансовые его дела устроятся на совсем иной базе. Максимов согласился и снова начал писать обо мне доклады. Но попытку организовать на меня покушение он сделал через год такую, чтобы ничем не рисковать; ничего из этого не вышло, но стало совершенно ясно, что он снова работает на ГПУ. Он тогда спешно скрылся с моего горизонта. В 1935 году летом в Трувиле я купил русскую газету и узнал из нее, что русский беженец Аркадий Максимов то ли упал, то ли прыгнул с первой площадки Эйфелевой башни. Газета выражала предположение, что он покончил жизнь самоубийством. Это возможно, но все же тут для меня осталась некоторая загадка.

Когда сам Блюмкин вернулся из Парижа в Москву и доложил, что организованное им на меня покушение удалось (на самом деле, кажется, чекисты выбросили из поезда на ходу вместо меня по ошибке кого-то другого), Сталин широко распустил слух, что меня ликвидировали. Сделал это он из целей педагогических, чтобы другим неповадно было бежать: мы никогда не забываем, рука у нас длинная, и рано или поздно бежавшего она настигнет.

Из Москвы Блюмкин поехал в Турцию. Но его ненависть к Троцкому давно прошла, он вошел в контакт с троцкистской оппозицией и согласился отвезти Троцкому (который был в это время в Турции на Принцевых островах) какие-то секретные материалы. Его сотрудница, Лиза, предала его ГПУ. Он был вызван в Москву будто бы для доклада о делах, арестован и расстрелян.

Следующее покушение на меня произошло только в 1937 году. Какой-то испанец, очевидно, анархист или испанский коммунист, пытался ударить меня кинжалом, когда я возвращался, как каждый вечер, домой, оставив машину в гараже. По этому случаю было видно, как выродилась работа ГПУ. Сам агент ГПУ ни на какой риск не шел — очевидно, уверили какого-то несчастного испанского анархиста, что я — агент Франко или что-то в этом роде...

В 1939 году началась мировая война...

В середине июня 1941 года ко мне неожиданно является какой-то немец в военном мундире (впрочем, они все в военных мундирах, и я мало что понимаю в их значках и нашивках; этот, кажется, приблизительно в чине майора). Он мне сообщает, что я должен немедленно прибыть в какое-то учреждение на авеню Иена. Зачем? Этого он не знает. Но его автомобиль к моим услугам — он может меня отвезти. Я отвечаю, что предпочитаю привести себя в порядок и переодеться и через час прибуду сам. Я пользуюсь этим часом, чтобы выяснить по телефону у русских знакомых, что это за учреждение на авеню Иена. Оказывается, что парижский штаб Розенберга. Что ему от меня нужно?

Приезжаю. Меня принимает какое-то начальство в генеральской форме, которое сообщает мне, что

я спешно вызываюсь германским правительством в Берлин. Бумаги будут готовы через несколько минут; прямой поезд в Берлин отходит вечером, и для меня задержано в нем спальное место. Для чего меня вызывают? Это ему неизвестно.

В Берлине меня на вокзале встречают и привозят в какое-то здание, которое оказывается домом Центрального Комитета Национал-социалистической партии. Меня принимает Управляющий делами Дерингер, который быстро регулирует всякие житейские вопросы (отель, продовольственные и прочие карточки, стол и т. д.). Затем он мне сообщает, что в 4 часа за мной заедут — меня будет ждать доктор Лейббрандт. Кто такой доктор Лейббрандт? Первый заместитель Розенберга.

В 4 часа доктор Лейббрандт меня принимает. Он оказывается «русским немцем» — окончил в свое время Киевский политехникум и говорит по-русски, как я. Он начинает с того, что наша встреча должна оставаться в совершенном секрете и по содержанию разговора, который нам предстоит, и потому, что я известен как антикоммунист, и если Советы узнают о моем приезде в Берлин, сейчас же последуют всякие вербальные ноты протеста и прочие неприятности, которых лучше избежать. Пока он говорит, из смежного кабинета выходит человек в мундире и сапогах, как две капли воды похожий на Розенберга, большой портрет которого висит тут же на стене. Это — Розенберг, но Лейббрандт мне его не представляет. Розенберг облокачивается на стол и начинает вести со мной разговор. Он тоже хорошо говорит по-русски — он учился в Юрьевском (Дерптском) университете в России. Но он говорит медленнее, иногда ему приходится искать нужные слова.

Я ожидаю обычных вопросов о Сталине, о советской верхушке — я ведь считаюсь специалистом по этим вопросам. Действительно, такие вопросы задаются, но в контексте очень специальном: если завтра вдруг начнется война, что произойдет, по моему мнению, в партийной верхушке? Еще несколько таких вопросов, и я ясно понимаю, что война — вопрос дней.

После разговора с Розенбергом и Лейббрандтом я живу несколько дней в особом положении — я знаю секрет капитальной важности и живу в полном секрете. Утром 22 июня, выйдя на улицу и видя серьезные лица людей, читающих газеты, я понимаю, в чем дело. В газете — манифест Гитлера о войне.

Все ясно. Фюрер начинает войну, чтобы превратить Россию в свою колонию. План этот для меня совершенно идиотский; для меня Германия войну проиграла — это только вопрос времени; а коммунизм войну выигрывает. Что тут можно сделать?..

Через месяц меня неожиданно принимает Лейббрандт. Он уже ведет все министерство, в приемной куча гуляйтеров в генеральских мундирах. Он меня спрашивает, упорствую ли я в своих прогнозах в свете событий,— немецкая армия победоносно идет вперед, пленные исчисляются миллионами. Я отвечаю, что совершенно уверен в поражении Германии; политический план войны бессмысленный; сейчас уже все ясно — Россию хотят превратить в колонию, пресса трактует русских как унтерменшей, пленных морят голодом. Разговор кончается ничем, и на мое желание вернуться в Париж Лейббрандт отвечает уклончиво — подождите еще немного. Чего?

Еще месяц я провожу в каком-то почетном плену. Вдруг меня вызывает Лейббрандт. Он опять меня спрашивает: немецкая армия быстро идет вперед от победы к победе, пленных уже несколько миллионов, население встречает немцев колокольным звоном, настаиваю ли я на своих прогнозах. Я отвечаю, что больше чем когда бы то ни было. Население встречает колокольным звоном, солдаты сдаются; через два-три месяца по всей России станет известно, что пленных вы морите голодом, что население рассматриваете как скот. Тогда перестанут сдаваться, станут драться, а население — стрелять вам в спину. И тогда война пойдет иначе. Лейббрандт сообщает мне, что он меня вызвал, чтобы предложить мне руководить политической работой среди пленных — я эту работу с таким успехом проводил в Финляндии. Я наотрез отказываюсь. О какой политической работе может идти речь? Что может сказать пленным тот, кто придет к ним? Что немцы хотят превратить Россию в колонию и русских в рабов и что этому надо помогать? Да пленные пошлют такого агитатора к... и будут правы...

Перед отъездом на квартире Ларионова я рассказываю о своих переговорах с Розенбергом и Лейббрандтом руководителям организации солидаристов (Поремскому, Рождественскому и другим). Они просочились в Берлин, желая проникнуть в Россию вслед за немецкой армией. Я им говорю, что это совершенно безнадежно — население скоро будет все против немцев...

Во время второй мировой войны я отошел от политики и в течение следующих тридцати лет занимался наукой и техникой...

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ



Начало на стр. 6.

ность на определенном историческом этапе?

Размышляя таким образом, он однажды придет к сакраментальному выводу: все наши беды из-за того, что мы сами не знаем, что мы строили. И тогда он сам попытается спроектировать наш новый Дом — Интерсоцхоз (ассоциация инициативного территориального социального хозяйства), как он его назовет. В основе нового здания — добровольный союз свободных, самостоятельных предприятий, которые кооперируют свой хозрасчетный доход на решении общих социальных проблем района, города, на том, чтобы быстрее выйти из нужды. Котельников подвергает кардинальной перестройке все: экономику, советы, профсоюзы, структуру и характер партийных органов. Котельников строил Интерсоцхоз, соотносил его с марксовой теорией, находил многому подтверждение и продолжал закладывать кирпичик за кирпичиком в здание. Жизнь снова обретала смысл. А тут еще Шевякова убрали из райкома «по собственному желанию», а тут еще сняли с него незаконный шевяковский выговор: додавили все-таки чиновников от партии газетчики — словом, в «царство свободы — дорогу!..»

Он дописывал последние главы трактата, спешил успеть к открытию Всесоюзной партконференции.

А через месяц бюро райкома партии снова рассматривает персональное дело коммуниста Котельникова. На этот раз его обвиняют в том, что он, «празднуя снятие выговора в ресторане, организовал пьянку, попал в медвытрезвитель...» Предложение — исключить. Кто «за»?

Бюро райкома приняло это суровое решение вопреки мнению коммунистов стройпоезда. Многие сомневались: не похоже это на Котельникова. Но документ есть документ; партия объявила борьбу пьянству. Долго спорили, что делать, проголосовали объявить строгий выговор, но в райкоме сочли такое решение либеральным. Владимира Петровича снова исключают из партии, направляют в трест письмо с просьбой рассмотреть вопрос об освобождении Котельникова от занимаемой должности, как «утратившего право руководить коллективом».

Владимир Петрович сдал дела.

Его потрясла даже не жестокость наказания, а как это было сделано.

Сразу после случившегося у него был долгий, откровенный разговор с новым первым секретарем РК В. Петренко. Он рассказал ей, что произошло, попросил ее дать ему время, чтобы доказать невиновность, что он немедленно обратится к прокурору...

И ему показалось, что Петренко ему поверила.

А буквально на следующий день вечером к нему домой пришел милиционер и передал повестку явиться к заместителю районного прокурора. Котельников даже предположить не мог, зачем его вызывают. Там ему довольно ясно дали понять, что команда исходит от прокурора города, что речь идет о том, чтобы подтвердить обоснованность его помещения в медвытрезвитель.

Все сразу связалось в его сознании. Нет, Котельников не грешил на Петренко, она человек в районе новый, бывший лидер комсомола Ростовской области, только выдвинута на партийную работу,— зачем ей это? Хотя... Нет, тут старался кто-то из тех, кто был повинен в его прежнем исключении из партии, кто-то из них, прослышав о его беде, доложил «наверх», чтобы опередить его, не дать защититься.

Потом, во время разбора жалоб, его часто будут призывать к искренности. К искренности! Какой искренности от него хотят?! И кто! Те, кто сфабриковал против него первое персональное дело, те, кто ради того, чтобы его сломать, опустились до лжи, фальсификации,— теперь призывали: «Сознайтесь, сознайтесь, вам же будет лучше...»

Шевяков исчез, растворился где-то на хозяйственной работе, шевяковы остались, они вели следствие: опрашивали людей, снимали показания. Аппарат работал...

Котельников пройдет весь путь, все этажи партийной иерархии до конца. На бюро обкома Володин скажет ему жестко: «Партия нуждается в очищении, нужно вернуть авторитет партии...»

Котельников обратится в КПК при ЦК КПСС. Представитель комиссии попросит прокурора города еще раз проверить законность задержания Котельникова. И тот еще раз подтвердит, что все законно. Уже в КПК Котельников познакомится со своим делом, прочитает собранные против него показания: «На поставленные мне вопросы сообщаю следующее...» и поймет, что здесь он ничего не докажет.

Он отзовет свою жалобу из КПК и придет к нам в «Огонек».

Прокурору следственного отдела областной прокуратуры Е. Вороновой непросто было вести это дело. Непросто психологически. Ведь были уже две проверки прокуратуры города, официальная справка для КПК, бюро обкома партии, отклонившее апелляцию Котельникова. Но чем больше она исследовала материлы дела, сопоставляла

факты, тем очевиднее было: что-то здесь не так.

Результаты проверки оказались настолько серьезными, что коллегия прокуратуры специально рассмотрела вопрос «О формально-бюрократическом отношении работников прокуратуры Октябрьского района и г. Ростова к рассмотрению жалоб гр-на Котельникова».

На коллегии отмечалось, что по отношению к Котельникову были допущены серьезные нарушения социалистической законности: помещение его в вытрезвитель было признано необоснованным; в результате незаконных действий «были унижены честь и достоинство Котельникова».

Прокурор области незамедлительно издал приказ о наказании виновных. Но одно из главных действующих лиц — прокурор города В. Стасюк — был уже не в пределах досягаемости: его перевели в Москву.

Ох, как хотел с ним встретиться теперь Котельников, сказать ему все по-мужски, что он о нем думает. Ведь Стасюк не справку — приговор ему подписал: тогда казалось, что все, хватит, надо кончать с этой жизнью.

И вот справедливость восторжествовала, милиция даже двадцатку, взысканную с него, вернула. Но не было радости. В областной парткомиссии как ушатом холодной воды облили: оснований для пересмотра дела нет.

Владимиру Петровичу показалось, что он сходит с ума: «Как нет, меня же оправдали».

А ему снова о неискренности...

Даже на бюро обкома отказались поначалу дело выносить.

Котельников пытался понять, что за этим стоит: ущемленное самолюбие аппаратчиков, которые своевременно не разобрались в его деле, амбиции, боязнь гнева первого?.. Что? Пытался понять — и не мог. Почему они так хотят оставить его вне партии? Неужели всерьез считают, что шевяковы укрепляют партию, а он подрывает ее авторитет? Почему аппаратчикам, уличенным во лжи, продолжают доверять людские судьбы? Он не услышит ответа на свои вопросы.

Парткомиссия будет вынуждена все-таки вновь вынести это дело на бюро обкома. Чтобы отделаться от Котельникова и «отреагировать» на выводы прокуратуры, комиссия выйдет с предложением изменить формулировку исключения из партии. В новой редакции это звучало так: «За проступки, недостойные коммуниста, совершенные им на почве употребления спиртного, и нежелание дать критическую оценку своим действиям».

На этот раз на бюро обкома уловили нелепость формулировки: если Котельникова незаконно забрали в вытрезвитель, а именно это послужило причиной исключения, то за что же исключать? А что делать дальше — никто не знал. Словом, решили в партии снова восстановить, а над формулировкой наказания Котельникова аппарату серьезно подумать.

Подумали. И придумали: «Бюро обкома КПСС, рассмотрев заявление Котельникова В. П. об отмене ранее принятых решений о его партийности и еще раз изучив обстоятельства дела, отмечает, что он был правильно исключен из членов КПСС.

Однако, принимая во внимание положительную характеристику Котельникова по последнему месту работы, его заверения оправдать высокое звание коммуниста и вновь открывшиеся обстоятельства задержания и доставления его в медвытрезвитель, бюро обкома постановляет: изменить постановление бюро обкома КПСС от 22 ноября 1988 г. Восстановить Котельникова членом КПСС с января 1966 г., а за неправильное поведение в коллективе и некритическую оценку своих действий объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку».

«Да здравствует Шевяков!» — воскликнул про себя Котельников, увидев этот документ. Что происходит? Коллегия прокуратуры считает, что «унизили его, Котельникова, честь и достоинство», а бюро обкома партии считает, что он «некритично оценивает свои действия». Он не нуждается в снисхождении. Если все, что с ним произошло, с точки зрения бюро обкома правильно, законно, то что же тогда незаконно? Где граница между законным и незаконным? Ведь, если следовать логике партийных прокуроров, происшедшее похоже на какой-то чудовищный тест на доверие или на что там еще его проверяли? Сначала незаконно забрали в вытрезвитель, потом наблюдали, как он себя поведет после этого, и потом комиссионно решали, искренен он был или нет. Хороший тест на звание коммуниста!

А что значит «неправильное поведение в коллективе»?! Да и неужели же сам коллектив не может решить, правильно он вел себя при партийном «тестировании» или неправильно, искренне или неискренне. Для чистоты «эксперимента» пусть бы коллективу сам председатель парткомиссии рассказал о результатах проверки областной прокуратуры, о приказе прокурора. Нет, на это они не идут. Кто знает, чем обернется такой разговор, лучше так, потихоньку в аппарате подобрать формулировочку и закрыть дело...

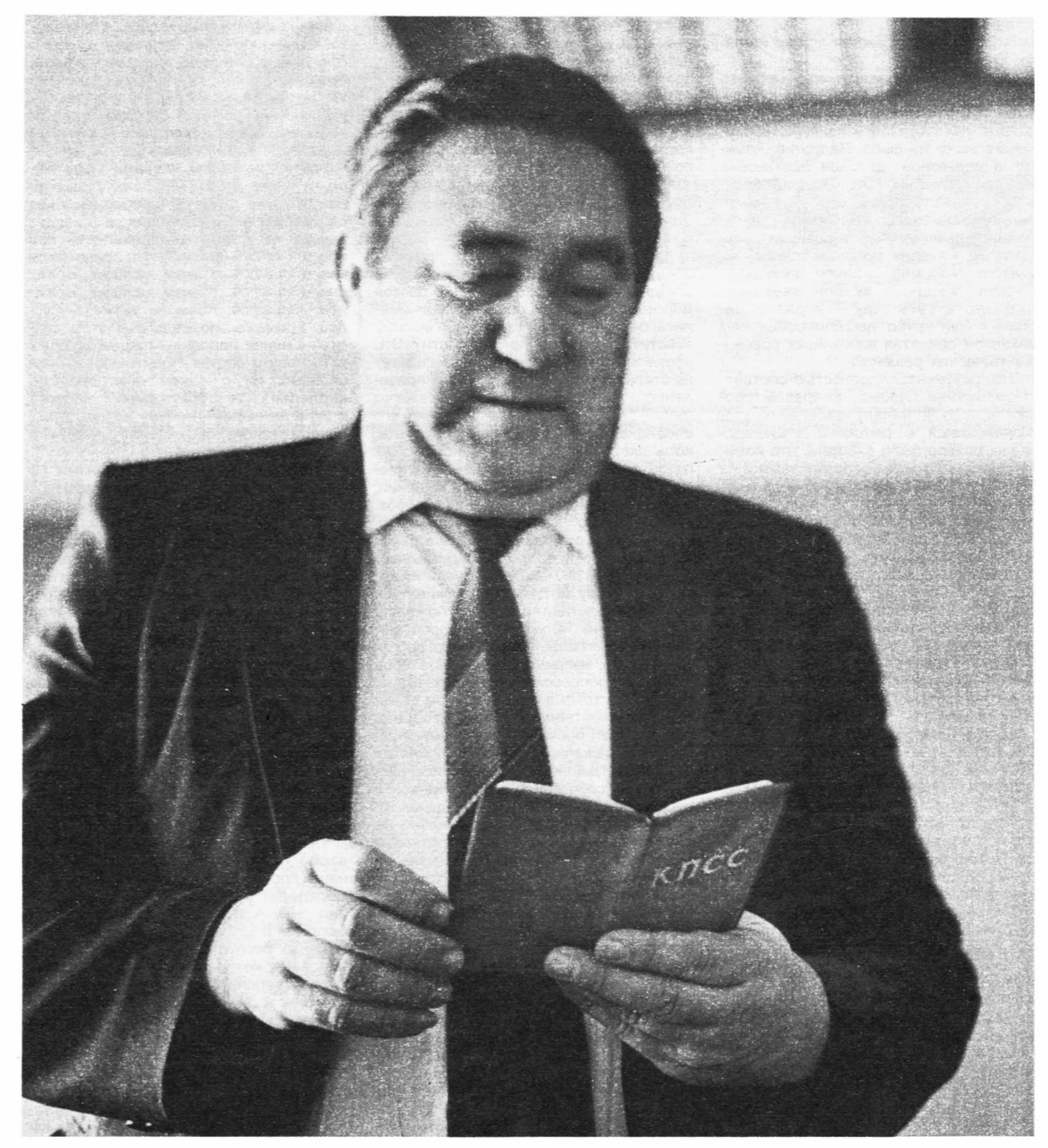
Он снова вернется к своему трактату «Теория свободных связей». Он поймет: если партия останется «над предприятиями», «над человеком», «над законом», если она не станет жить по тем же гражданским законам, по которым пытается жить общество, если шевяковы будут от имени партии по-прежнему нарушать законы, не неся перед законом никакой ответственности, если его, Котельникова, вот так, походя можно растоптать, лишить всего, чему он посвятил жизнь,— то о каких «свободных связях» может идти речь?! Аппарат виноват? Но любая партия заслуживает именно того аппарата, какой она имеет. Он вспомнил последнюю встречу с членами бюро райкома партии. Уже после того, как ему вернули партбилет. Первый секретарь РК красиво, возвышенно говорила о том, как важно восстановить доверие к партии, веру людей в идеалы. И он говорил о том же самом, о том, что у партии падает авторитет, что многие по-прежнему живут двойной моралью... Говорили вроде бы об одном и том же, но словно на разных языках, не понимая друг друга. Бухнула рабочая одного из предприятий: «Что там говорить, купил он их там всех в прокуратуре, взятки дал»...

Все замолчали. Но первый секретарь быстро перешла через неловкость. И снова о долге, о честности. Что делать? Как жить? Бороться... С кем? Он ведь и сам член этой партии. Этой партии?! Тут чаще всего Владимир Петрович в своих размышлениях останавливался. Потому что дальше начиналась «ошибка» в мыслях, в порывах, движениях души: за эти годы тяжелейшей борьбы он не только не приблизился к осуществлению своей мечты, своих идей, не только не обрел свободу, но и оказался отброшенным на обочину. Дело не в должности. Время, жизнь уходит, растрачивается попусту, бессмысленно. И он не в силах что-то изменить! Вот что по-настоящему удручало. Но он быстро гасил подобные настроения, не давал себе расслабляться, потому что это значило бы конец, падение. Он решил довести свою борьбу до конца. Это перестало быть его персональным делом.

— У меня четыре сына. Я практически ничего не успел для них сделать,— с горечью говорил Котельников в нашу последнюю встречу.— Но теперь я понял элементарную истину: что бы я для них ни сделал — все будет мало, все будет не впрок, если не оставлю им самого главного наследства — свободы. Смысл всей моей борьбы сегодня в этом. Я не хочу, чтобы сыновья были крепостными.

Ростов-на-Дону — Москва

Возвращение в партию



ТОЛЬКО ЛИ С «МЕХАНИЗМА» СПРОС?



«Когда сто с лишним членов ООН на протяжении ряда лет осуждали нашу акцию, нужно ли нам было что-то еще, чтобы понять: мы противопоставили себя мировому сообществу, нарушили нормы поведения, пошли против общечеловеческих интересов.

Я говорю, конечно, о вводе войск в Афганистан. Поучительно то, что в этом случае были допущены и грубейшие нарушения нашего собственного законодательства, внутрипартийных и гражданских норм и этики». Это из речи Э. А. Шеварднадзе «Внешняя политика и перестройка», с которой он выступил недавно на сессии Верховного Совета СССР.

Сказано сильно, сказано честно. Под впечатлением этой речи я и шел 25 октября на заседание Комитета Верховного Совета СССР по международным делам, в повестке дня которого значилось: «О решении СССР ввести войска в Афганистан в декабре 1979 года». Был уверен: уж теперь-то все точки над «i» будут расставлены, все еще остающиеся «белые пятна» — устранены.

Собственно, я убежден в этом и сейчас. Но...

Нет-нет, не подумайте, что какие-то внешние бюрократические силы пытались ставить препоны деятельности комитета или оказывать на него нажим. Ничего этого не было. Напротив: комитет в серьезной, деловой обстановке заседал несколько часов подряд, большинство выступлений его участников были весьма содержательными, подчас эмоциональными. И хотя позиции депутатов не во всех деталях совпадали, в основном их мнение однозначно: «афганский поход» — прямой результат того, что в 1979 году — в разгар застоя — был грубо деформирован сам механизм принятия важнейших военно-политических решений.

Это, разумеется, полностью соответствует истине. Однако, по правде говоря, те, кто к началу заседания уже познакомился с речью Э. А. Шеварднадзе, вправе были ожидать, что комитет пойдет дальше, сделает заявку на большее. И это закономерно. Ведь и сегодня, через девять месяцев после того, как реализм и мужество нашего нынешнего руководства позволили исправить допущенную в 1979 году политическую ошибку, мы, обнимая на родной земле наших солдат и офицеров, опаленных афганской войной, закладывая памятники тем, кто уже никогда не увидит родных краев, вновь и вновь задаемся вопросом: как, по чьей инициативе это могло произойти? Кто ответственен за принятое в 1979 году решение?

Четких, исчерпывающих ответов на эти вопросы, к сожалению, пока нет. И отнюдь не потому, что депутатам не доступен тот или иной архивный материал. Ответов на эти вопросы нет потому, что их, похоже, по крайней мере до сих пор всерьез и не пытались искать. Да, можно согласиться с тем, что первоочередная задача комитета — не расследование вопроса о том, кто и в какой мере несет ответственность за случившееся, а политическая оценка происшедшего. Но разве одно исключает другое?

Разумеется, спору нет, сама по себе идея афганской авантюры могла родиться и вызреть лишь в обстановке авторитаризма, в условиях, когда в стране подорваны основы конституционности. Все так. И хорошо, что об этом сказано в полный голос. Но все же, с какого угла ни вглядывайся в страницы прошлого, факт остается фактом: решение о вводе войск в Афганистан принимали не компьютеры, не автоматы, которым положено механически действовать по разработанной загодя программе. Его приняла горстка облеченных практически безграничной властью партийно-государственных деятелей, имеющих имена и фамилии. И как бы ни довлела над ними система, каждый из них несет — должен нести! — свою долю ответственности.

Характерно: в то время как в комитете вопрос об ответственности наших бывших деятелей за «афганский поход» не то что снимается, но как бы (по крайней мере сегодня) оттесняется на второй план, на страницах иных органов печати появляются «воспоминания» и мемуары, которые, мягко говоря, не помогают дать объективный ответ на вопрос, кто и в какой мере несет ответственность за ввод войск в Афганистан. В качестве примера сошлюсь на интервью члена-корреспондента АН СССР Ан. А. Громыко «Литературной газете» (см. «ЛГ» от 20 сентября), в котором он излагает свою беседу об Афганистане с отцом, А. А. Громыко, состоявшуюся, как он пишет, «в дни, когда на сессии первого Съезда народных депутатов эта тема вылилась в острейшую дискуссию». О чем же поведал встревоженный этой дискуссией бывший член Политбюро и министр иностранных дел, прогуливаясь с сыном по аллеям дачного парка? Процитируем: «Конечно, сегодня, с позиций гласности и перестройки, которые я целиком поддерживаю, прежний механизм принятия решения по Афганистану легко критиковать. Но тогда, в 1979 году, на деле не было другого более влиятельного механизма для принятия решений, чем тогдашнее Политбюро ЦК КПСС».

Здесь на первый взгляд все правильно, все на месте: кто же в самом деле сегодня не знает, что в период застоя многие важнейшие решения принимались без участия и за спиной высших конституционных органов власти? Это общеизвестно. Возражения вызывает не столько фактическая сторона приведенного на страницах «ЛГ» пассажа (о чем будет сказано ниже), сколько его очевидная направленность: дескать, коль скоро существовал в конце 70-х годов определенный антидемократический механизм принятия решений, с него, с этого механизма, и весь спрос. «Время было такое...» — знакомый, уже не раз и отнюдь не только в связи с афганской проблемой проигрывающийся мотив! А между тем если подыгрывать этому мотиву, придерживаться подобной «логики», можно, пожалуй, оправдать не только инициаторов афганской авантюры. Можно, чего доброго, обелить, например, и организаторов массовых репрессий тридцатых годов: и они ведь тоже в определенном смысле были «жертвами режима», ибо и над ними довлел прочно сколоченный, тщательно отлаженный механизм принятия угодных тогдашнему Генсеку решений...

Так оно, собственно, и было, но мы-то хорошо знаем и помним, что даже тогда, в обстановке террора, далеко не все шкивы и винтики упомянутого механизма вращались в заведенном по велению свыше порядке. В страшные тридцатые годы был, скажем, Ягода, угодливо ловивший каждое слово тирана, но был и Раскольников, не побоявшийся бросить вызов могущественному властителю. Не хочу проводить параллелей с прошлым — такие параллели были бы неправомерны, да в них и нет нужды. Но все же нельзя не сказать, что среди действующих лиц, в той или иной мере причастных к обсуждению вопроса о вводе войск в Афганистан, была не только группа партийно-государственных деятелей, проголосовавшая «за». Был, например, член ЦК КПСС генерал армии И. Г. Павловский, который, как свидетельствует та же «Литературная газета», настойчиво подчеркивал, что во вводе войск нет нужды, что обернулось для него крутой ломкой карьеры. Был академик О. Т. Богомолов, который уже в январе 1980 года — менее чем через месяц после ввода войск — направил в ЦК КПСС записку, где со всей убедительностью и в весьма резкой форме (отлично зная, чем он рискует!) отмечал бесперспективность и ущербность предпринятой акции. Этот список можно и продолжить...

А теперь несколько слов о фактической стороне дела. Из приведенного выше высказывания А. А. Громыко читатель вправе сделать вывод, что хотя решение о вводе наших войск в Афганистан и принималось антиконституционным методом, оно, это решение, все же обсуждалось на заседании Политбюро ЦК КПСС, в состав которого в 1979 году входило, если не ошибаюсь, 14 человек. Но ведь это не так, совсем не так — вне зависимости от того, была ли позднее акция по вводу войск оформлена как решение Политбюро, или же даже и этого инициаторы данной акции не посчитали нужным сделать. На заседании комитета отмечалось, что подготовка и принятие решения связано главным образом с именами четырех бывших членов Политбюро — Брежнева, Устинова, Громыко, Андропова. Да и сам А. А. Громыко, беседуя с сыном во время дачной прогулки, признает, что решение, о котором идет речь, принималось не всеми членами Политбюро, а келейно, узкой группой лиц, собравшихся на секретные совещания «за действительно закрытыми в кабинет Генсека дверями». Перечень этих лиц несколько больше того, что приводился на заседании комитета, и расставлены они в несколько ином порядке: Брежнев, Андропов, Косыгин, Устинов, Суслов, Громыко. Но ведь и в этом списке — менее половины лиц, входивших в ту пору в состав Политбюро! Иными словами, ни о каком действительно коллегиальном обсуждении вопроса и речи не было — почему же не потребовали такого обсуждения участники секретных совещаний?

Оказывается, и в этом повинны не они, а исключительно сложившаяся в ту пору структура власти, установленный свыше порядок, который давал возможность Генеральному секретарю ЦК КПСС игнорировать основополагающие принципы партийной демократии. Участники совещаний не только не решались чего-либо требовать, но, как выясняется, даже не знали, пригласят ли в очередной раз для обсуждения проблемы их самих. «Что касается вопроса о том, кого на первые совещания по Афганистану приглашали, кого нет, то это зависело от желания Генерального секретаря ЦК КПСС»,— свидетельствует А. А. Громыко. Пригласил (или, точнее, затребовал к себе) Генсек упомянутых выше пятерых или троих соратников — они и санкционировали «афганский поход». А как же иначе?

Так было в 1979 году, но как неузнаваемо трансформируются подчас страницы прошлого в иных воспоминаниях десять лет спустя! «В 1979 году,— заявил сыну А. А. Громыко,— ни в Политбюро, ни в ЦК КПСС, ни в руководстве союзных республик не было ни одного человека, который возразил бы против удовлетворения просьбы афганской стороны в решении по оказанию военной помощи дружественному Афганистану». В точности цитаты сомневаться вроде бы не приходится — ведь Громыко-младший уверяет, что полностью запомнил высказывания отца («сработал инстинкт историка»). Остается лишь гадать, как столь опытный, искушенный дипломат, как А. А. Громыко, мог утверждать подобное, да еще в период, когда со всей неопровержимостью было установлено, что не только руководители республик и члены ЦК КПСС, но и ряд членов и кандидатов в члены Политбюро были поставлены перед свершившимся фактом?..

Приверженцы более чем спорного постулата, гласящего, что, дескать, при изучении афганской проблемы «дело не в фамилиях», сосредоточили подчас не только на деформированный в эпоху застоя механизм принятия решений, но и утверждают, что, дескать, оценивать позиции основных действующих лиц, стоявших у истоков трагедии, нет нужды, поскольку они, как говорится, уже ушли в мир иной. Да, упомянутую А. А. Громыко «руководящую шестерку» не вызовешь сегодня в Кремль, чтобы потребовать отчета за содеянное. Но у меня лично не вызывает сомнений, что, если мы действительно хотим знать собственную историю и извлекать из нее уроки, мы должны дать объективную, непредвзятую и всестороннюю оценку всем нашим ведущим политическим деятелям, и ушедшим в том числе, не игнорируя, разумеется, их реальных заслуг, но и не закрывая глаза на совершенные ими ошибки.

И это не все. «Шестерка», о которой шла речь выше,— это, конечно, главные действующие лица, стоявшие у истоков афганской трагедии. Главные, но не единственные. Хотя решение о вводе войск и готовилось втайне, это не означает, что те, кто принимал решение, вообще не имели в своем распоряжении никакого анализа ситуации. Но что это был за анализ? Можно представить себе два варианта. Первый: советники и эксперты были в курсе реального положения дел, могли представить себе если не все, то многие негативные последствия намечавшейся акции, но, зная позицию «верхов», склонявшихся к вводу войск, предпочли действовать по принципу «чего изволите?», имея при этом в виду, что такая тактика, по крайней мере на первом этапе, наверняка обернется для них щедрым дождем наград и повышениями по службе. Вариант второй: эксперты, будучи достаточно принципиальными людьми, формулировали рекомендации на основе искаженных, ошибочных данных.

Но где в таком случае гарантия того, что какой-либо наш доморощенный Оливер Норт, угнездившийся в МИДе, в Министерстве обороны или в разведке, убедившись, что ему все сходит с рук, не задумает подготовку почвы для новой ошибки?

В беседе с обозревателем «ЛГ» Ан. А. Громыко приводит и слова отца о том, что решение о «военной помощи» Афганистану принималось «в основном» под влиянием «объективных» факторов. Вот как?..

Истины ради надо сказать, что и многие представители нашего журналистского цеха (в том числе и автор этих строк) далеко не сразу сумели разобраться в том, что означал ввод наших войск в эту страну. Но потом разобрались, поняли. Именно журналисты, особенно те, кто бывал в Афганистане, одними из первых задали вслух вопрос: да нужен ли был, оправдан ли был этот шаг, возведенный по приказу свыше в ранг «благородной интернациональной акции»? Но сегодня и нам — тем, кто видел на афганской земле такое, чего никому не пожелаешь увидеть,— очень хотелось бы знать: кто и из каких соображений подталкивал власть имущих к решению начать бесславный «афганский поход»? Кто подзуживал?

Будем надеяться, что с помощью народных депутатов СССР и на этот пока еще «темный угол» проблемы упадет наконец целительный луч гласности.

Юрий КОРНИЛОВ



ПРОЗА ЖИЗНИ

...И ХЛЕБА — НА КОПЕЙКУ

К. БАРЫКИН
Фото М. ШТЕЙНБОКА

НЕГРОМКИЕ И НЕСПЕШНЫЕ БЕСЕДЫ В СПОКОЙНОЙ И НЕДЛИННОЙ ОЧЕРЕДИ

Первым чаще всего приходит невысокий, опрятно одетый мужчина. Он степенно подходит к закрытой двери, достает из аккуратного портфельчика газету. К половине двенадцатого собирается человек пятнадцать, а то и поболее. Подходят, здороваются по имени-отчеству, давние, видать, знакомые.

В день погожий, солнечный, как сегодня, с заметным к себе уважением чинно и обстоятельно выстраиваются вдоль здания, рядом с большими окнами-витринами, за которыми, очередь это знает, уже наварено, нажарено, напарено... Простые магазинные очереди отмечены разговорами нервными, злыми, а тут — обмен мнениями, неспешные воспоминания. И комментарии: «Наших окончательно расформировали». «Может, к лучшему?» «Не скажи. Рука потверже сейчас вот как нужна». И показывает — как нужна: по горло, позарез... Кивает на вырытую в тротуарной тверди канаву. «Стройбат выручает. А я бы до такого не допустил, никогда...»

Да, в теплый день можно поговорить, обсудить, посудачить. А непогода загоняет всех в неухоженный, других Москва и не знает, подъезд. Та дверь, что прямо, ведет в не выселенные еще квартиры, или в трест, или в редакцию очень популярного научного журнала. Им туда не надо. Им направо. Им в дверь, на стекле которой начертано, что войти сюда можно, только предъявив пропуск.

— Василь Палыч, никак ты? — Немолодой, с щегольски подстриженными усиками постоялец очереди обращается к ее новобранцу.

— Кому еще быть? — Василий Павлович отзывается охотно, радушно. Рад встрече? Может быть... «Сколько же тебе?» «Да вот шестьдесят будет. Меня же за два года, в «досрочные» загнали».

Василий Павлович смеется — широко, щедро. Ему так неуютно в пенсионерах, что старается веселостью скрыть то, что таит пока и от себя самого: обидели, не дали доработать даже до пенсионного. Не посчитались! И опыт оказался ненужным, и номенклатурные знания.

— Что-то я тебя здесь не встречал?

— Редко бываю, дома столуюсь... Да и к себе иногда захожу, сослуживцы позванивают, приглашают...

— Значит, новости знаешь?

— Как не знать, за тарелки сядем, расскажу...

Тот, что с усиками, выходит из очереди, подстраивается к Василию Павловичу:

— До тарелок еще полчаса. Не тяни...

— А что рассказывать? Видишь, и здесь стройбат вкалывает, траншею месяц закопать не могут. При мне такое было? Разве я допустил бы?

— Никогда.— соглашается собеседник.

Я смотрю на них, и никак не могу определить, кем же был еще недавно этот крупный, с седеющей шевелюрой мужчина? Руководителем треста? Заместителем министра? Большим городским начальником?

В этой очереди — только номенклатура: пенсионеры союзного значения или республиканского. Те, что руководили, командовали, утверждали приказы, проводили коллегии. Или это очень, очень пожилые люди — те, кто в партии много-много лет, те, кто так преуспел в борьбе с нэпом, с уклонистами, с либералами и оппортунистами всех мастей и оттенков. Они строили и восстанавливали, они аплодировали тем, кто призывал их строить и восстанавливать, они пели «Мы свой, мы новый мир построим» и истово, без оглядки, делали то, к чему их призывали. Эти люди не жалели себя! Я искренне их уважаю.

...Очередь растет, но не быстро. «Не будем кучковаться!» — советует кто-то. Это явно не москвич. Это номенклатурный лимитчик, откомандированный, вызванный когда-то в столицу — на укрепление, на замену, черт еще знает, зачем его позвали. «Не кучковаться». А как в небольшом тамбуре да не тесниться... До открытия остается минут пять, может, десять, уже убраны газеты, кто-то погромыхивает обеденными судками. В этой столовой можно взять обеды и на дом. Со скидкой 10 процентов, как я вычитал в меню. Но с судками посетителей мало: кому охота коротать свой обед в домашней одинокости? Трапеза в таком возрасте хороша на народе. Не на юру, понятно, но среди своих... Можно продолжить разговор, начатый еще в очереди, повезет — узнаешь о том, о чем газеты не пишут. Гласность гласностью, но из какой такой газеты вы узнаете, что бывший первый зам из их министерства, тот самый, которого убрали (то ли правильно, то ли по недоразумению?), пошел в гендиректоры и вытянул какую-то замызганную фабричонку на такой уровень, что сейчас там хотят создать совместные предприятия: не знаю только, с датчанами или сразу с Америкой.

— Совместные — блажь, долго они не продержатся.

— Продержатся. Еще как продержатся. Помню, был в двадцать третьем за Дорогомиловской заставой консорциум, так если бы не сталинские наркомы, он и сейчас работал бы...

— Вы Сталина не трогайте, не трогайте!..

Ну разве дома в такой дискуссии поучаствуешь?

Эти люди оказались лишенными важного: возможности общаться. Всю жизнь они были в центре событий, были деятельны, и вот — в зоне молчания. Они забыты, у них нет иной возможности встретиться, как только тут — в обеденном зале. Они с завистью глядят на небольшое объявление — «Вниманию книгочеев!» — но это объявление в холле не для них, а для тех, кто приходит сюда вечерами, кто приходит спорить и говорить, общаться с единомышленниками и с несогласными: плюрализм, альтернатива! Время такое, а они не могут ощутить его вкус, ибо — на пенсии. Общение с временем через газеты и журналы — это суррогат общения. И даже телевидение не заменит живого собеседника. Им бы свой клуб, им бы трибуну! Пусть не в кумаче и лозунгах, которые не вычеркнешь из их биографий, пусть этой трибуной станет та же столовая, но не такая скорая — поел-попил-ушел, а неторопливая столовая-клуб, где можно встретиться не только за рисовыми котлетками и вегетарианским салатом без сахара, но и посидеть за чайком, обменяться своими — и государственными! — новостями и заботами, где можно поговорить и о своих хворях. И забыть о них! Хотя бы на те недолгие часы...

Мы так ловко вплели в понятие «клуб» непременные танцы (сейчас — видео) или мероприятия к празднику, что вовсе забыли о вроде бы неделовом, неразвлекательном, непоучающем приватном клубе. Приватном? Это что же будет — масонская ложа? Да нет, место для таких вот почтенных людей — это возможность, которую надо им дать, чтобы они оставались в форме и приходили сюда в аккуратном (как потребует того устав клуба) костюме, а не в неряшливом; «Мне, пенсионеру, какое дело до нарядов?», давно не утюженном, нечищенном.

Отчего исчезли в Москве клубы? Не

ДК при заводе или фабрике, а светские, по интересам и привязанностям. Как бывший Английский, что на бывшей Тверской. Как Актерский в проезде Художественного театра и в «Славянском базаре», как Купеческий — в Замоскворечье было два таких... По возрасту, наконец.

...Подходят две молодки с баулами:

— За чем стоите?

Вопрос очень непростой. За чем они стоят? За тарелкой супа? Если да, как объяснишь, что тарелка эта — не для каждого. Что это тарелка «по пропуску»! Оно так, тут нет тех, кто учреждал такие порядки, кто выстраивал иерархию потребления и потребителей. Они-то не снисходят до этой столовой. У них, говорят, осталось что-то похожее на прежнюю «кремлевку». А в списочном составе той столовой те, кто когда-то руководил крупнейшими городами и партийными организациями этих городов, были союзными министрами или заместителями предсовмина. А то — «первыми» партийцами в разных областях и краях; некоторые «первые», уйдя на пенсию, переселяются в Москву, не живут среди тех, кем руководили... Странная привычка, но вошла в практику. Не организовать ли и им свой клуб: бывших первых? Набралось бы, думаю, немало людей, которые могут претендовать на членство в этом клубе.

— Оглохли? Я спрашиваю — за чем очередь?

Как ей объяснишь, что скажешь?

А дамочка не унимается:

— Ответить трудно?

— Мы тут по своим делам! Это к вам отношения не имеет,— сказал кто-то как отрезал.

— А может, имеет, откуда ты знаешь? — напирает чернявая.

Да, это не из их клуба. Но что поделаешь? И один ниже наклоняется над раскрытой газетой, второй отворачивается, третьи возобновляют разговор, который, казалось, вовсе иссяк.

— Чудной народ! Очередь, а не знают, за чем стоят...

Женщины все же отходят, им некогда тратить время на выяснение отношений. А к очереди подходит еще один человек. Я узнаю его. Несколько лет тому назад он работал начальником крупного отдела большого и уважаемого министерства; оно неподалеку. Профессионал. Чиновник. С большой буквы Чиновник. Экономист и дока, каких поискать и поискать. Он знал в своем деле каждую малую малость и мыслил масштабно. Припоминаю, министр и первый замминистра нередко обращались за справкой к нему, к начальнику отдела. Обращались, минуя своих замов и членов коллегии, напрямую. Это льстило, но из равновесия не выводило — он знал себе цену и не запрашивал больше. Я видел его на коллегиях. Он чаще молчал. Он очень редко возражал руководству. Но никогда не поддакивал. Если считал, что вопрос повернут не в ту сторону, тоже не возражал... Но и не кивал согласно. А потом, в своем кабинете, своими силами и своей властью, старался поправить, внести в чье-то руководящее мнение те нюансы, ту корректировку, которую не высказывал. И вытягивал воз, в который впрягался. Найдя же решение, не спешил с ним к министру, а шел к своему начальнику, а тот уже шел наверх, докладывал. Министр и его первый зам знали это. И ценили тихого специалиста...

И он меня узнал, мы поздоровались.

— Как живете? — Я не знал, с чего начинать разговор в таких очередях.

— Здоровье позволяет,— чуть заметно улыбнулся он.— А вот обеды стали хуже.— Он был и остался деловым конкретным человеком, не расположенным к разговорам о погоде.

— Так нас же не прикрепили к «восьмерке»! — тут же прокомментировал услыхавший наш разговор профессионал-очередник.

Бывший Начальник Отдела не был намерен обсуждать то, что сделало Большое Начальство, определившее, какому сверчку — какой шесток, повернулся ко мне, давая непрошеному комментатору понять, что с ним говорить на такие темы, как прикрепление к «спец», не следует. Вообще не следует, а тем более здесь, где всегда столько прохожих. Не союзного, даже не республиканского значения...

Мы с ним немножко повспоминали министерские будни.

— Вы там бываете? — с надеждой спросил он.— Как они?

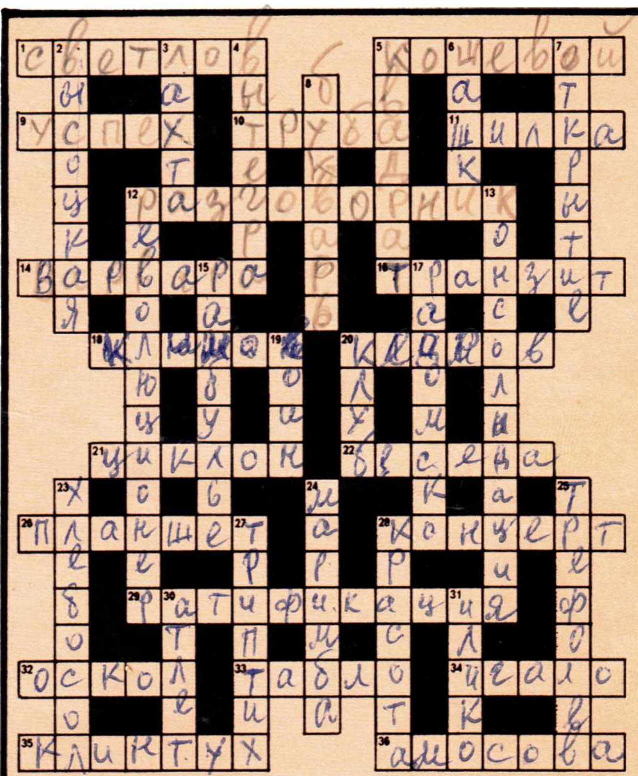
И мне стало жаль его и жаль министра, который, подписав бумаги на персональную пенсию, забыл своего начальника отдела.

...Вот уже и минутная стрелка подошла к цифре «12». Вот уже и раскрывается дверь. Размеренно, но и не без резвости столующиеся проходят мимо пурпурной вывески, известившей о том, что это предприятие отличного обслуживания; мимо очень революционного сюжета живописного полотна, на минуту задерживаются перед умывальником и — вперед, к раздаточной стойке. Можно, конечно, сесть и за столики — официантки тут внимательны и предупредительны. Но так не хочется записывать себя в немощный ряд.

...Около входа в зал самообслуживания меню. Селедочка со свежим помидором и маслом растительным, салаты, один из них по лечебному питанию, для тех, кому сахар противопоказан. Икра баклажанная (100 гр — 13 коп.) и зернистая (20 гр — 1 р. 31 коп.), протертый суп с гренками и суп крестьянский, «ветчина КНР с хреном» — 54 коп. порция; компоты, молоко и кефирчик, творожок со сметанкой. Славно. И хлеб, как же без хлеба. Про хлеб в меню написано так: «Хлеб на копейку: орловский 56 гр., батоны нарезные 31 гр».

При сытном обеде одному едоку больше и не надо. Две копейки два ломтика: орловский и пшеничный... Приятного аппетита!





КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Поэт, автор слов песни «Гренада». 5. Герой Советского Союза, комиссар подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». 9. Общественное признание, хорошие результаты в работе, учебе. 10. Духовой музыкальный инструмент. 11. Река, одна из составляющих Амур. 12. Издание, помогающее в общении на иностранном языке. 14. Действующее лицо в драме А. Н. Островского «Гроза». 16. Перевозка пассажиров и грузов через промежуточные пункты. 18. Конструктор авиационных двигателей, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 20. Народный артист СССР, актер, режиссер МХАТа. 21. Советский ракетоноситель. 22. Разговор, обмен мнениями. 26. Плоская сумка для ношения карт. 28. Публичное исполнение музыкальных произведений. 29. Утверждение международного договора. 32. Приток Северского Донца. 33. Щит на стадионе со световыми надписями. 34. Курорт в Черногории. 35. Дикий голубь. 36. Советская спортсменка, олимпийская чемпионка в лыжной эстафете в 1976 году.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Диктор Всесоюзного радио, народная артистка СССР. 3. Мелководный морской залив на северо-западе СССР и в Финляндии. 4. Река, часть Волго-Балтийского водного пути. 5. Прямоугольник. 6. Настольная игра. 7. Новое научное достижение. 8. Азбука. 12. Участник коренного переворота в жизни общества. 13. Объединение, сплочение для усиления борьбы за общие цели. 15. Порода тонкорунных овец. 17. Город в Польше. 19. Боец, солдат. 20. Общественная культурно-просветительная, спортивная организация. 23. Радушный, гостеприимный человек. 24. Африканский ударный инструмент, разновидность ксилофона. 25. Поэт, автор слов одного из вариантов песни «Дубинушка». 27. Композиция из картин, объединенных одним замыслом. 28. Качества, доставляющие наслаждение взору, слуху. 30. Спортсмен, человек крепкого телосложения. 31. Один из героев повести Н. В. Думбадзе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Панкратов. 8. «Возмездие». 10. «Рабочий». 11. Болград. 13. Дыбенко. 14. Безыменский. 17. Тарелкин. 19. Прелюдия. 20. Гречанка. 22. Шкатулка. 26. Гидропоника. 28. Русская. 29. Антракт. 30. Бобслей. 31. Вечеринка. 32. Двигатель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Баталист. 2. Прораб. 3. «Богатыри». 4. Комиссар. 5. Бедный. 6. Лицензия. 9. «Жорес». 12. Декларация. 13. Диалектика. 15. Тренер. 16. «Идеалы». 18. Нуга. 19. Плюш. 20. Гонсалес. 21. Курсовка. 23. Консервы. 24. Акварель. 25. Опись. 26. Гагара. 27. Ананас.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Почтовая карточка, напечатанная в 1930-м году тиражом два миллиона экземпляров.

Публикация Александра МИНКИНА





ПОЛЕТЫ НА КОЛЕСАХ

Первые мотоциклетные соревнования в России прошли в 1898 году под Петербургом. В них наряду с трехколесными мотоциклами участвовали автомобили. Но мотоцикл доказал, что он быстрее — дистанция в 39 верст была пройдена победителем со средней скоростью 24,6 км/ч.

Сейчас эта цифра столь же архаична, как и слово «верста». Расстояния мы меряем километрами, что же касается скоростей, то счет идет на доли секунды.

Иные скорости, иная техника, огромное разнообразие соревнований по мотоспорту — и мотогонки, и мотокросс, и мотобол, и спидвей, и стадион-кросс (фрагменты из него вы видите на фотографиях) — многое изменилось сегодня.

Но люди остались прежними, и их продолжает притягивать двухколесное чудо. Это прежде всего, конечно, скорость — так скажут и мальчишка-рокер в кожаной куртке и кирзовых сапогах, и чемпион мира. Но мотоспорт дает и другое — это ни с чем не сравнимое чувство единения одновременно и с техникой, и с природой. Открытость всем ветрам, незащищенность (ведь автомобиль — это все же некоторая иллюзия безопасности, отгороженности от мира), риск, балансирование на краю.

И преодоление опасности, преодоление своего страха и самого себя. Словом, полет.

А. СУРИНА,
фото Ю. ТУТОВА



40 коп.
Индекс 70663



